

ПИОНЕР

ИЮНЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1963 г.

6

ОТКРЫВАЕМ

НАЧАЛО ДРУЖБЫ

Фото И. Тункеля и В. Тюккеля.

ФЕСТИВАЛЬ

РАЗНОЦВЕТНЫХ

ГАЛСТУКОВ

Друг, открывающий номер журнала! Задержись на минутку на этой странице. Прислушайся — вот звучат команды:

— Флаг фестиваля поднять!

— Есть поднять!

И горны, трубы, рожки, фанфары торжественно запели позывные — особую мелодию, которая понятна всем детям на свете: «Пусть всегда будет солнце...»

И загрохотали в такт тысячи барабанов всевозможных форм и расцветок: ведь в каждой стране барабан сделан по-своему.

Здесь, на этой странице, в ту самую минуту, когда ты открыл журнал, начинается фестиваль разноцветных галстуков!

Год назад, на Всесоюзном слете пионеров Советского Союза, были посланцы пионерских и детских организаций Бельгии, Венгрии, Гвинеи, Германской Демократической Республики, Дании, Западного Берлина, Кипра, Мали, Норвегии, Польши, Румынии, Чехословакии, Швеции, Федеративной Республики Германии, Финляндии, Франции. Вместе с делегатами слета советских пионеров они приняли послание ко всем детям мира.

«...Мы живем далеко друг от друга, говорим на разных языках, но всем нам дорог мир.

Мир — это жизнь!

Война — это смерть!..

...Нам нужен мир, чистое небо и яркое солнце. Мы хотим учиться, трудиться, мечтать и дружить!» — говорится в послании.

И вот редакция журнала «Пионер» по просьбе и по совету ребят решила провести заочную встречу-фестиваль разноцветных галстуков.

Чтобы попасть на наш фестиваль, не надо собирать чемоданы, укладывать рюкзаки, добывать деньги на дорогу.

Тебе удалось достать этот номер журнала? Значит, ты тоже участник фестиваля!

Каждый, кто хочет мира, кто умеет дружить, — добро пожаловать!

Девиз фестиваля: учиться, трудиться, мечтать и дружить!

Итак —

флаг фестиваля поднять!

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО
КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Издательство
«ПРАВДА»

ИЮНЬ
1963

№6

С. МАРШАК

РАЗНОЦВЕТНЫЕ галстуки

Вот шар земной
Передо мной.
Над ним лучи блещут,
И галстучки,
Как ласточки,
Навстречу им летят.

Несется стая всех цветов
Из деревень и городов,
Из ближних стран и дальних стран,
Перелетает океан.

Каких цветов здесь только нет!
И красный цвет, и синий цвет,
Зеленый цвет и голубой —
И все дружны между собой.

Когда сошлись они на сбор
В Артеке на площадке,
Казалось, красочный узор
Расцвел в саду на грядке.

Сошелся с Западом Восток,
Сошелся Север с Югом.
И дали все они зарок
По-братски жить друг с другом.
Во всем друг другу помогать
Ребята слово дали.

А нынче галстуки опять
Сошлись на фестивале
В Москве — у нас в журнале.

Здесь на страницах пред тобой —
Зеленый галстук, голубой
И красный — цвета пламени, —
Как на советском знамени.

В различных галстуках пройдут
Племен различных дети,
Что верят в правду, в честный труд
И мир на всей планете.

Друзьям и братьям юных лет
Я посылаю свой привет!

Манолис ГЛЕЗОС

Шлю самый горячий привет своим маленьким друзьям. Никогда не забуду, что и маленькие граждане Советского Союза боролись за то, чтобы вырвать меня из тюрьмы, чтобы и мой сын узнал отцовскую ласку.

Детям принадлежит будущее. Желаю детям всего мира не знать ужасов войны, бедствий, голода, невежества.

Желаю детям Советского Союза успешно помогать своим отцам строить близкое будущее — коммунизм.

Войцех ЖУКРОВСКИЙ,

польский писатель

Дорогие друзья!

Тополь ежегодно вырастает на полтора метра, да ведь и вы тоже каждый год подрастаете на несколько сантиметров, не правда ли? А как с головой? С сердцем? Умножаете ли вы свои знания, укрепляете ли сердечную готовность сделать вашу Советскую Родину богаче и прекраснее? Готовы ли вы, если понадобится, не медля броситься на помощь человеку?

Почему я спрашиваю об этом? Да потому, что и сейчас еще в мире много детей, которые по-настоящему так и не знают детства. Я ездил по свету, я видел таких детей. Многие страны Африки, Азии и Латинской Америки еще находятся под ярмом чужеземцев. Народы там страдают в угнетении. Им надо помогать! Их нужно поддерживать в борьбе, которую они ведут за лучшее будущее!

Дети разных народов должны быть вместе, должны крепко дружить, чтобы наступило время, когда на земном шаре все люди — белые, черные, желтые — станут друзьями и братьями и будут жить по закону «Все за одного, один за всех!»

Павел ПОПОВИЧ

Когда летишь на космическом корабле вокруг Земли, видишь, какая она огромная, наша планета, видишь ее леса, ее горы, ее океаны... Но ни огромные расстояния, ни самые высокие горные цепи, ни океанская ширь не мешают детям всей Земли дружить между собой. Пусть эта дружба соединяет страны и континенты!

Павел Романович Попович на Кубе.

Борис МАЙОРОВ,

капитан сборной хоккейной команды СССР, заслуженный мастер спорта

Мне кажется, что под пионерским галстуком всегда должно биться доброе и отважное сердце. А руки у пионера должны быть ловкими, ноги быстрыми, и пусть он будет сильным и крепким.

Все это дает спорт.

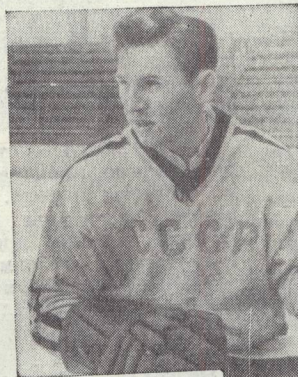
И дружбе помогает спорт и победам. А вы собираетесь дружить и побеждать?

Наша хоккейная команда стала в этом году чемпионом мира. Мы получили в Стокгольме (вы помните, что чемпионат мира проходил в Швеции?) переходящий кубок — вот он, вы видите его справа.

Успеха мы достигли благодаря нашей дружбе, сплоченности, коллективной спайке.

Я желаю вам, пусть все «разноцветные галстуки» будут дружными. Тогда вы во всем добьетесь успеха.

Евгений и Борис Майоровы

Это ребята из разных стран. Они все за мир и свои горячие призывы к миру отправляют в полет на шарах.

ПАРАД *ветеранов* разноцветных ГАЛСТУКОВ

На пяти континентах живут пионеры. Галстуки у них, пожалуй, всех цветов радуги. А хотят пионеры разных стран одного и того же: мира, дружбы, счастья.

АВСТРАЛИЯ. У австралийских пионеров галстуки голубые. В своем уставе ребята записали: «Любить свою страну, расти активными участниками борьбы рабочих, укреплять дружбу с ребятами всех стран».

АВСТРИЯ. Члены австрийской «Юной гвардии» носят красные галстуки с белой каймой. Их цель: всегда отстаивать интересы трудового народа, быть в первых рядах борцов за мир и дружбу народов, любить свою родину.

АЛБАНИЯ. Первый отряд пионеров родился более двадцати лет назад. В феврале 1942 года на окраине Тираны тайно собралась группа ребят. Глядя на восток, где в то время советский народ сражался против фашистов, ребята подняли крепко сжатые кулаки и поклялись бороться за свободу своей страны. Сейчас в Албании более ста пятидесяти тысяч пионеров.

АНГЛИЯ. Две зеленые елочки на фоне восходящего солнца — такая эмблема у английского «Лесного народа». «Лесной народ» — это те мальчишки и девчонки Англии, которые хотят, чтобы на всей земле были мир и дружба между народами. Их девиз: «Крепить мир дружбой!».

АРГЕНТИНА — страна щедрого солнца, плодородной земли и... нищеты народа. Союз пионеров Аргентины борется за лучшие условия жизни, помогает семьям рабочих-забастовщиков, собирает вокруг себя детвору городских окраин и сельских лачуг.

БЕЛЬГИЯ. Повязывая красные галстуки, бельгийские пионеры дают торжественное обещание «быть всегда и везде пионером».

Рабочие Бельгии любят проворных мальчишек и девчонок в пионерских галстуках. Эти ребята вместе со взрослыми ведут предвыборную агитацию за представителей народа, помогают семьям забастовщиков и заключенных в тюрьмы революционеров.

БОЛГАРИЯ. 650 тысяч ребят в пионерской организации Георгия Димитрова да еще 300 тысяч в группах юных чавдарчат, которые называются так в честь Чавдара, юного героя освободительной борьбы болгарского народа против турецкого ига. Как во всех социалистических странах, в Болгарии о детях заботится весь народ. В распоряжении ребят спортивные залы, станции юных техников, театры и клубы, дворцы пионеров, музыкальные школы.

ВЕНГРИЯ. Венгерских октябрят называют «кишдобощ». Это значит «маленькие барабанишки». И у кишдобошей и у венгерских пионеров один девиз: «Элере!» («Вперед!»). Вперед по тропинкам походных маршрутов, вперед по пути знаний, вперед, к новой жизни социалистической Венгрии!

ДРВ. Вьетнамские дети в красных галстуках крепко запомнили шесть советов, которые дал пионерам руководитель вьетнамских коммунистов товарищ Хо Ши Мин: «Люби родину. Люби народ. Люби труд. Будь примером в ученье. Будь

дисциплинирован. Соблюдай правила гигиены». Ребята стараются следовать этим советам.

ГАНА. В пионерскую организацию Ганы можно вступить, когда тебе исполнится четыре года, и оставаться в ней до двадцати пяти лет. Поэтому из каждого шести жителей Ганы один в пионерском галстуке. Галстук красный, окаймленный бело-зеленой тесьмой. Это символ строителей нового государства.

ГВИНЕЯ. У гвинейских пионеров галстуки разных цветов, смотря по возрасту. От семи до десяти лет — красные, от одиннадцати до четырнадцати — желтые, от пятнадцати до семнадцати — зеленые. Девиз гвинейских пионеров: «Всегда вперед! Никогда назад!»

ГДР. Пионеры Германской Демократической Республики носят имя Эрнста Тельмана. Младших ребят называют «юными пионерами», а старших — «пионерами-тельманцами». В этом году у немецких пионеров большой праздник. В декабре пионерской организации имени Тельмана 15 лет.

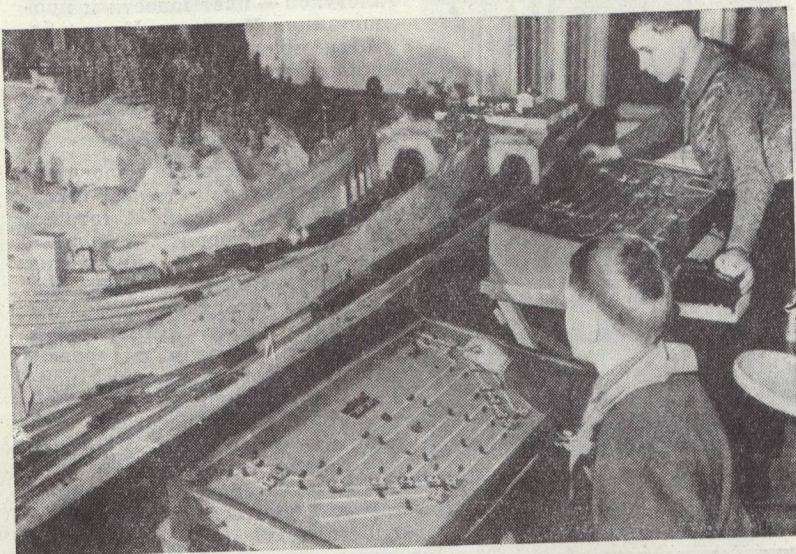
ИНДИЯ. Организация индийских пионеров возникла совсем недавно — 1 января 1962 года. У ребят оранжевые галстуки, окаймленные трехцветной полоской — желтой, белой, зеленой. Знамя у них, как и галстуки, оранжевое. В пионерском уставе записано: «Распространять среди детей всего мира идеи братства и сотрудничества, укреплять дружбу наций».

ИТАЛИЯ. 1 июня, в День защиты детей, в пионерских отрядах Италии устраивают прием в пионеры. Ребята встают у знамени и произносят клятву: «Я торжественно обещаю быть достойным звания члена союза пионеров Италии, честно выполнять программу, правила и девиз, выполнять поручения коллектива и быть примером для всех детей. Обещаю беззаветно бороться за дело трудящихся, за то, чтобы Италия стала страной свободы, мира и прогресса».

КИПР. Белые блузы и зеленые юбочки и брюки — форма пионеров Кипра. Зеленый цвет

Песни Кубы любят во всем мире. Юные кубинцы поют их перед микрофоном для друзей своего народа.

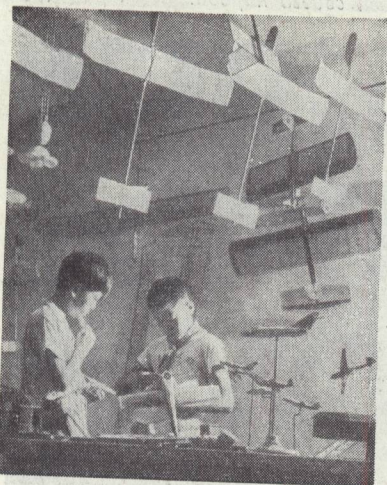
Поезд входит в туннель. Нужно, чтобы он прибыл точно по расписанию. Юные железнодорожники Праги у диспетчерского пульта.

Здорово отплясывают эти польские ребята веселые и задорные танцы своей родины!

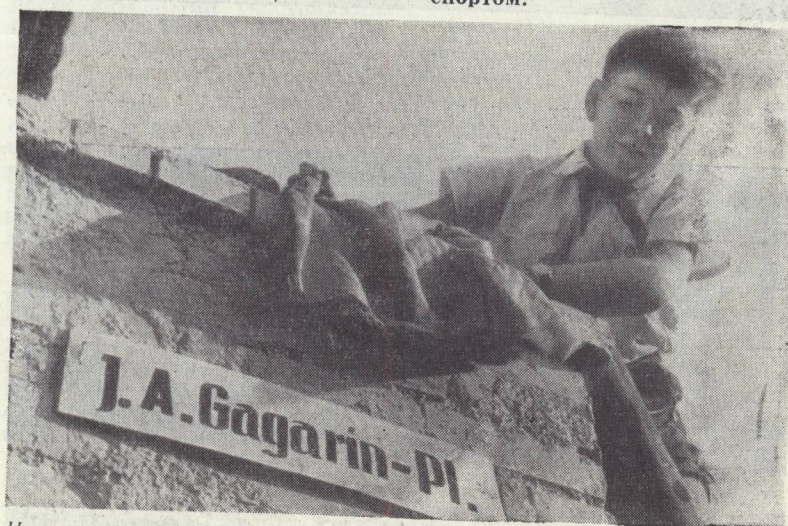

Куда бы ни приехали советские ребята, они несут с собой мир и дружбу, потому что это дети страны, охраняющей мир.

Многие летчики и конструкторы начинали с таких моделей, как эти китайские пионеры.

Новая табличка «Площадь Юрия Гагарина». По предложению ребят одной из площадей Османштадта (ГДР) дали имя космонавта.

КНДР. Девиз корейских пионеров: «Будь готов стать резервом коммунистического строительства». Совсем недавно в КНДР был построен целый железнодорожный поезд на деньги, собранные пионерами от сдачи металлического лома.

КУБА. На перекрестке двух шумных улиц стоит мальчишка. Он взмахивает рукой, и поток машин мгновенно замирает, через улицу спешат пешеходы. Мальчишка в красном берете и бело-голубом галстуке — кубинский пионер. Пионеры помогают народной милиции, воюют с неграмотностью.

МАЛИ. Пионеры Мали носят короткие брюки и рубашки защитного цвета. А галстуки и береты у них разные. У младших мальчиков зеленый берет и зеленый галстук, у ребят постарше берет и галстук желтые, а у старших пионеров — красные. У девочек другая форма. У самых младших зеленая куртка и зеленая косынка на голове. У среднего возраста куртка и косынка желтые, у старших — красные.

Призыв малийских пионеров «Действовать!». Пионеры помогают правительству бороться с неграмотностью.

МОНГОЛИЯ. 60 тысяч мальчиков и девочек в пионерской организации Монголии. Их девиз: «В борьбе за дело Монгольской народно-революционной партии будьте готовы!» У ребят красные галстуки и значок, на котором изображен костер и «знак соеба» — «знак независимости».

НОРВЕГИЯ. Прежде, чем стать членом Союза пионеров Норвегии, нужно доказать, что ты знаешь пионерские законы, историю праздника 1 Мая, изучить правила походной жизни. Тогда тебе вручат синий галстук. На призыв вожатого «К борьбе за мир и дружбу будь готов!» вновь принятые пионеры отвечают: «Всегда готовы!»

ПОЛЬША. Вступая в ряды харцеров, польские ребята дают обещание: «...служить народной Польше, бороться за правду и справедливость, помогать людям и выполнять харцерский закон».

Галстуки у харцеров разного цвета. Каждая дружина сама выбирает свой цвет. На пилотках у харцеров бронзовые лилии. На них буквы «ОНЧ» — отчизна, наука, честь.

РУМЫНИЯ. В Румынии 1 миллион 200 тысяч пионеров. Они хорошо помогают взрослым. «Пионерский сноп», который собрался из пионерских колосков, весит один миллион килограммов. Из посаженных пионерами деревьев получится аллея, которая опояшет страну по границам. В металлургическом центре Хунедоара то и дело дают «пионерские плавки».

ФИНЛЯНДИЯ. Трудно работать Демократическому союзу пионеров Финляндии. Множество буржуазных организаций заманивают ребят в свои роскошные клубы, внушают им ненависть к пионерам. И все равно союз пионеров — самая влиятельная детская организация в стране.

ФРАНЦИЯ. Французские вайаны, «отважные», крепко берегут революционные традиции своего народа. Красная кайма на синих галстуках — немеркнущая память о борцах Коммуны, о борцах Сопротивления. Вайаны активно участвуют в борьбе рабочего класса. Во время национальной забастовки шахтеров они собирали для забастовщиков продукты и деньги.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ. Еще в буржуазной Чехословакии возникли первые пионерские отряды. В годы фашистской оккупации гитлеровцы арестовывали мальчишек и девчонок в красных галстуках. 70 пионеров были расстреляны. Они отказались снять галстуки и изменить своей родине.

Миллионная армия чехословацких пионеров, занятая трудом и учением, бережно хранит славные традиции первых пионеров, помнит их имена.

Вот два снимка. На левом — венгерские ребята-археологи расчищают свою драгоценную находку — древний сосуд. На правом — советские ребята, юные мастера Баламутовской восьмилетней школы. Уже на двух международных выставках удивляли всех их конструкции: универсальный робот и «механические руки». А это что за кастрюля на ножках? Это... «электронный метеоролог». Он с самого далекого поля сможет по приказу передавать в колхоз-метеорологические измерения, которые сделает сам.

ЮГОСЛАВИЯ. У пионеров Югославии тоже боевое прошлое. Первые пионерские отряды возникли при партизанских отрядах. Ребята выбирали командира и комиссара, как у партизан. После освобождения страны от фашистских захватчиков отряды пионеров были созданы при всех школах.

Кроме пионерской организации, в Югославии есть еще одна — «Союз разведчиков». У разведчиков галстуки разных цветов — они выбирают их сами. Значок — в форме зеленого листа с красной пятиконечной звездой и компасной стрелкой, указывающей разведчикам прямой и верный путь.

Около тридцати тысяч пионеров ГДР участвовали в марше мира. Проходя через города и села, ребята собирали на ленточки подписи в защиту мира.

Большой костер фестиваля

Грязная, темная улочка, на которую даже яркое солнце Италии не имеет доступа. Коммунисты борются за то, чтобы все дети увидели солнце и счастье.

На этих страницах — на большом костре фестиваля — идет разговор о том, что тревожит и взрослых и детей на всем земном шаре.

Ребята в разноцветных галстуках против войны, голода, фашизма, колониализма. Вместе со взрослыми они борются за мир, за социализм, за счастье всех детей.

ЮНЫЕ ОЛДЕРМАСТОНЦЫ

Английский город Олдермастон такой маленький, что далеко не на всякой карте его и найдешь. Но имя этого города хорошо известно не только в Англии, но и за ее границами.

Все началось с того, что английское правительство построило в Олдермастоне институт для разработки новых образцов атомного оружия. Об этом знали немногие. Но в 1958 году английские борцы за мир прошли с плакатами и транспарантами стокилометровый путь от ворот атомного института до здания английского парламента в Лондоне, требуя запретить оружие смерти, и об Олдермастоне узнал весь мир.

С тех пор походы английских сторонников мира проводятся ежегодно. И каждый год вместе со взрослыми в колоннах демонстрантов идут дети.

В этом году я поехал в Олдермастон к началу похода. Времени у меня было в обрез. Я не успел узнать в Лондоне, откуда, с какой улицы начнут свой путь демонстранты, и беспокоился, успею ли найти их до того, как колонны тронутся. Но, подъехав к Олдермастону, я сразу успокоился. На всех перекрестках, на развилках дорог автомобилистов встречали местные школьники с плакатами: «Миру — мир!», «Долой атомную бомбу!». Ребята указывали путь к воротам института.

Под гром оркестров, с развевающимися плакатами и громкими антивоенными песнями шеститысячная поначалу колонна демонстрантов тронулась в путь на Лондон.

Признаться, выезжая в Олдермастон, я собирался поговорить с самым младшим участником похода. Но уже с первых минут понял, что это невозможно, потому что самые младшие еще не умеют говорить. Их везли в колясках папы и мамы, старшие братья и сестры. Вот шагает, толкая коляску, миссис Дженнифер Джонс со своими ребятами. А вот идет семья инженера Билла Ричардсона. Они участники всех пяти предыдущих олдермастонских походов. Отец и мать везут

Олдермастонский поход.
Идут студенты университетского города Оксфорда.

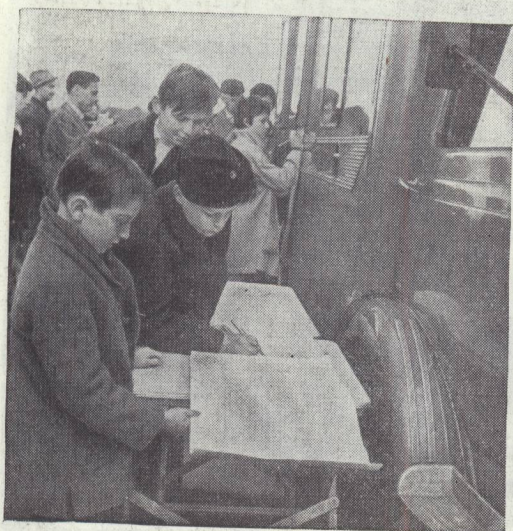

*Путь далекий, не мудрено и
ноги стереть.*

*Это эмблема борьбы
против атомного оружия.*

*Вот они, олдермастонцы из
города Слоу. Привет вам,
два Джона и Дэвид, юные
борцы за мир на планете!*

в коляске двух малышей. Две девочки постарше с флагами, украшенными эмблемами борцов против атомного оружия, шагают рядом. Самая старшая девочка, Филиппа, которая свой первый марш начинала вот так же, в детской коляске, идет сейчас в колонне учеников ее школы.

— Сейчас у нас в школе каникулы, — сказала она мне. — Родители, конечно, отпустили бы меня к родственникам, к морю, но ведь наши отцы и матери организуют поход ради нашей жизни, ради мира и счастья, и мы должны помогать им в этом.

С начала похода, как я уже сказал, в колонне олдермастонцев было шесть тысяч человек. А к середине пути собралось уже около двадцати тысяч. Среди тех, кто присоединился по дороге, очень много ребят.

Вот история трех школьных товарищей из небольшого городка Слоу — это на полпути из Олдермастона в Лондон. Зовут их Дэвид Хейт, Джон Джормен и Джон Кристофер.

В прошлом году, когда им было по десяти лет, друзья впервые влились в колонны олдермастонцев, проходившие через их город. Примкнули поначалу просто так, из любопытства. Шли в колоннах вместе со взрослыми, разучивали и пели антивоенные песни. К вечеру оказалось, что они ушли на много километров от дома. Взрослые участники похода, узнав, что ребята ушли без спроса, собрали для них деньги, посадили в автобус и велели ехать к родителям.

В первый же день после каникул мальчики попросили учителя рассказать им об олдермастонских походах. Учитель смутился и ответил что-то невнятное. Друзья не сдались, достали брошюры, поговорили с местными участниками похода и в этом году шагали в колоннах похода уже как равноправные его участники. Они заранее уговорили родителей отпустить их на два дня, заранее скопили деньги на обратный путь.

Я встретил трех друзей на привале в поле. Выстроившись в длинную очередь, участники похода подписывали там «Великую хартию мира». В этой хартии, которая затем была передана английской королеве и британскому правительству, олдермастонцы требовали запретить атомное оружие, требовали мира и счастья для всех детей на свете.

Тысячи английских борцов за мир подписали эту хартию, и среди них два Джона и Дэвид, которые хоть и живут совсем в другом городе, но с гордостью и по праву называют себя олдермастонцами.

Борис ГУРНОВ

Фидель Кастро Рус, вождь революционной Кубы, приезжал в нашу страну. Вот он приветливо разговаривает с узбекскими школьниками.

Праздничное шествие сомалийских школьников в столице республики Могадишо в день независимости страны. Они несут свои учебники, сделанные из древесной коры. Наконец-то дети Сомали могут учиться.

Этот мальчик ранен в уличном столкновении с полицией. Он живет в столице Чили Сант-Яго и вместе с другими детьми помогает рабочим в борьбе за то, чтобы дети не голодали.

ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ

Это лето было в Париже особенным. То в одном конце города, то в другом гремели взрывы. Это фашистская организация ОАС хотела запугать тех, кто боролся за мир в Алжире. Бомбы рвались в машинах, на улицах, в кафе, в квартирах. И очень часто в помещениях коммунистической партии.

Именно поэтому на улице Дюкле, в 20-м районе французской столицы, в небольшой комнате партийной ячейки этого района повесили плакат «Отечество в опасности».

Каждый вечер в помещении ячейки появлялся дежурный. Коммунисты всю ночь охраняли комнату, а заодно и дом, где преимущественно жили рабочие-металлисты.

В этом же доме жил и отец Рожэ. Рожэ было десять лет. Все лето он провел в деревне у тетки, а когда в конце августа вернулся в Париж, то первым делом побежал в свой штаб — штаб вайянов. Вайяны — значит «отважные», так называют себя французские пионеры.

Раньше здесь был маленький чуланчик зеленщика Дюкона. У Дюконов пятеро ребят, и когда трое из них стали носить пионерские галстуки, они уговорили отца отдать эту каморку под штаб. Вайяны с улицы Дюкле выскребли, вычистили, вымыли, выкрасили свой чуланчик, так что он стал ничем не хуже комнаты, где собирались их отцы-коммунисты.

И вот когда Рожэ открыл дверь штаба, он увидел на стене лист бумаги. На нем большими буквами было написано: «Отечество в опасности». А ниже список вайянов, и против каждой фамилии — число.

Рожэ не пришлось долго гадать, что бы это могло значить. Услышав о его приезде, прибежали все, кто уже вернулся в Париж или вообще никуда не уезжал. Пришли трое степенных братьев Дюконов. Появилась Мари Клошель, что

живет напротив Рожэ, и Алан Салю, принятый в их отряд прошлой весной, и маленькая Аннета Туркадель, которой еще рано было вступать в отряд.

Старший Дюкон — Анри, объяснил Рожэ, что они тоже решили ночами охранять свой штаб. Конечно, взрослые дежурят, но они, вайяны, сами должны отвечать за себя. Мало ли что может случиться! У них здесь и документы — адреса всех вайянов, — и барабан, и футбольный и волейбольный мячи.

Рожэ все понимал. Но когда он нашел свою фамилию и узнал, что его дежурство послезавтра, сердце его сжалось от страха.

У Рожэ была тайна, в которой он никому и ни за что на свете не признавался: он боялся темноты. Когда Рожэ приходилось дома входить в темную кухню, ему казалось, что кто-то невидимый протягивает из этой черноты длинные руки и вот-вот схватит его. Тогда он стремглав бросался к выключателю и зажигал свет. И ничего Рожэ не мог поделать с собой.

А Анри Дюкон продолжал:

— Вокруг дома ходят взрослые. Но ты тоже должен раза два обойти двор. Мало ли что может быть! Может быть, ты заметишь то, чего они не заметят.

Во дворе, темном, мрачном каменном колодце, было сумрачно даже днем. Рожэ представил, как он выходит туда ночью, и ему захотелось крикнуть: «Я не буду дежурить! Я не могу!»

Но он только вздохнул и сказал:

— Я все понял, Анри. Можешь на меня полагаться.

В день дежурства мать встревоженно спросила Рожэ:

— Ты не болен, малыш? Ты что-то бледен сегодня.

За Рожэ ответил отец:

— У него сегодня ответственный день. Он будет помогать охранять наш дом.

А потом пришел вечер, пришла ночь. Темнота казалась еще гуще оттого, что Рожэ шагнул во двор из светлой комнаты.

Он опять вспомнил темную кухню и лестницу. Если он возвращался домой поздно, а лампочка в подъезде не горела, он поджидал кого-нибудь из жильцов: он просто не мог подняться по темной лестнице, но тогда он был только Рожэ, и ничего не менялось от того, что он простоят у подъезда лишние десять минут.

А сегодня, если он не выйдет во двор, оасовцы могут подбросить бомбу.

Так думает Рожэ и шагает в темноту. У него, конечно, бьется сердце, но он медленно обходит двор и медленно возвращается обратно.

А когда навстречу Рожэ выходит из помещения ячеек зеленщик Дюкон и протягивает ему, как взрослому, руку: «Здравствуй, дружище, я и не знал, что у меня сегодня такое мощное подкрепление», — Рожэ уже не кажется, что в темноте прячется кто-то страшный.

Рожэ видит, что это просто их двор. А во дворе стоит он, Рожэ, и сегодня он отвечает за свой штаб и за свой дом, где спят его родители, и за соседнюю комнату, где дежурит Дюкон, тоже.

Ведь сказал же Анри: «Может быть, ты заметишь то, что не заметят взрослые».

Е. БРУСКОВА

ДВОЕ МАЛЬЧИШЕК:

ВРАГ

ДРУГ

хмыкнул, злобным взглядом окинул мою форму советского моряка и, насмешливо, вразвалочку удалился прочь.

Я догнал его и очень вежливо сказал:

— Молодой человек, будьте так любезны, разрешите вас сфотографировать.

Сразу ошетинился.

— Катись отсюда!

— Ну, зачем же так строго?

Мальчишка пожал плечами, видно, удивившись моей настойчивости, и примирительно сказал:

— Разве моя физиономия медом пахнет?

— Форма у вас интересная.

— Ладно, давай!

Я щелкнул фотоаппаратом.

Это был бойскаут. В Южной Африке колонизаторы создали детскую фашистскую организацию, наподобие той, которая при Гитлере была в Германии. Членов этой организации называют бойскаутами. В двенадцать лет мальчишкам уже дают оружие, чтобы они помогали полиции расправляться с непокорными африканцами. Иногда с пистолетами ходят даже девочки. Их тоже принимают в скауты, но только с четырнадцати лет. Девочки носят узкие зеленые брюки и голубые блузки. На голове — пилотки с фашистской эмблемой.

Скауты — будущая смена белых расистов, наследники тех, кто принес в эту страну рабство, горе и нищету.

Второй снимок я сделал в столице Индонезии Джакарте. Этого

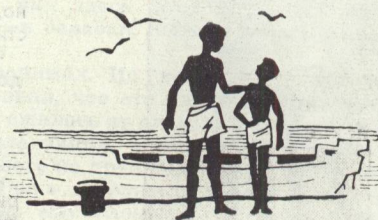
мальчика зовут Латиф, ему одиннадцать лет. Он газетчик.

Латиф учится в четвертом классе начальной школы. Его отец коммунист, а он сам пионер. В свободное от занятий время пионеры Джакарты помогают коммунистам распространять газету «Хариан ракъят», центральный орган Коммунистической партии Индонезии, и «Бинтанг Тимур» («Звезда Востока»). Есть еще одна газета, которую продают индонезийские пионеры. Это «Брита Индонезиа» («Известия Индонезии») — газета правительства. Она призывает к миру и дружбе со всеми народами земли.

А. ИВАНЧЕНКО

С тех пор, как Судан освободился от колонизаторов, дети там стали учиться. Но школ пока еще построено мало, и бывает, что уроки идут под открытым небом.

Капитан «Звезды Востока»

Этого мальчишку знают все лодочники Порт-Саида. Его зовут Саид, он капитан. Правда, судно, которым он командует, совсем маленькое. Просто моторная лодка с портовым номером на борту и старым, дряхлым моторчиком, который чихает так, словно насмерть простужен.

Саиду пятнадцать лет. Глаза его, большие и черные, словно кусочки антрацита, весело сверкают на смуглом лице. Волосы его тоже черны, черны до синевы, и только сзади, на

затылке у Саида, словно кто попал снежком, седина.

Саид работает в порту. У него есть кусок картона, обернутый целлофаном. На картон наклеена фотография, вместо печати — отпечаток большого пальца.

Это документ Саида. В нем написано, что Саид — капитан «Звезды Востока».

У капитана есть команда. Команду зовут Салах. Салаху двенадцать лет, он носит точно такую же пеструю рубашу, такие же короткие

штанишки-шорты и так же, как капитан, ходит босиком.

Капитан ладит с командой, команда довольна капитаном, и оба довольны жизнью. Да и как быть недовольными: ведь у них есть работа!

Саид и Салах покрасили свою лодку в голубой цвет, расписали зелеными звездами и красными узорами. Они смастерили навес с пестрыми кисточками, под навесом — кожаные подушки с тиснеными красными верблюдами. Надпись «Звезда Востока» выведена красивой арабской вязью на бортах.

Лодочники Порт-Саида завидуют юному капитану.

Когда иностранные пароходы входят в порт, капитаны сходят на берег.

Их перевозит на берег «Звезда Востока», и капитаны больших белых пароходов разговаривают с Саидом, как равные с равным: ведь он тоже капитан!

Лодочники сидят под дощатым, пропахшим морской солью навесом, покуривают сигареты и кивают белыми чалмами:

— Молодец, Саид! Большим капитаном будет!

Уж лодочники-то все знают. Они знали Саида и тогда, когда он еще не был капитаном.

Когда в 1956 году над городом почернело небо и десятки английских самолетов с воем сбросили на город смертоносный груз, отец Саида — тоже лодочник — взял пулемет погибшего солдата и пошел на набережную.

Гремели взрывы, пули решетили стены глиняных домишек, и солдаты в плоских зеленых касках, в рубашках с закатанными рукавами высаживались с военных кораблей. На кораблях развевались английские флаги.

В английских солдат стреляли лодочники, полицейские, торговцы, солдаты Порт-Саида. Но что могла сделать горстка защитников набережной против корабельных орудий?!

Интервенты ворвались в город.

Однако защитники Порт-Саида надеялись дать последний бой около дворца генерал-губернатора. Для этого надо было выиграть время: пулеметчики должны были задержать врагов.

Город горел. Рушились стены. Стонали раненые, плакали женщины. Но пулеметы стучали и стучали в переулках старого египетского города.

Сначала их было около десятка, и они рычали громко и сердито. Потом их стало меньше, они огрызались коротко, отчаянно. Потом остался только один. Он бил, бил, бил... Он бил, когда у дворца генерал-губернатора стали собираться оставшиеся в живых, бил, когда собирались уже все живые и стало ясно, кто убит.

— Молодец! — говорили защитники и сжимали автоматы. — Так их! Так!

Потом пулемет замолк.

— Кончено! — сказал раненый лейтенант и снял фуражку. Все опустили глаза и еще крепче стиснули автоматы. Но пулемет вдруг ожил. Сначала он застучал как-то робко, неуверенно, словно пулеметчик не умел с ним обращаться. Потом дело пошло: пулемет бил, бил, бил...

— Хватит! — сказал лейтенант. — Ему пора отходить! Он пригодится нам здесь. Эй, кто там? Передайте ему приказ, пусть отходит!

Посланный солдат притащил пулемет и мальчишку лет восьми с испуганными черными глазами.

— Да это Саид, сын Таджа! — сказал старый лодочник. — Его отец работал в порту! Как ты оказался у пулемета, Саид?

— Я был с отцом, — сказал мальчик и отвернулся. Он знал, что настоящие мужчины не плачут.

И все поняли, что отец Саида убит.

— Ладно, парень! — сказал лейтенант. — Из тебя выйдет хороший офицер! А пока беги домой, у тебя еще все впереди.

— Нет! — сказал Саид. — Я останусь здесь. И отдайте мне мой пулемет!

...Эту историю мне рассказал старый лодочник в Порт-Саиде. Я сошел на берег со «Звезды Востока», и ее капитан должен был отвезти меня обратно на наше судно через два часа.

— Саид был в плену вместе с нами, — сказал лодочник. — Ты видел седые волосы у него на затылке? Они появились, когда нас хотели расстрелять. Все-таки он был тогда совсем мальчишкой! Мы помогли ему стать капитаном. Ведь его отец погиб, и он должен кормить семью! Но за все время своей работы он не перевез еще ни одного капитана с английских кораблей: он помнит солдат в плоских шлемах!

Вот и весь рассказ о черноглазом капитане «Звезды Востока».

Евгений КОРШУНОВ

ЧТО ТРЕВОЖИТ НАШИХ МАМ

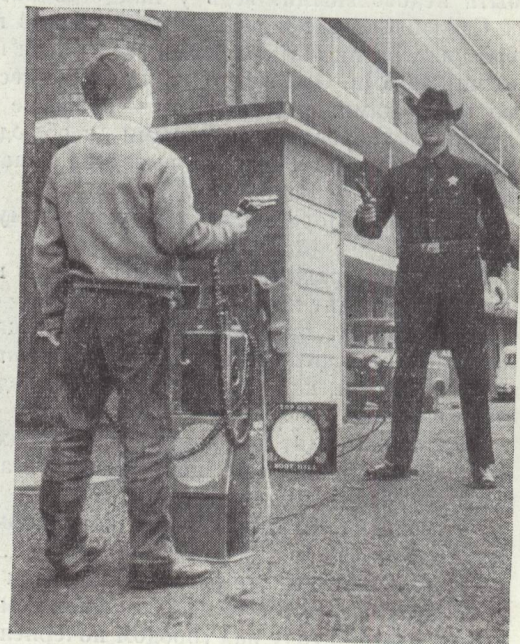
Мама!.. Та, что успокоит в беде, защитит в опасности. Мама, с которой ничто не страшно... Воплощением мудрости, милосердия, мира издавна представлялось художникам лицо матери... Почему же на это светлое лицо набегают тени? Что тревожит матерей с белой, желтой и черной кожей, миллионы женщин, живущих в разных континентах, в различных капиталистических странах!..

Много тревог у матерей. Самая большая из них — это угроза ядерной войны, войны, которая, как сказал Никита Сергеевич Хрущев, «превратила бы светлый мир детей в мир сирот и калек».

Да и сейчас многих матерей в мире трудно назвать счастливыми. Может ли быть счастлива мать, если ее дети голодают и вынуждены с малых лет зарабатывать свой хлеб тяжким трудом? Может ли быть спокойна мать, если ее ребенка пытаются превратить в нравственного калеку! А ведь именно этого добиваются поджигатели войны, показывая молодежи фильмы, подсовывая книги, которые будят чувство ненависти к людям и убивают в человеке все человеческое.

А страхи, в которых растут ребята многих западных стран!.. «Атомная пыль — это больно!» — спрашивают пятилетние малыши в Америке. Ведь они постоянно слышат по радио и от взрослых об ужасах атомной войны.

Мамы не только тревожатся, они встают на защиту своих детей. «Наша обязанность — быть сильными», — сказала одна итальянская мать. Многие из таких матерей побывали недавно у нас в Москве. Они рассказали о своих опасениях, о своей борьбе.

Так в капиталистических странах готовят убийц. Опуская монету в щель автомата, школьник получает возможность выстрелить из пистолета в чучело человека. Пока — в чучело. А вырастет — будет убивать тех, кто борется за свою свободу.

Мы помним войну

Наши ребята живут в хорошее, мирное время, они не знают войны. Но мы, взрослые — мамы, папы, бабушки и дедушки, — помним кошмар прошлой войны, затаенной фашистами. И мы хотим оградить детей от всего, что может снова привести к войне.

Мы учим детей ненавидеть фашизм. Мы верим в своих детей и внуков, верим в то, что они не допустят новой войны, сохранят на земле мир и покой.

Но мы никогда не забываем о том, что рядом с детьми могут оказаться другие «учителя» — те, кто находится по другую сторону границы, разделяющей нашу страну. Поэтому каждый день и каждый час мы заботимся о воспитании наших детей — будущего социалистической Германии. С раннего детства

ва они становятся активными гражданами нашей республики, помогают взрослым бороться за мир и за объединение нашей страны.

Многие школьники решили не слушать радиопередачи из Западного Берлина, не читать книг, которые попадают к нам из западного сектора. Ведь эти книги и радиопередачи направлены против нашей республики, против Советского Союза, в защиту фашизма, войны, ненависти между народами. Ребята постарше разъясняют правду тем, кто еще не понимает, предлагают вместо плохой, враждебной книжки хорошую.

Нет в республике школ, где ребята не дружат с пограничниками, не помогают им в борьбе со шпионами и диверсантами.

Западногерманские власти боялись, что народ узнает правду о жизни нашей республики, о нашей

миролюбивой политике. Поэтому они осудили на год тюремного заключения двух женщин-матерей только за то, что они хотели послать своих детей в наш пионерский лагерь.

Наши школьники стали активными участниками борьбы за освобождение этих женщин. Ребята присоединили свои голоса к голосам взрослых. Они писали в тюрьму теплые письма, отправляли посылки, рисунки, подарки, сделанные своими руками.

Мы довольны своими детьми и уважаем их дела так же, как они уважают наши. А уважение к родителям, к старшим — одна из незыблемых заповедей наших пионеров.

Зелле ФРИДЕЛЬ,

шлифовщица,
член парткома завода.
Берлин, ГДР.

Пусть дети учатся

Наша республика недавно получила независимость. Одним из первых важных дел стало повышение грамотности. Учителя и просто грамотные люди по вечерам, после работы, бесплатно учат чтению и письму взрослых и детей. Наши дети очень хотят учиться. Они понимают, что образованных людей у нас мало и что они очень нужны родине. И мужественно вышагивают, часто по двадцать миль в один конец. Автобусы у нас ходят далеко не везде, а если и ходят, то редко и очень переполненные. И все же ребята стараются, ни в коем случае не пропускать занятий.

Но учиться еще очень дорого. Со временем правительство намерено снизить плату за обучение. Мы надеемся, что в будущем наши дети смогут учиться бесплатно не только в элементарной средней, но и в высшей школе.

Бутчер ЭБИЧЕЙЛ,

контролер автобусных линий,
член исполкома профсоюза транспортных и неквалифицированных рабочих, Сьерра-Леоне, Африка.

Болезнь побеждена

Нас, советских врачей, тревожит здоровье детей всего мира. В этой области наша медицина одержала много побед. А недавно мы одолели еще одного грозного врага — полиомиелит. Его победила наша, советская вакцина.

Как радостно сознавать, что ты помогаешь людям!.. В прошлом году мы с профессором Чумаковым и другими товарищами ощутили это в полной мере. Мы были в Японии и видели счастливые лица матерей и детей, которых спасла наша вакцина... Дело в том, что в Японии в 1961 году была сильная вспышка полиомиелита. Заболевали все новые и новые дети, и многие из них погибали. Врачи и матери требовали от правительства, чтобы была приобретена советская вакцина. Чудесные конфеты с вакциной были доставлены, тысячи ребят спаслись от угрозы тяжелой болезни.

Нашей вакциной пользуются теперь в двадцати шести странах. Матери во всех демократических странах, женщины Вьетнама, Египта, Мали, Кубы и многих других государств могут быть спокойны: их дети не погибнут от страшной болезни, не останутся калеками.

М. К. ВОРОШИЛОВА,

заведующая лабораторией иммунологии Института полиомиелита и вирусных энцефалитов.

Японские женщины вместе со своими детьми вышли на демонстрацию, требуя вакцину против полиомиелита. У них через плечо повязки с надписью «Дайте нам советскую вакцину!»

КЛУБ КЛУБОВ

Другом может быть не только тот, кто сидит с тобой на одной парте или живет в одном дворе. У многих ребят дружба в далеких странах. Они никогда не встречались, но это не мешает им дружить, потому что у них одни интересы и стремления. Те, кто хочет

дружить с детьми из разных городов, из многих стран, объединяются в клубы интернациональной дружбы. Такие клубы есть почти во всех советских школах.

На этих страницах идет заседание фестивального клуба клубов.

ДЕВИЗЫ КЛУБОВ ДРУЖБЫ

«ДРУЖБА, ВЕРНОСТЬ, МУЖЕСТВО!» — клуб «Серебряный олень», Ленинград.

«ЖИТЬ В ДРУЖБЕ С ДЕТЬМИ ВСЕХ НАРОДОВ И РАС» — клуб интернациональной дружбы Воронежского Дворца пионеров.

«ЧЕСТНО ЖИТЬ, ВЕРНО ДРУЖИТЬ, МИР НА ЗЕМЛЕ КРЕПИТЬ!» — клуб средней школы № 82 города Донецка.

«Везде побывать и все узнать. Не отступать и не сдаваться» — клуб почемучек, Кисловодск.

А у вашего клуба какой девиз? Напишите нам!

ВСТРЕЧА В ДЕБРЕЦЕНЕ

ВЕНГЕРСКИЕ ПИОНЕРЫ ПРОДОЛЖАЮТ ДЕЛА,
НАЧАТЫЕ В АРТЕКЕ

Вернувшись домой из Артека, я стал организовывать работу. В моей дружке уже работает клуб интернациональной дружбы. Мы в разные страны пишем письма пионерам, чтобы познакомиться с их жизнью и работой. Я шлю письма в СССР, в ГДР, в Бельгию. Этим ребят всех я знаю из Артека.

Во время зимних каникул мы, венгерские артековцы, встретились в моем родном городе Дебрецене. Не были здесь все, но все-таки мы очень хорошо чувствовали себя. Много вспоминали Артек, разговаривали друг с другом о разных делах, были в кино и в театре, пели наши артековские песни.

На этом кончаю свое письмо.

Приветствую всех знакомых и всех пионеров Советского Союза.

Ваш КОЛОЖВАРИ Лайош

От редакции. Письмо Лайоша написано по-русски.

АЛЬБОМ С БУРЕВЕСТНИКОМ

ЭТОТ КЛУБ НОСИТ ИМЯ ФИДЕЛЯ КАСТРО.
ЧТОБЫ СТАТЬ ЕГО ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ЧЛЕНОМ,
НАДО ПРОЙТИ ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК.

Наш клуб еще очень молодой. Он был организован 20 февраля 1962 года. Членами нашего клуба могут быть комсомольцы, пионеры, октябрята. Так, например, недавно членом клуба стал первоклассник Вадим Дядьков. У нас в КИДе сорок восемь человек. В члены клуба может вступить каждый ученик нашей школы, но действительным членом становится лишь тот, кто выдержал испытательный срок в один месяц. Девиз клуба такой:

«Честно жить,

верно дружить,

мир на земле

крепить!»

Собирается клуб раз в неделю в своей комнате, которую дал директор школы. На заседаниях мы изучаем историю, культуру, обычаи народов всего мира, разучиваем песни, танцы, стихотворения, небольшие пьесы, делаем национальные костюмы для конкурсов самодеятельности. Часто мы ходим в гости к иностранным студентам, которые учатся в ин-

ститутах нашего города. Иногда мы проводим вечера-встречи с кубинскими, вьетнамскими, монгольскими, болгарскими друзьями.

В клубе есть своя библиотека, вахтенный журнал, куда заносятся все новости о переписке, летопись нашей жизни и ее дополнение — фотолетопись. И еще у нас есть альбом, который называется «Мечты». В него мы записываем личные мечты ребят и вообще мечты о будущем. На обложке альбома — портрет Горького и изображение буревестника, символа свободной мечты.

У нас есть также альбом «Мы с тобой, остров Свободы» с надписью: «Фидель! Этот альбом посвящаем тебе и твоему героическому народу».

Мы собираем значки, марки, различные этикетки, потому что по ним можно узнать много интересного о других народах. Все, о чем мы узнаем в клубе, мы переносим в классы, а чему научились в классах, кружках — спешим применить в клубе. Журавлев, Скрипник, Холанбаджа, Яменко и другие члены физико-технического кружка сделали световую и звуковую сигнализацию. Карту мира они тоже электрифицировали.

Но главное у нас — дружеская переписка с ребятами разных стран.

Члены клуба средней школы № 82, г. Донецк.

НЕРАЗГАДАННАЯ ТАЙНА

ТОТЕМУС МАНГУСТО, ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ УЧИЛСЯ В 245-й ШКОЛЕ И ПРО КОТОРОГО НЕИЗВЕСТНО, СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОН ВООООЩЕ, ПОМОГ РЕБЯТАМ ПОДРУЖИТЬСЯ С ПИОНЕРАМИ ВСЕХ РЕСПУБЛИК НАШЕЙ СТРАНЫ.

Это началось так: однажды в «Пионерской правде» была помещена заметка, подписанная «Тотемус Мангусто, 245-я школа. Ленинград».

И вот ежедневно в нашу школу стали поступать десятки писем Тотемусу Мангусто. Между тем ученика с такой фамилией и с таким именем у нас нет и никогда не было. А письма все шли и шли: из Киева, Тбилиси, Полтавы, Ташкента, Еревана. За один только месяц из Москвы пришло четыреста! Все ребята просили Тотемуса ответить на разные вопросы, предлагали ему свою дружбу и сообщали, что с нетерпением ждут от него письма. С кем дружить? От кого ждать письма? Ведь Тотемуса-то и нет совсем, во всяком случае, у нас.

Долго думали члены совета дружины 245-й школы Ленинграда, как быть, и решили распределить письма по всем отрядам. Тотемуса Мангусто нет, но есть пионерская дружина, с ней дружить еще интереснее!

Каждый отряд приступил к делу по-своему.

Одни отвечали так: «Мы получили твое письмо, рады с тобой познакомиться и подружиться...» Затем описывали жизнь своего отряда. А про Тотемуса ни звука. Другие начинали свои письма с прискорбного сообщения о том, что Тотемуса нет...

Так или иначе, все пионерские отряды стали переписываться с ребятами из других городов и союзных республик. Ведут переписку отрядные корреспонденты, но все письма читают в отрядах. Пишут ребятам и писатели из разных республик.

...Вот какое удачное продолжение имела история Тотемуса Мангусто.

Существует ли он, до сих пор неясно. Одни считают, что его вообще нет, а другие — что это просто кто-нибудь из наших учеников придумал такую странную подпись, вместо того чтобы подписать заметку своим именем и фамилией. Но независимо от того, существует ли такой человек или нет, мы очень ему благодарны.

А. М. КАНТОР, директор школы № 245,
Нина МАРЫШЕВА, Тамара ДРОЗДОВА,
Борис КАГАНОВ, члены клуба дружбы

Это финские ребята, брат и сестра Терту и Теуво Таммелин. Они живут в маленьком городке Пори. В прошлом году вместе со своими родителями они были в Хельсинки на фестивале. Видите, как много значков у них на пионерских блузах! Это все сувениры и подарки фестивальных друзей.

Чтобы помочь людям жить в мире, дети разных стран стараются по-больше узнать друг о друге, познакомиться, подружиться. Чем больше ребят дружат между собой, тем крепче мир. Вот почему лучше переписываться не в одиночку, а отрядами, дружинами, клубами, чтобы постепенно все ребята на всем земном шаре стали друзьями.

Письма, которые вы получите, значки, открытки просто жаль оставлять дома для себя одного. Лучше отнести их в пионерскую комнату. Один принесет, другой — можно будет создать уголок дружбы. Разложите или развесьте письма на видном месте и под каждым напишите, кто принес его в уголок. Другим ребятам тоже захочется переписываться, и скоро у вас в дружине появится клуб дружбы.

Многие ребята спрашивают, о чем писать другу за рубежом. Надо сделать так, чтобы, читая письма, ваш новый товарищ как бы побывал у вас в городе. Опишите свою школу, свой класс, его дела; расскажите, чем увлекаются ребята, как работает отряд.

Дядюшка Хо. Так называют дети Демократической Республики Вьетнам товарища Хо Ши Мина, руководителя вьетнамских коммунистов. Хо Ши Мин, значит Хо, видящий ясно. Это имя дал ему народ. На фото—товарищ Хо Ши Мин в гостях у белорусских пионеров.

«СЕРЕБРЯНЫЙ ОЛЕНЬ»

ПРЕЗИДЕНТ ФИНЛЯНДИИ г-н КЕККОНЕН
СТАЛ ЧЛЕНОМ КЛУБА ДРУЖБЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ШКОЛЫ

«Серебряный олень» вестником дружбы скачет по земному шару... Такая эмблема у клуба 310-й ленинградской школы. Поэтому и клуб называется «Серебряный олень». Это очень хороший клуб. У него друзья в двадцати государствах. Почетным членом клуба «Серебряный олень» недавно стал Президент Финляндии Урхо Кекконен. Он прислал в клуб такое письмо:

«Дорогие ребята!

Искренне благодарю вас за ваше сердечное письмо, за добрые новогодние пожелания и за избрание меня почетным членом клуба дружбы «Серебряный олень». Желаю успеха в деятельности вашего клуба. А вам расти, мужать и стать достойными сынами и дочерьми вашей великой Родины. Пусть никогда не угаснет в ваших сердцах вера в добро и счастье, в то, что все подлинно хорошее и искреннее должно сбыться.

Ваш Урхо КЕККОНЕН».

Конверты с быстроногим серебряным оленем разлетаются по всему земному шару. Большая почта у клуба. Много ответов надо писать каждый день, но членам клуба это только приятно и интересно.

Утята, щенята, зайчата... Милые, пушистые игрушки. Члены клуба «Серебряный олень» делают их своими руками, чтобы рассылать в подарок зарубежным друзьям.

ВСЕ БЫЛО ПО-НАСТОЯЩЕМУ

**ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ОТКРЫВАЕТСЯ ВСЕМИРНЫЙ СЛЕТ
РАЗНОЦВЕТНЫХ ГАЛСТУКОВ!**

...Вы скажете — такого слета не было? Вот и ошибетесь! Он все-таки был. И не где-нибудь, а в дружине школы № 27 города Серова. Это в Свердловской области. Каждый отряд представлял одну из стран—ту, с которой он ведет переписку. А так как у нас переписка со многими стра-

Когда США готовили нападение на Кубу, в газету пионеров Финляндии «Ракетти» шли письма кубинцам от финских ребят. На фото — Каарина Энне передает письма представителю Кубы.

Это корейские пионеры на горном пастбище своего сельскохозяйственного кооператива. Но пришла фотография к нам на фестиваль не из Корейской Народно-Демократической Республики, а из болгарского города Севлиево. Клуб интернациональной дружбы Севлиево. Дома пионеров ведет переписку с ребятами многих стран.

нами, то и «делегатов» было много: из Венгрии, Демократической Республики Вьетнам, Италии, Китая, Кубы, Польши, Румынии, Франции. На празднике был парад, концерт, спортивные состязания — все, как происходило бы на настоящем слете, если бы он собрался.

Н. К. ГАЛКИНА, учительница 27-й школы

ИНСТРУКТОРЫ ВСЕМИРНОЙ ДРУЖБЫ

В нашем клубе шестьдесят ребят — пионеров и комсомольцев из разных школ Воронежа и Воронежской области. Каждый из нас — пионер-инструктор. Каждый не только умеет рассказать о пионерском движении в социалистических и капиталистических странах, но и организует в своих дружинах клубы и уголки интернациональной дружбы, отряды коллективной переписки, братские патрули.

Заседания клуба мы всегда начинаем с того, что произносим девиз: «Жить в дружбе с детьми всех народов и рас». А заканчиваем заседание песней о пионерской дружбе.

Тамара ФУРСОВА, председатель совета клуба Воронежского Дворца пионеров

ПОЧЕМУЧКИ, ВПЕРЕД!

ШИФРОВАННОЕ ПИСЬМО В БУТЫЛКЕ
ПОЗВАЛО РЕБЯТ В НЕВЕДОМЫЕ СТРАНЫ.
ОБ ЭТОМ РАССКАЗЫВАЮТ КАПИТАНЫ КОРАБЛЕЙ
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» И «ОТВАЖНЫЙ» ПИОНЕРЫ 4-го КЛАССА «Б»

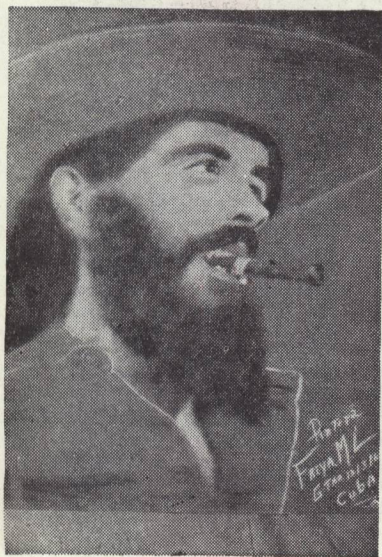
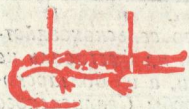
Однажды мы шли по парку берегом реки и увидели в воде бутылку. Вытащили, распечатали. Там оказалось шифрованное письмо. Мы его расшифровали. Вот оно:

«Неведомые страны зовут почемучек. Бури и штормы, вихри и ураганы, чащи и пустыни ждут вас на пути. Но почемучки не должны отступать и сдаваться. Вперед, почемучки!»

На другой день мы сообщили об этом письме всему классу. Все вместе тут же решили создать «клуб почемучек» и отправиться в неведомые нам страны на двух кораблях: «Отважный» и «Стремительный».

Были созданы команды, в состав которых входят капитан, помощник капитана, штурман, радист, врач, боцман и матросы. Главными адмиралами стали библиотекарь городской детской библиотеки Елена Константиновна Кухарева и наша учительница Лидия Григорьевна Абрамова. 20 октября 1962 года мы подняли якоря. «Стремительный» направился к Кубе, «Отважный» — в Японию.

— Это Камилло Сьенфуэгос, — сказала Фрейя Мачадо, — я рисовала его два дня.

Какие приключения случились с нами в дороге, сколько книг пришлось нам «проплыть», сколько писем получить и написать — об этом знают лишь вахтенные журналы наших кораблей. За время путешествия мы прочитали все детские книги об этих странах и узнали много интересного об их жителях, культуре и обычаях.

Сейчас корабли вновь ушли в «плавание». Один — вдоль берегов Италии, другой — вокруг Африки. Мы по-прежнему верны своему девизу: «Везде побывать и все узнать. Не отступать и не сдаваться».

По поручению клуба почемучек капитан «Стремительного» Миша МЕКРОВИЧ, капитан «Отважного» Гена НЕГРЕБЕЦКИЙ.

Кисловодск, восьмилетняя школа № 5, отряд 4-го класса «Б».

ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ КОНЧАЕТСЯ НАЧАЛОМ

ЧУЧЕЛО КРОКОДИЛА, ШЛЕМ САМУРАЯ,
РАСПИСНОЙ МАРОККАНСКИЙ КУВШИН,
ОСЬМИНОГ И КОКОСОВЫЙ ОРЕХ В ШКОЛЬНОМ МУЗЕЕ.
КАК ОНИ ТУДА ПОПАЛИ?

Зайдя первый раз в пионерскую комнату мурманской школы № 14, человек в растерянности думает: «Я, кажется, не туда попал!»

Оскалил зубастую пасть крокодил. Модель парусного корабля размером с письменный стол громадой высится на книжном шкафу. Мерцает тускло позолота в насечках шлема средневековых японских воинов-самураев. Древние египетские сосуды. Польские резные шкатулки. Стебли сахарного тростника.

Не пионерская комната, а музей какой-то!

И, оказывается, в пионерской комнате действительно устроен музей, у которого своя история.

Для начала надо сказать, что пионерам четырнадцатой школы очень повезло: над ними шефствуют моряки Арктического пароходства. Понимаете, что это значит? Все торговые корабли Мурманского порта дружат с этими ребятами, и к каким бы далеким берегам моряки ни уходили, вернувшись, они всегда привозят что-нибудь для своих подшефных.

На первых порах это были просто подарки моряков, диковинки из разных стран. Но потом получилось так, что, встречаясь с людьми портовых городов всего мира, беседуя о нашей стране, моряки рассказывали и о своих друзьях из четырнадцатой школы. И тогда по линиям пароходных рейсов протянулись нити дружбы со всех концов Земли в далекий город за Полярным кругом, к ребятам.

Столик, вырезанный из цельного куска дерева, с массивной фигурой слона вместо ножек. Он подарен ребятам темнокожими грузчиками южноафриканского города Кейптауна, которые ночью тайком от властей пришли на советский пароход.

Красивый, ярко разрисованный кувшин в форме цветка. Он из Марокко. В Марокко был голод. Из Советского Союза прибыл корабль, груженный продовольствием и лекарствами. Со словами благодарности выступил старый грузчик. Он говорил и плакал. Вот тогда-то и передали марокканцы в подарок советским детям кувшин в форме цветка. Цветок этот считают в Марокко священным и называют цветком счастья.

Под государственным флагом острова Свободы — подарки кубинских ребят: медали, значки, книги. И рисунок, изображающий бородастого человека с ясным и смелым лицом...

Когда «Рионгэс» грузился в одном из портов Кубы, на корабль вместе с другими ребятами пришла школьница Фрейя Мачадо с этим рисунком. Она сказала: «Вот портрет нашего героя Камилло Сьенфуэгоса. Я рисовала его два дня. Отвезите, пожалуйста, русским детям!»

Так моряки стали почтальонами дружбы и помогли ребятам почувствовать, сколько хороших людей на свете, и как много стран, и как дружба делает близкими самые далекие страны. Могло ли быть, чтобы из всего этого не родился КИД — клуб интернациональной дружбы? Конечно, не могло! И КИД родился. Он ведет очень большую и интересную работу. Но это уже начало другой истории.

Олег ТИХОМИРОВ, наш специальный корреспондент

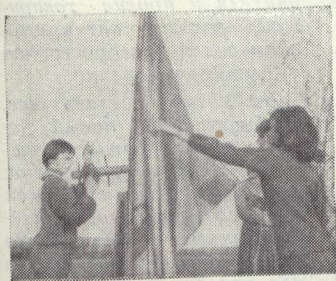

Тиль по прозвищу Уленшпигель — легендарный народный герой, триста пятьдесят лет назад сражавшийся за свободу Нидерландов, против испанских захватчиков.

Его именем назвал себя клуб голландских ребят, приславший к нам в редакцию фотоальбом о своей жизни. На значке клуба — мудрая сова Уль. Члены клуба носят желтый галстук.

Они всегда помнят тех, кто отдал свою жизнь в борьбе против оккупантов. На могилы жертв фашистского террора ребята постоянно приносят свежие цветы.

Лагерь. Подъем флага.

«Мы не боимся критики», — пишут члены клуба «Уленшпигель». На фото — мальчик, которого пробирают не словами, а мылом и щетками. «Это тоже критика», — смеются ребята.

Под знаком совы объединились трудолюбивые руки. Посмотрите, сколько моделей, макетов и каких-то загадочных конструкций у ребят!

Если бы ребятам разных стран, ведущим дружескую переписку, вздумалось опустить свои письма в один почтовый ящик, наверно, понадобился бы ящик размером с многоэтажный дом.

Письма — барометры дружбы.

На этих страницах — письма ребят на фестиваль разноцветных галстуков и письма советским детям от их зарубежных друзей, пересланные на фестиваль.

Вы, наверно, сами догадаетесь, почему мы не поставили фамилии и имена под письмами из некоторых стран. Итак, что пишут нам друзья?

ПОЧТА

ОТ ЯРОСТИ ФАШИСТ ЛОПНУЛ...

Мы часто беседуем о вашей стране и о ваших людях. Мы любим советских героев, которые во время Великой Отечественной войны разбили фашизм. Но особенно мы любим наших больших друзей Титова и Гагарина. Мы тоже надеемся когда-нибудь совершить героический поступок для человечества.

Мечтать о Советском Союзе легко. Тяжелее защищать его, когда он подвергается нападкам. А нападают на вашу страну здесь,

в Западном Берлине, каждый день.

У нас в школе есть учителя, которые даже клеветают на Советский Союз. Тогда самые храбрые пионеры встают и рассказывают классу то хорошее о Советском Союзе, что они узнали от взрослых, которые сами побывали там. Мы сочинили песню о фашистском учителе Эдельмисте¹, который лопнул от

Слово «эдель-мист» переводится так: «благородный навоз».

ярости. Иногда пионерам приходится идти и против учителя и против товарищей, так как антикоммунизм сильно распространен в Западном Берлине.

Мы хотим сделать все, чтобы разбить новый фашизм, чтобы фашисты ушли из Западного Берлина. Западный Берлин должен стать свободным, демилитаризованным городом. Тогда будет сохранен мир, а это для нас самое важное.

Западный Берлин.

НА ФЕСТИВАЛЬ!

Особенно много писем получили мы от кубинских ребят. На каждом конверте написано: «Para el festival!» — «На фестиваль!» Вот что пишут нам кубинские ребята:

Наша страна Куба прекрасна. Круглый год у нас тепло. На Кубе много прекрасных пляжей, и мы часто купаемся в море.

На наших землях растут пальмы. Пальма — наш национальный символ, потому что она всегда тянется к солнцу.

Беатрис Морено Масо

Я учусь в четвертом классе. Моя учительница очень красивая, она нас любит, и мы ее тоже любим

и хотим ее во всем радовать. В нашем классе есть свой детский комитет.

Я очень люблю свою родину и Фиделя, потому что он сильный и умный и всегда выполняет свои обещания. Наш класс всегда вместе с Фиделем, наша семья — тоже с Фиделем.

С революционным приветом

Мария Коччадо

Меня зовут Хорхе, мне 14 лет, я учусь в седьмом классе и изучаю живопись. Моя родина Куба ма-

ленькая, но мы совершили революцию. Янки хотели нас уничтожить, но наш народ готов сражаться с врагом и верит, что все свободные страны помогут ему. Мы, ребята, должны дружить друг с другом, учиться, помогать нашим родителям и учителям, быть гордыми и сознавать свою ответственность за будущее мира.

Да здравствуют все дети! Да здравствует вечный мир!

Родина или смерть! Мы победим!

Хорхе Техеда

НАШИ КОМАНДИРЫ

Наша пионерская организация называется Эдонополе. Членами Эдонополе могут быть только те ребята, которые работают: чистильщики сапог, продавцы, рабочие фабрик. Многие из них работают двенадцать часов в день, без выходных. Вы понимаете, конечно, что это нелегко, но все же у нас теперь почти всюду, в каждом маленьком местечке есть свой пионерский отряд.

Мы хотим вам рассказать о лучших из лучших, о тех, кого выбирали командиры. Костагис Саввадис из отряда деревни Агладжа родился в семье бедняков и в начальной школе был первым учеником. Но в среднюю школу он не смог пойти: там нужно платить за обучение. И Саввадис стал работать продавцом в посудном магазине. Он был очень занят, но все-таки находил время на то, чтобы

распространять газеты молодежной организации Эдон. Он стал лучшим пропагандистом газеты и получил за это награду. Мало того, он еще успевает учиться в ночной школе для рабочих. И еще изучает английский язык. Его уважают и любят деревенские ребята, они выбрали его командиром отряда.

Деревня Агладжа,
о. Кипр.

ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ ЧИТАТЬ

Я Айла Леппянен из местечка Кюраскоски. Мне 13 лет, я учусь в третьем классе гимназии. До поступления в гимназию я окончила четыре класса народной школы. Если бы у нас была единая школа, как у советских ребят, то сейчас я занималась бы в седьмом классе.

Я очень люблю русских писателей. У меня есть кни-

га Тугельбая Сыдыкбекова «Дети гор», в ней рассказывается о детях Киргизии, об их любви к природе, о том, как они посадили фруктовые деревья в своем горном селении. Мне эту книгу подарили за распространение нашей пионерской газеты.

О своих планах на будущее я пока сказать ничего не могу. Больше всего меня

интересуют языки, но в нашей стране учеба стоит дорого, и девочке из рабочей семьи учиться очень трудно.

Надеюсь, что дружба между финскими и советскими детьми будет развиваться. Она поможет нам еще лучше понимать друг друга и жизнь наших стран.

Айла Леппянен
Кюраскоски, Финляндия.

15 ПОЗДРАВЛЕНИЙ С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ

Я переписываюсь с индийским мальчиком. Его зовут Анвар. Ему 13 лет. Живет он в чудесной столице Индии Дели. В Дели есть старый и новый город. Анвар живет в Новом Дели.

У Анвара много друзей. Однажды я получила конверт, в котором было пятнадцать писем. Это товарищи Анвара поздравили меня с днем рождения. Они желали мне счастья, долгих лет жизни, дружбы, мира.

Я очень рада, что у меня столько друзей в Индии.

Мне очень хотелось бы, когда я вырасту, съездить в Индию и увидеть моих друзей.

Аня Лебедева
490-я школа, г. Ленинград.

ИЗ КОЛЛЕДЖА ВЫГНАЛИ...

Дорогой друг!
Твое письмо доставило большую радость и мне и моим друзьям. Сейчас я учусь в колледже на втором курсе. Мне еще надо было бы учиться пять лет, но я буду учиться только три года, так как у меня нет средств. Я мечтаю поехать в Университет имени П. Лумумбы.

В этом году меня выгнали из колледжа за мои идеи и за то, что я участ-

вовал в демонстрации вместе с другими своими товарищами. Пришлось мне поступить в другой колледж. Мы боремся за социализм как можем.

Дорогой друг! Мне очень хотелось бы иметь марки твоей страны, значки, открытки, герб твоей страны. Расскажи мне о вашей пионерской организации имени В. И. Ленина. Только очень прошу тебя, не посылай мне толстых писем, так как

у нас это называют «коммунистической пропагандой».

Я надеюсь побывать в социалистической Кубе. Мы завидуем кубинцам и надеемся, что Коста-Рика будет тоже свободной.

М. П.
Коста-Рика.

Это письмо прислал нам Миша Файнштейн из Ленинграда. Он сам перевел его с испанского.

ПОТЕРПИТЕ ДО КАНИКУЛ...

Дорогая Марина!

Мы получили твоё письмо. Весь класс очень обрадовался. У нас теперь светит солнышко, и мы хотели бы погулять, а наш воспитатель говорит: «Потерпите немножко, придут каникулы, тогда будете отдыхать и шалить». Мы очень бла-

годарны за твоё приглашение посетить Андижан. Приезжай к нам со своей пионерской дружиной. Мы покажем тебе Варшаву, Балтийское море и наш городок.

Брвиндов, Польша.
Это письмо переслала нам Марина Шляховецкая из Андижана, Узбекская ССР.

СНАЧАЛА — УБЕДИТЬ

Я расскажу об одном из наших пионеров.

Жану-Луи 13 лет. Его уже три года подряд ребята выбирают своим командиром. В группе у него 40 человек.

Жан-Луи — хороший ученик, и он выполняет все, что требуется для республики.

По воскресеньям и четвергам, когда нет занятий

в школе, пионеры работают на строительстве дорог и больниц, на сборе урожая. Жан-Луи работает лучше всех и, как все, бесплатно. Он всегда показывает пример остальным, и все ему подчиняются. А если кто-нибудь не слушается, Жан-Луи никогда не кричит и не заставляет. Он

знает, что никто не должен подчиняться слепо, каждый должен думать своей головой. И он долго убеждает ребят, устраивает у себя в группе дискуссии, спорит, пока все с ним не согласится.

Конте Ибрагим
Гвинея.

ЮРИЙ ГАГАРИН — НАША ГОРДОСТЬ

Здравствуй, дорогая Галочка!

Наш народ очень гордится, что первым летчиком-космонавтом стал, как мы все и ожидали, советский человек — Юрий Алексеевич Гагарин.

С приветом твоя чехословацкая подруга

Вера Александрова

Передай привет твоим родителям!

Это письмо переслала нам Гая Петрова из деревни Пономари, Кировская область.

РУКИ У НАС НЕ ЗАМЕРЗЛИ

Дул холодный ветер. Я и моя подруга Анна Маркс, дрожа от холода, шли по улице, торопимся домой. Когда мы уже подходили к дому, навстречу нам показалась старая женщина. Она с трудом несли два больших бидона. «Давай поможем!» — крикнула мне Анци. Только на одно мгновение я подумала о теплой комнате, а потом, растирая оковевшие руки, мы с подружкой подошли к бабушке, взяли ее тяжелые бидоны и понесли. Жила

старушка очень далеко. Когда мы пришли к ее дому, она пригласила нас хоть ненадолго зайти к ней согреться, но мы отказались: нам надо было спешить. Бабушка дала нам две замечательные груши, и мы побежали домой. А вечером, когда у горячей печки я с наслаждением ела сочную грушу, мне пришло в голову, что вовсе и не так уж холодно было на улице.

Каталин Геци
г. Кёсег, Венгрия.

ИМ ТОЖЕ НУЖЕН МИР!

Мы собрали сто форинтов и приготовили подарки народам, которые борются за свое освобождение. В Центральном комитете Венгерского Красного Креста нас принял заместитель главного секретаря и беседовал с нами. Он показал нам потрясающие снимки алжир-

ских детей. На сборе звена мы рассказали нашим товарищам обо всем, что видели и узнали. Нам очень жаль алжирских детей, и мы рады, что хоть немного сделали для них.

Илона Шиклоши
Будапешт, Венгрия.

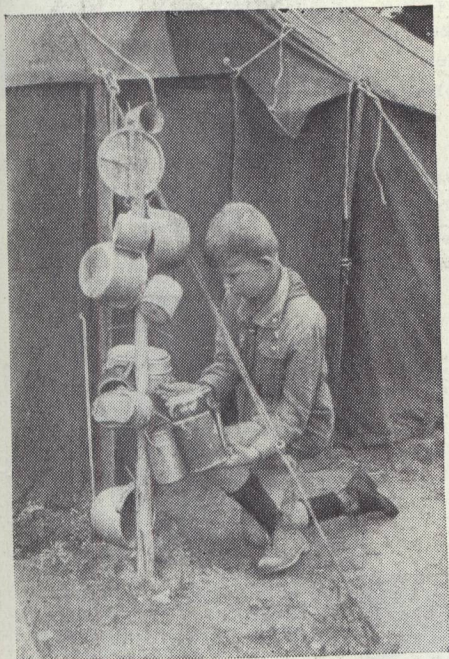
«ЧЕМПИОН» ПЕРЕПИСКИ

Дорогая редакция!

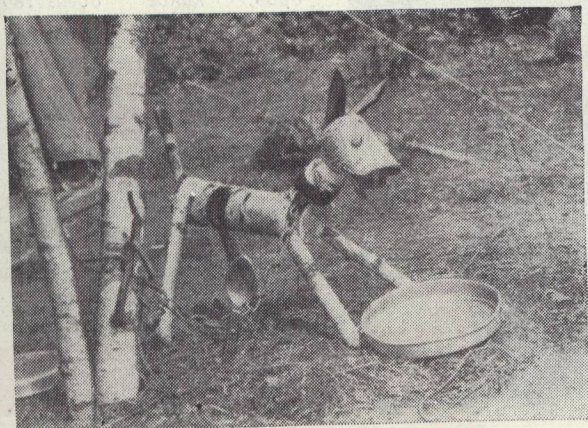
Я переписываюсь с двадцатью четырьмя мальчиками и девочками из Болгарии, с двадцатью одним пионером из ГДР, с девочкой из Латвии, с мальчиком из Узбекистана, с мальчиком Луи из Франции, с Верой Перекрест и со многими другими — всех я перечислить не могу. Я каждый день получаю три-пять писем от друзей. У меня много писем, открыток, книг, и я все не могу послать вам, но если вы еще попросите, то я вышлю с радостью.

Петя Толочик
село Кривая Балка,
Николаевская область.

Спасибо, Петя. У нас тоже много писем. Только интересно знать: как же ты успеваешь всем отвечать? Может быть, ты пишешь под копирку — всем одинаково? Или ты не спишь, не ешь и не делаешь уроки, а только все пишешь и пишешь?

Фотографии на этих страницах рассказывают о летнем отдыхе польских ребят. Нелегко дневальному справиться со всеми этими кружками и котелками. Но это обычно для лагерной жизни так же, как и заманчивая гладь реки с легкими байдарками, как самодельная кукла, с которой репетирует девочка. А вот такую березовую собачку не каждый день встретишь! Ее смастерили девочки и посадили на цепь — стеречь свою палатку. Веселая выдумка.

ВСТРЕЧИ ПО ИНТЕРЕСАМ

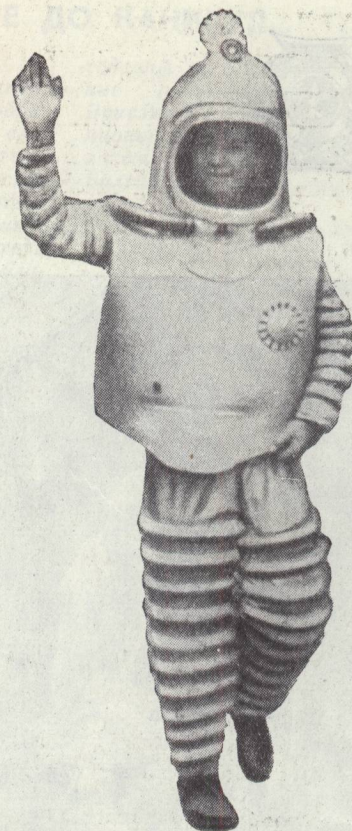
Ю Н Ы Е

КОСМОНАВТЫ

Здесь, на этих страницах, собрались юные космонавты. Те, кто мечтает о путешествиях к далеким планетам и еще более далеким звездам. Их много во всех уголках земли. Юрий Гагарин — их любимый герой, «Восток» — лучший из кораблей земли.

Некоторые пришли на эти страницы в своих самодельных космических скафандрах, другие принесли под мышкой свои ракеты.

Это будущие колумбы космоса и строители звездных кораблей. Это не пустые мечтатели. Уже сейчас они умеют читать карту звездного неба, им известны законы полета ракет и движения небесных тел. Они строят модели и не забывают как следует закаляться, чтобы быть готовыми к любым трудностям. Они знают: путь космонавта не прогулка.

Они надели скафандры, закрыли шлемы, и теперь уже трудно узнать, кто из какой страны. Но мы представим вам участников нашей встречи.

Вверху — мальчик из ГДР. Слева — чехословацкие «космонавты». 600 пионерских ракетных экипажей участвуют в игре «Зовет Вселенная». Ребята конструируют модели и сами проходят испытания. Вот они построились для парада. Какое разнообразие скафандров, какое богатство «космических мод»!

Чем ты увлекаешься? Чем занимаешься в свободное от уроков время! На фестивале разноцветных галстуков проводятся встречи ребят по интересам.

ЮНЫЕ КОСМОНАВТЫ, конструкторы и испытатели ракет, собираются на этой и на следующей страницах.

На страницах 30 и 31 ребята из разных стран читают свои СТИХИ и РАССКАЗЫ.

ТОВАРИЩИ СПОРТСМЕНЫ! Вас ждут на странице 67.

ШАХ, ВЛАДЫКА ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ, устраивает в честь фестиваля большой прием на страницах 74 и 75.

ЛЮБИТЕЛИ ПЕТЬ и ИГРАТЬ уже, наверное, слышат веселую музыку и смех — они доносятся с 76-й и 77-й страниц.

Впрочем, посмеяться можно и на 78-й странице.

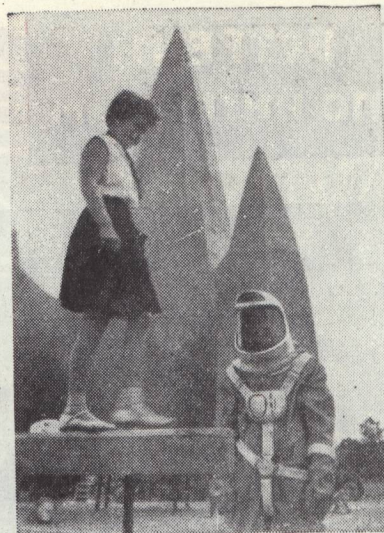
Фестивальная ВЫСТАВКА КОЛЛЕКЦИЙ — на страницах 79—80. Здесь подводят итоги фестивального конкурса юных коллекционеров.

Силу и объем своих легких будущие космонавты проверяют на спиромере.

Замечательную модель космического корабля построили юные астроnavты Лейпцига и Виттенберга. На фото справа — его силуэт. В кабине корабля помещается экипаж из двенадцати человек. Во время «космического полета» на телевизионном экране разворачивается картина Вселенной

Прежде чем попасть на корабль, юные космонавты должны выдерживать различные испытания. Одно из них — испытание равновесия на качающемся бревне. Но и это не все. Есть и другие испытания. Посмотрите на фото слева.

«Шеф-пилот» Клаус Дитер и «второй пилот» Хайнц у пульта управления «космическим кораблем».

Скоро эти модели взлетят в московское небо, а пока Саша Новокшенов и Витя Зайцев тщательно готовят их к полету.

ВСТРЕЧИ ПО ИНТЕРЕСАМ

Все дети — друзья.
Рисунок ученика 5-го класса, ГДР.

ТОВАРИЩУ

Где-то песня слышится
Над рекой бурливой,
Где-то рожь колышется
Золотистой гривой;
Где-то домна строится...
Но, товарищ, где-то
И к войне готовятся —
Не забудь про это!

Толя Иванушкин,
13 лет, Москва.

Рисунок Милана Тринича,
6-й класс, Югославия.

ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Лес стоит веселый и свежий,
Наполненный птичьим пеньем,
Жуки веселятся и пчелы,
И в воздухе бабочки пляшут,
Цветы улыбаются ярко
Улыбками разноцветными.
У всех настроенье хорошее:
У пчел, у цветов и у бабочек,
У пестрых маленьких птичек,
У молодых берез,
У неба и солнца доброго,
У старого мудрого леса.
Рады новые листья липкие,
Рады толстые дедушки-пни.
Посветлело везде от улыбок,
И я тоже весне улыбаюсь.

Костя Райкин,
11 лет, Ленинград.

Читаем свои стихи и рассказы

МЫ РЕШИЛИ: БОМБУ — ЗАПРЕТИТЬ

Бомбу долой!
Бомбу долой!
Бомбу долой!

Мы хотим жить и расти.
Мы не хотим, чтобы падали бомбы,
Мы не хотим, чтоб взрывались дома.
Мы любим свои города.
Бомбе скажем: нет, никогда!
Запретим войну навсегда!

Эту бесхитростную песенку сочинили школьники одной из английских школ и прислали ее в редакцию газеты «Дейли уоркер». «Может быть, вам интересно узнать, — пишут они, — что в нашей школе состоялось собрание, на котором мы приняли решение запретить водородную бомбу». Подпись: «Десятилетние».

(«Дейли уоркер», 13 июня 1962 г.)

УБОРКА

В воскресенье мы поехали на плантацию убирать сахарный тростник.

Ехали мы на машине. Всем было очень весело.

Когда приехали, мы сразу укрепили на самом высоком тростнике наше знамя.

Я грузил тростник на повозку. Все руки исколол о шипы.

Оказывается, сахарный тростник есть приятнее, чем грузить!

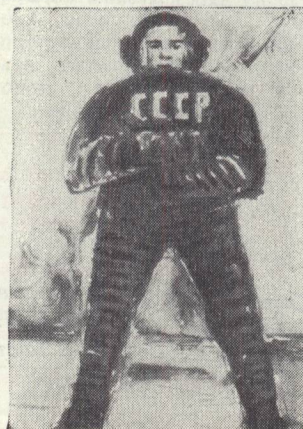
Дома папа мне сказал:

— Ты молодец!

Он пришел с работы весь черный.

Мне очень понравилось убирать тростник.

Карлос Мираллес,
Куба.

Первый человек на Луне.
Рисунок Левы Кублика,
14 лет.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

Я, пожалуй, с тобой погожу,
Я, пожалуй, тебя отложу,
Я по важным делам пойду:
Вот проведу лед на пруду,
И в кино не была я давно,
Словом, я убегу все равно.
Снег на улицу зовет,
Чистый и глубокий...
Только завтра мне дрожать
На уроке.
Если вызовут к доске,
Очевидно,
Очень стыдно будет мне,
Очень стыдно...
Если б людям мысль пришла —
Кто захочет,
Может бросить все дела
На денечек, —
Что творилось бы у нас,
Что б творилось!
Ведь тогда бы свет погас,
И кино закрылось,
Пекарь бы не пек хлебов и пирожных,
И совсем бы стало жить невозможно!

Нет уж, лучше я возьмусь за тетрадку,
Пусть уж лучше будет все по порядку.
Марго Хинце,
12 лет, ГДР.

Рыбаки. Гравюра на линолеуме.
Александр Измайлов, 14 лет.

ЛАНЬ И МУХА

В лесу жили Лань и Муха.
— Давай играть в прятки, — сказала Муха. — Тот, кто выиграет, будет царем леса. Прячась, я буду тебя искать. — А сама уселась на ухо Лани, которая спряталась за густым кустом.
— Где я? — сказала Лань.
— Вот ты! Вот ты! Я выиграла! — сказала Муха. — Теперь я спрячусь.
Муха опять села на ухо Лани и закричала:
— Ищи меня!
Лань искала ее повсюду, но нигде не нашла. Вечером Муха вылетела и стала кружиться вокруг Лани.
— Ты меня не нашла. Теперь я царица леса! С тех пор Муха всем зверям говорит, что она царица леса, но ей никто не верит.

Ришар Гамга,
Камерун, Африка.

Салют в Вильнюсе. Гравюра на линолеуме.
С. Бертулис,
6-й класс, Литовская ССР.

НАРОД В АВТОБУСЕ

Знаете, что делает народ в автобусе?
Толкается, пихается, торопится, спешит,
Кричит, шумит, брыкается,
Друг друга с ног валит.
Шагает, спотыкается, болтает, заикается,
Кашляет, чихает,
Смеется и ворчит, —
А люди удивляются: откуда шум в автобусе?

Давид,
11 лет, Англия.

Капризный ослик Морито.

Иллюстрация к сказке.
Жозетта Драго,
11 лет, Куба.

Рассказ «Уборка» перевела с испанского Т. Каминская. Стихотворение «Народ в автобусе» — с английского Т. Литвинова. Стихотворение «Домашнее задание» перевел с немецкого А. Янов.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МАМАДУ

Виктор КРЮЧКОВ
Рисунки Е. Медведева.

Когда председатель совета отряда Слава Кочетков записал все дни рождения, выяснилось, что малиец Мамаду Диа промолчал.

— Когда у тебя день рождения, Мамаду? — спросила африканца Виорика Флоря, приехавшая в Артек из Молдавии.

Вопрос повторили через переводчика. Мамаду задумался, улыбка слетела с его полных губ.

— Понимаешь, это такой день, когда тебя поздравляют и мама, и папа, и товарищи, когда дарят подарки и пекут большой пирог. Ты любишь подарки, Мамаду?

— В нашей семье одиннадцать детей. Если праздновать одиннадцать праздников и дарить одиннадцать подарков, то не хватит денег. Поэтому, — Мамаду виновато улыбнулся, — очевидно, поэтому наша мама не помнит наши дни рождения.

Переводчик тихим голосом перевел ответ. Теперь замолчали ребята. Они смотрели друг на друга, на Мамаду, на сверкающие корпуса лагеря и думали. Думали о далекой стране, которую долго угнетали и где люди не празднуют дни рождения детей. Думали о своем детстве, столь не похожем на детство африканского мальчика.

Света Чекрыжова внезапно хлопнула в ладоши.

— Ребята, это куда не годится! Как жить человеку без дня рождения? А ну, кто придумает выход?

— Я! — подняла руку Виорика. — Давайте отпразднуем день рождения Мамаду здесь, в Артеке, в дни нашего Всесоюзного слета. Согласен, Мамаду?

— Согласен, согласен! — воскликнул Мамаду по-русски.

Все радостно закричали и стали подыскивать подходящий день.

— Тринадцатого июля — день героев; хочешь стать героем?

— Четырнадцатого — день спорта. Может, Мамаду станет чемпионом Африки?

— День искусств — шестнадцатого. Петь, Мамаду, любишь?

Ради дня рождения Мамаду был согласен на все: и на тринадцатое и на четырнадцатое, — но все же выбор пал на семнадцатое июля — артековский день мира.

— Это день дружбы, чтобы не было войны, — объяснили ребята. — Запомни его, Мамаду.

И Мамаду запомнил. В этот день ребята прикрепляли бумажных голубей к голубому знамени мира. На голубках писали пожелания. «Пусть все дети празднуют дни рождения», — написал Мамаду.

Вечером вспыхнул в Артеке небывалый салют. От ракет небо, казалось, раскололось на миллионы огненных кусочков, и эти разноцветные кусочки плавно падали на землю.

— С днем рождения, Мамаду!

Вместе со всеми Мамаду прыгал и хлопал в ладоши, прищелкивал от восхищения языком и даже... плакал.

— Зачем плакать, Мамаду? — допытывался Сурен из Еревана.

— Мне не поверят. Мои братья и сестры ни за что не поверят!

— Чтобы поверили — держи!

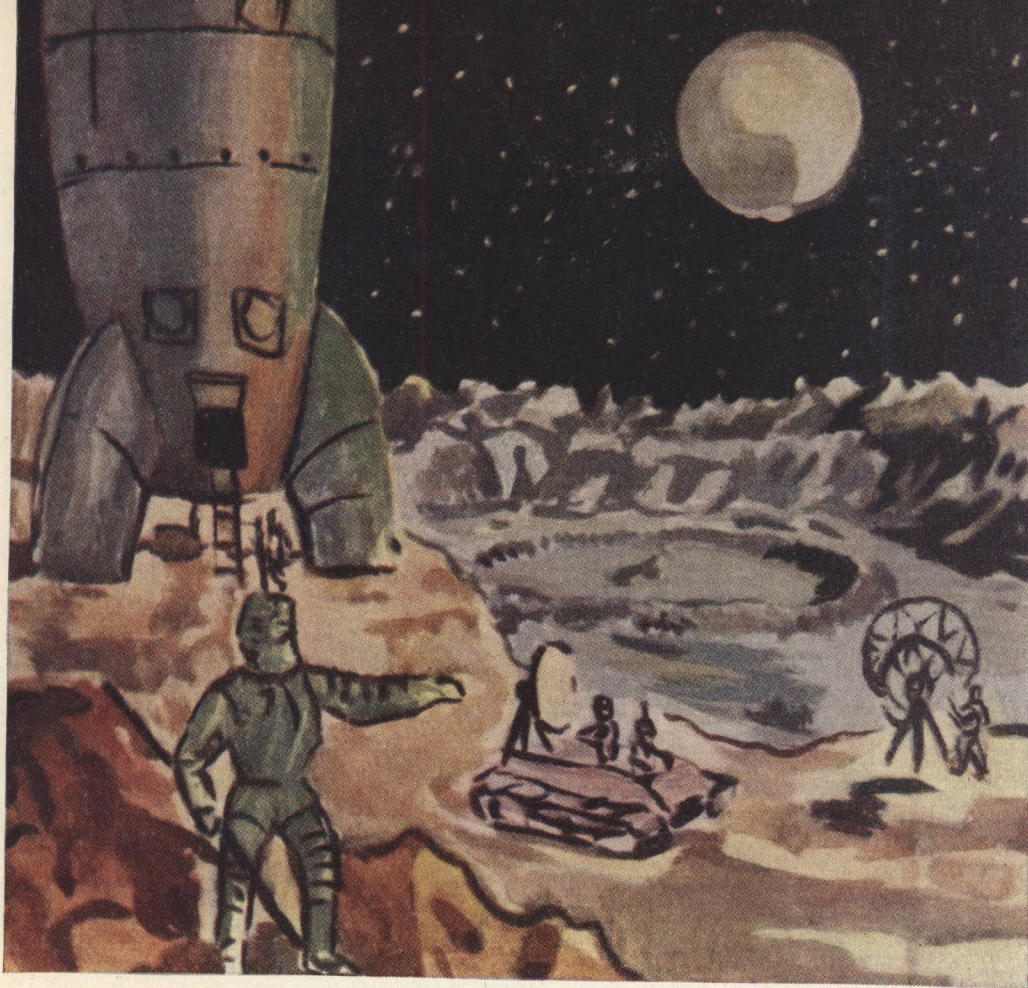
И курчавому африканцу дарили значки, марки, открытки.

Подарков набралось так много, что нести их в палатку пришлось всем звеном.

НА ПРИВАЛЕ

Фото И. Тункеля и В. Тюккеля

В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ

Рисунок Владимира Улина, 12 лет, СССР

ДРУЖБА

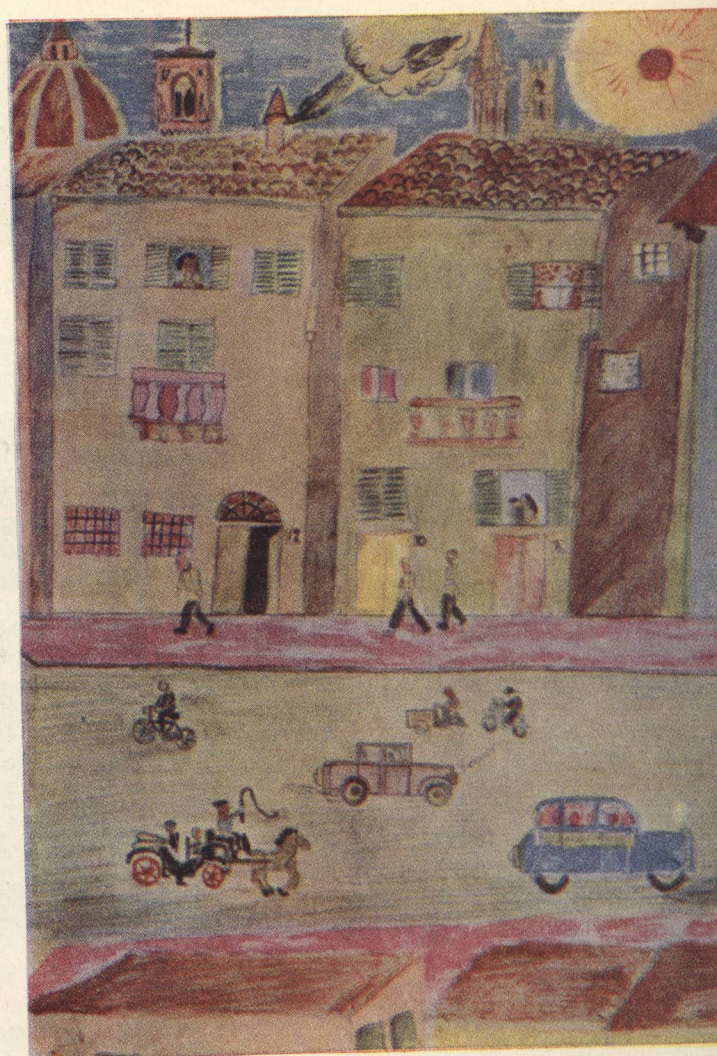
Рисунок
Иоанны Солецкой, 6 лет,
Польша

МЫ ЛЮБИМ РИСОВАТЬ

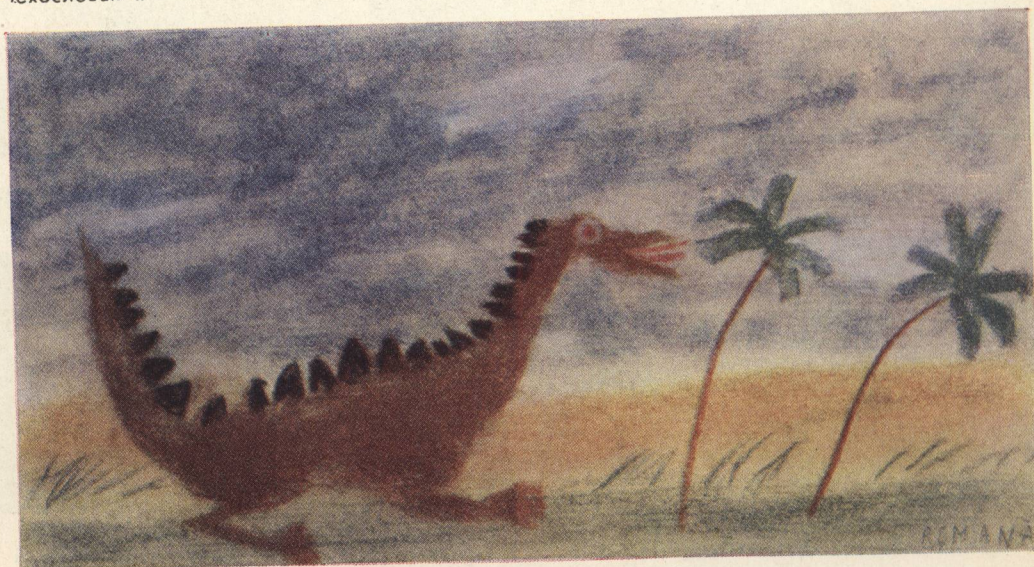

ЗМЕИ

Рисунок Владимира Зима, 11 лет,
Чехословакия

НАША УЛИЦА Рисунок итальянского школьника Франко.

ДРАКОН
Рисунок
цейлонского
школьника

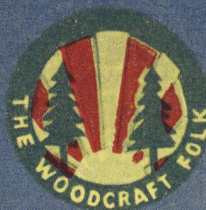
СОБИРАЕМ ЗНАЧКИ

Австрия

Албания

Англия

Бельгия

Болгария

Венгрия

Демократическая
Республика
Вьетнам

ГДР

Гвинея

Индия

Италия

Кипр

Китай

Корейская Народно-
Демократическая
Республика

Куба

Мали

Монголия

Польша

Румыния

Финляндия

Франция

Чехословакия

Югославия

ТЫСЯЧА ЛИР

А. САХАРОВ

Рисунки Г. Филипповского.

Волны шли высокие и яростные. Они с силой били в камни, ограждающие со всех сторон бухту, вставали перед ними на дыбы в облаке белой пены, а потом, нелегко переваливаясь, соскальзывали в спокойную голубую воду и через минуту, как побитые псы, лизали прибрежную гальку. Над бухтой стоял гром. Средиземное море штормило, а здесь, за этой естественной каменной оградой, царил мир спокойствия и красоты. Было жарко. Полунагие, уставшие от солнца люди лежали неподвижно под широкими разноцветными тентами пляжа. Иногда то один, то другой поднимал руку и кричал:

— Эй, лимонад сюда!

И тут же навстречу поднятой руке устремлялась маленькая детская фигурка с большой корзиной в руке.

— К вашим услугам, синьор.

— Бамбино, сюда бутылку!

И снова звучало:

— К вашим услугам, синьор.

Когда окликов не было слишком долго, мальчишка напоминал о себе:

— Лимонад всегда кстати в такую жару, синьоры. Он послан самой мадонной.

Его резкий и сильный голос звучал над пляжем и делал свое дело: руки поднимались ему навстречу. Мальчишка приносил местному ресторану немалую прибыль.

— Синьоры, еще бутылочку. Спаси вас мадонна...

Люди усмехались. Мальчишка был строен и

смугл, с льняными волосами, вздернутым тонким носом и голубыми глазами.

— Это не итальянец, а черт знает что, — говорили про него в ресторане. — Откуда взялся такой?

— Оставьте вы его в покое, он никому не мешает, — отвечал толстяк повар Джузеппе.

Мальчишка появился в ресторане неожиданно, маленький светлоголовый заморыш, в одну из трудных для побережья зимних штормовых ночей, когда волны обрушились на прибрежные селения и разрушили некоторые из них, оставив людей без крова, без пищи. Он пришел сюда, на свет, тепло, пищу, как мотылек летит на огонь. Он стоял и смотрел на красиво одетых танцующих людей, на спокойную, отгороженную от мира каменную преграду бухты, на ярко освещенные, вкусно пахнущие столы, и у Джузеппе не хватило духу крикнуть грубое слово.

— Хочешь есть?

— Да, синьор.

— Где все твои?

— Я не знаю, синьор.

— Откуда ты?

Мальчишка махнул рукой куда-то в темноту.

С тех пор он остался здесь, в маленькой каморке около ресторанной кухни. Его звали Джованьо, но он откликался на имя Бамбино — мальчишка. Так и пошло.

— Бамбино, лимонад на пятый стол! Бамбино, сигарет синьорите! Да живей!

Сначала он был мал, неповоротлив и слишком

задумчив. Он часто ошибался, и его ругали, но не гнали и даже кормили три раза в день: все-таки пользу приносит мальчишка, помогает. Потом он попрос, отъелся и повеселел, стал быстрым и уверенным.

Со временем Бамбино стал настоящим маленьким официантом. Он научился молчать, когда им были недовольны, вежливо, с достоинством благодарить за доброе слово и ловко прятать в карман чаевые. Он не усвоил только одно непереносимое свойство, которое требовалось от здешних официантов, — улыбаться. Он все делал исключительно серьезно, и в его светлых глазах всегда тлела настороженность.

Ему купили белый парусиновый пиджачок и черный галстук, и он надевал их поверх своей старенькой, с продранными локтями рубашки. В эти минуты Бамбино становился еще более серьезным.

- Сколько тебе лет, малыш?
- Одиннадцать, синьор.
- Тебе нравится твоя работа?
- Да.
- Ты не устаешь?
- Нет, благодарю вас.

Бамбино работал каждый день с 12 часов дня, как только открывался ресторан, до глубокой ночи, пока оттуда не уходили последние посетители. Потом он шел в свою конуру около кухни и ложился спать. Он никогда не жаловался, никогда ничего не просил и никому не прекословил.

Однажды заболел Лючано, парень из соседнего местечка, который подрабатывал в ресторане пением под гитару. Его ждали к четырем часам, но он так и не пришел.

Был теплый и тихий вечер, огоньки бакенов убегали в сторону острова Капри. Подвыпившие

иностранные гости потребовали «настоящую итальянскую канцону».

- Я спою, Джузеппе, — сказал тогда Бамбино.
- А ты пробовал когда-нибудь?
- Нет.

Здесь же, около кухни, официанты-аккомпаниаторы устроили маленькую пробу. Бамбино закрыл глаза, вздохнул и по-детски, всей грудью, напрягая шею, спел два куплета популярной на побережье песенки.

Гитаристы уловили тон.

— Что ты будешь петь?

— То же, что и Лючано.

— Пошли.

Двое официантов с гитарами встали между столиками и повернулись в сторону иностранных гостей. Бамбино пристроился между ними — сосредоточенный, тоненький — и запел.

— О, какая прелесть! — взвизгнула, седоватая, растрепанная американская туристка. — Он поет, как кукла, итальянская кукла.

Ее слова подхватили.

— Bravo, итальянская кукла! — закричали гости. — Еще песню!

Когда он кончил, ему бросили несколько монет. Это были в здешних краях большие деньги. Бамбино вежливо поднял их и отдал гитаристам.

С тех пор в его жизни произошли важные перемены: ему стали платить по 50 лир в день. Бамбино уже не допивал, как прежде, из бутылки остатки лимонада. Он сам мог купить бутылку вкусной воды, а иногда и мороженое.

Он стал частенько подменять Лючано и, когда тот пил с Джузеппе вино на заднем балконе, выходил к гостям. Он опускал руки вдоль тела, устремлял напряженный взгляд прямо перед собой и пел громко и резко. Он и здесь никогда не улыбался и был исключительно серьезен. Это почему-то очень веселило гостей. Ему часто бросали монеты, а потом говорили: «Пой еще». Иногда он выходил вместе с Лючано, и тогда его представляли как младшего брата. Потом кончалась работа, Лючано давал ему несколько монет, щелкал пальцами по затылку и говорил:

— Прощай, я пошел, черт бы их побрал.

Утром Бамбино вставал раньше всех. Он выбегал в одних трусиках из каморки и летел стремглав вниз по узенькой каменной лестнице, ведущей к морю. И по мере того, как терпкий и свежий запах воды становился ближе, серьезность и напряжение исчезали с его лица и уступали место настоящей безудержной мальчишеской радости.

Скорее, скорее! Мимо тентов, под которыми уже лежали люди, мимо кабин для переодевания, мимо мелкого золотистого песка, специально привезенного сюда, чтобы прикрыть грубую, шершавую гальку, мимо всего этого дорогого, изнеженного, цивилизованного пляжного уюта, за который нужно платить много денег. Скорее к скалам!

А вот и кончается песок. Крепкие круглые выступы гальки давят на ступни, бежать трудно, но разве он когда-нибудь сердился на нее. Ведь здесь это его галька, его скалы, его море. Он уже бежит вместе с ватагой таких же смеющихся полуголых коричневых сорванцов. Здесь у него есть имя.

— Сюда, Джованьо! Нырять с этого, нет, лучше с этого!

Он карабкается на высокий с плоской вершиной камень, взбирается на площадку, что-то кри-

чит, и пританцовывает, и бьет себя ладонями по животу.

Когда он готовится к прыжку, все смотрят в его сторону: люди на красивом пляже, его друзья-мальчишки; даже Джузеппе выходит в эти минуты из своей кухни и прикрывает пухлой рукой глаза. Но Джованьо не спешит. Такие минуты повторяются не часто. Он стоит высоко, очень высоко, и вокруг много воздуха, тепла и света, и ему кажется, что сам он, сильный, упругий и радостный, растворяется в воздухе, сотканном из ароматов и красоты, и является неотделимой частью прозрачного теплого моря, бурных старых скал. Он что-то кричит, разбегается и тонкой коричневой стрелой летит вниз. Бамбино врезается в воду, почти не потревожив ее ленивого покоя. Он знает: это особое и большое искусство. Это не идет ни в какое сравнение с открыванием бутылок или жонглированием подносами.

Он появляется над водой через несколько мгновений, отфыркивается, вытирает лицо ладонью и лениво плывет к берегу. Потом он лежит на холодноватой гальке и смотрит, как ныряют его друзья. Нет, все это не то. Ноги шлепают по воде, руки согнуты в локтях. А причем, он никогда не показывает своего превосходства, и когда они спрашивают его: «Ну, как, Джованьо?» — он отвечает: «Хорошо, только держись прямой». Он согласен со словами Джузеппе: каждому свое. Альфредо ныряет совсем плохо, но у него чудесные голубые трусики с красной лентой. У Джованьо таких нет. Они стоят дорого — семьсот лир. У Альфредо отец — шофер автобуса, он купил ему их в день рождения. У Джованьо нет отца. Он задумывается и на секунду представляет, насколько красивой стал бы его прыжок, если бы на нем не болталась эта черно-серая выгоревшая дерюжка, можно было бы даже сходить в Сорренто на детские соревнования, которые там ежегодно устраивает для малышей церковный приход.

Джованьо встает и медленно подходит к камню, потом он начинает торопиться, быстро карабкается вверх и снова, радостный, смеющийся, стремительный, приплясывает на площадке, заставляя людей ждать его следующего прыжка.

Иногда он любит поиграть у них на нервах. Он подходит к другому краю площадки и пристально вглядывается вниз. Там недалеко на глубине полуметра под водой чернеет длинный плоский камень. Его знают все. Поэтому здесь никто не ныряет: это верная смерть. Человек не успеет свернуть в сторону и разобьет себе голову. Так погибли в этом месте несколько лет назад подвыпившие моряки из Неаполя.

Когда Джованьо разбегается, над пляжем повисает напряженная тишина, люди вытягивают вперед головы и ждут. Никто из них никогда не пытается его отговорить, окликнуть, норовить. Он

подпрыгивает, и люди вскакивают со своих мест и смотрят заблестевшими глазами во вспененную воду. Круги быстро расходятся, и в прозрачной воде видно, как коричневое тело стремительно несется вперед, описывая под водой кривую линию. Джованьо даже не открывает глаз. Все рассчитано точно. Он отчаянно загребает в сторону и чувствует каждой клеточкой тела, как рядом с ним, почти вплотную, проходит что-то страшное.

Потом он появляется с другой стороны камня, и люди откидываются назад, на свои топчаны, некоторые хлопают ему в ладоши, а он, не обращая на них внимания, медленно плывет к берегу.

— Ты станешь чемпионом, — говорит ему после каждого такого прыжка Джузеппе, — только будь осторожен.

— Ладно, — отвечает Джованьо.

Он знает, что будет чемпионом, и не удивляется словам повара. Надо только попасть на соревнования в Сорренто. Может быть, там увидят его настоящие спортсмены. Но в этих лохмотьях его не пустят.

...В тот день в ресторан пришло особенно много иностранных туристов. Они приехали на большом белом теплоходе, который стоял напротив городка у мола и слегка дымил большими приземистыми трубами. Он был грузен и велик, и штормовые волны лишь слегка покачивали его высокие, ослепительно белые борта. Люди заняли все столики на балконе и заказали много вина. Они пили и смотрели вниз. Прыжки Джованьо вызывали у них восторг. Они хлопали в ладоши, свистели и требовали повторений. Пользуясь этим, Джованьо не спешил на работу; взбираясь на камень, он совершал прыжок за прыжком. Особенно неистовствовали дети гостей. Они что-то в такт громко кричали ему и тоже хлопали в ладоши. Вдруг один из них крикнул:

— Папа, пусть этот мальчик прыгнет вон отсюда. — И он указал на высокую скалу, выступавшую в море за цепь валунов.

— Поди-ка сюда, мальш, — перегнулся с балкона молодой полный человек в очках. — Ты

сможешь прыгнуть с этой скалы? Сколько ты хочешь? Я заплачу тысячу лир.

Уже карабкаясь вверх по камням, Джованьо успел сосчитать, сколько он сможет купить на эти деньги. Во-первых, новые трусики с красной лентой, как у Альфредо. Это семьсот лир. Потом обязательно рубашку: эта уже совсем износилась. Останется еще на мороженое и лимонад.

Джованьо взглянул вниз. С высоты волны не казались такими уж грозными. Подводных камней не было видно. Они скрылись под темной бурлящей водой, но Джованьо знал: они здесь. Поэтому прыгать нужно было особенно точно. Он встал и примерился, потом посмотрел вниз на пляж и ресторан, на сидящих притихших людей. Они казались отсюда такими маленькими и одинокими.

На балкон ресторана выбежал Джузеппе. Он что-то кричал ему и указывал руками на цепь валунов, ограждавших бухту. Джованьо не слышал. Между ними стоял мерный, грохочущий шум моря. Он посмотрел на валуны: проскочить в бухту можно на высокой волне, только нужно будет особенно постараться. Море сегодня опасное.

Джованьо встал на край скалы, развел руки в стороны и бросился вниз. Перед самой водой он изменил положение тела и врезался в набегавшую волну почти вертикально.

Джованьо сразу же почувствовал, как сильное движение воды качнуло его в сторону. Он не успел даже испугаться: резкая боль ударила в левое плечо и голову, на секунду он потерял сознание. Потом, загребая правой рукой, он поднялся на поверхность и откашлялся. Никогда еще он не глотал столько воды. Левая рука сильно болела, и каждое ее движение отдавало сильной болью во всем теле. Из плеча сочилась кровь.

Цепь валунов, ограждающих бухту, была совсем рядом, волны поднимали его высоко вверх, и тогда он видел, как белая пена покрывала камни густой, плотной шапкой, затем все исчезало, и между двумя громадами воды виднелось лишь синее, спокойное небо.

Теперь нужно было во что бы то ни стало перебраться в бухту, и тогда все в порядке. Джованьо медленно стал подвигаться вперед. Он лежал на левом боку и осторожно загребал правой

рукой. А вот и валун. Волны сами несли Джованьо к берегу. Он настойчиво старался сохранить равновесие, но огромная масса воды подняла его, опрокинула и кинула в кипящее месиво. На какую-то долю секунды он ощутил прикосновение гладкой холодной поверхности, но тут же поток воды вырвал у него эту мгновенную опору, завертел на месте, кинул набок, больно ударив о камень. Не успел Джованьо опомниться, как новая масса воды накрыла его с головой, проталила по камням и скинула обратно. С трудом он отплыл на несколько метров в сторону, все время принимая на себя удары волн, и стал держаться неподалеку от каменной цепи. От ударов о камни болели ноги и спина, в голове гудело, легкие наполнились водой, и дышать становилось трудно. Плыть к молу, огибая валуны, уже не было сил. Оставалось держаться на месте и ждать помощи. Он подождал новую волну, и когда она

подняла его вверх, выкинул из воды здоровую руку и крикнул:

— Эй, помогите, помогите!

На пляже несколько человек услышали его крик. Они весело помахали ему и посмеялись:

— Шутит мальчишка, лучше него во всем городке никто не плавает.

Тяжелые валы с неумолимой силой гнали и гнали Джованьо на камни. Он уже не видел ни неба, ни моря, ни валунов. Что-то страшное, зеленое давило на него со всех сторон, сжимало голову, застилало глаза.

Люди на пляже и в ресторане уже не смотрели в сторону моря. На балконе позванивала посуда; официанты разносили бутылки с вином; над пляжем повисла сонная, разморенная зноем тишина. На палубе теплохода под тентом группа молодых людей в панамх лениво перекидывалась картами. Городок продолжал жить своей

обычной, размеренной жизнью. Со стороны Сорренто по отполированной временем дороге один за другим бежали разноцветные изящные автомобили.

Волны, не ослабевая ни на минуту, вели свое наступление на надежно защищенную бухту. Джованьо уже не чувствовал боли. Валы возили его назад и вперед по камням, он еще дышал, но был совсем плох. Проходила минута за минутой. Джованьо не знал, что на берегу около причала прогулочных катеров бегал Джузеппе и умолял владельцев выйти в море.

— Этот щенок плавает, как дельфин. А катер разобьется о камни, — отвечали ему.

И лишь когда Джузеппе поклялся святой мадонной, что он заплатит за лодку всеми своими сбережениями, один из них согласился.

— Ты дурак, Джузеппе. Ты мог бы открыть собственное дело, но раз тебе так дался этот мальчишка... — Он надвинул на лоб фуражку с золотыми якорями и завел мотор.

Когда Джузеппе втащил Джованьо в лодку, тот уже не двигался. Его вынесли из лодки, положили на песок и попробовали сделать искусственное дыхание. Изломанные руки висели безжизненными, угловатыми плетями. Из бедра и плеча текла кровь, а левая ключица неестественно выпирала под тонкой, синеватой кожей.

Пришел врач. Он долго что-то делал Джованьо, поворачивал его из стороны в сторону, мял живот, затем поднес к его носу пузырек с пахучей мутноватой жидкостью. Джованьо медленно поднял веки, пошевелился и застонал, и снова врач ловкими равнодушными пальцами начал ощупывать его тело.

— Бамбино, туристы оставили тебе деньги, вот тысяча лир, — сказал, подходя, один из официантов.

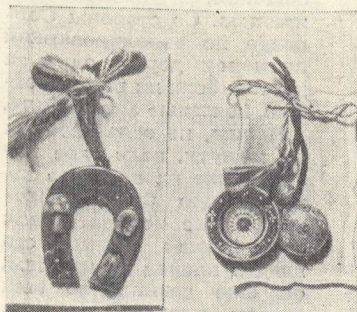
Врач повернулся к Джузеппе.

— У мальчишки перебиты руки, по-видимому, сломано несколько ребер и вывихнута ключица. Это то, что можно определить на первый взгляд. Работать сможет, но с прыжками — навеки.

Джованьо не слышал слов врача. Он смотрел вверх, на небо. Ближе к горизонту оно голубело, а прямо над головой было белым, как расплавленное олово. Солнце поднималось к зениту.

Потом он закрыл глаза.

ВСЕМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ «ПИОНЕРА»!

Вот какие милые сувениры прислал нам клуб дружбы из города Севлиево (Болгария).

Фестиваль закончен. Редакция сердечно благодарит всех, кто помог готовить этот номер: клуб интернациональной дружбы г. Севлиево из Болгарии, сотрудников Дворца пионеров из Гаваны, клуб интернациональной дружбы Минского Дворца пионеров, Айлу Леппянен из Финляндии, звено интернациональной дружбы 6-го класса школы № 28 г. Воронежа, Хелену Стейнбергову из Чехословакии, клуб «Уленшпигель» из Амстердама, Сашу Чарыгина с Кашпир-рудника Куйбышевской области, клуб дружбы школы № 14 г. Мурманска, братьев Женю и Колю Ятмановых из Одессы, Демократический союз пионеров Финляндии, Лену Машареву из 2-го класса Высокушской начальной школы Архангельской области, клуб «Серебряный олень» из Ленинграда, Петю Губанова из станции Новомарьевка Ставропольского края, Васильеву Клаву из Якутской АССР, Пражский Дворец пионеров имени Юлиуса Фучика, клуб имени Фиделя Кастро из школы № 82 г. Донецка, Сережу Демина из поселка Комсомольска-Ставропольского, отряд 4-го класса 5-й школы г. Кисловодска, отряд 7-го класса, поселок Усть-Комь, Красноярского края, редакции пионерских газет «Пайташ» (Венгрия) и «Ракетти» (Финляндия), Аню Лебедеву из 6-го класса 490-й школы г. Ленинграда, Мишу Файнштейна из Ленинграда, Коложвари Лайоша из Венгрии, Каталин Геци из Кесега, Терту и Теуво Таммелин из Финляндии, кубинских пионеров: Ульберто Мал Арнасиса, Тереситу Альфонсо, Беатрис Морено Масо, Хорхе Техеда, Арелис Андраде Лопес, Марию Каччадо, Лизбет Арсе, Сильвию Краола, Хулиту Хункора, Сшиду, Алгуэро Альварес, Анжелу Сетанкоурна, Лопеса де Мола, Марию дель Кармен, Мелсон Кармеллянос, Жозефину Энара де Леон, Ану Рита Ромес, Мариан Мисарес Фернандес, Хулио Е. Фигереду, Альфонсо Самора, Хосе Л. Ллочено Боса, членов интернационального клуба Урсалинской восьмилетней школы из Татарии, Надю Тукусбаеву из села Прямой путь, Алма-Атинской области, Елю Рейсковскую из Польши, Илону Шинклоши из Будапешта, Галю Петрову из деревни Пономари Кировской области и многих-многих других ребят, которые прислали свои стихи, рисунки, письма, заметки, коллекции, сувениры для нашего фестиваля.

Спасибо! Suuri kiitos! Mulțumesc! Kiitos!
Thank you! ¡Muchas gracias! Merci bien! 謝謝
Danke schön! Хвала leno! Grazie! 謝謝

Эти слова редакция журнала «Пионер» хотела бы лично сказать каждому из тех, кто принял участие в подготовке фестиваля, прислал свои письма, материалы, коллекции.

Словом, всем, всем, всем!

Все письма, коллекции, альбомы, рисунки с огромным интересом рассматривали ребята, которые приходили в эти дни в редакцию.

СОХРАНИМ ВЕРНОСТЬ

Вот и догорают костры фестиваля... Посмотри: весело пляшут над угольями огоньки, красные, желтые, оранжевые, синие, как наши разноцветные галстуки. Наступает тихая, задумчивая минутка. От костра уходит всегда жаль!

О чем ты задумался, друг! Наверно, о том, как много на нашей земле добрых, честных людей, хоть и врагов у них немало. О том, что надо обязательно, во что бы то ни стало добиться прочного мира для всех.

И дети не должны стоять в стороне от всеобщего сражения за мир. Кажется, что мы с тобой можем сделать! Нас с тобой даже мама с папой не всегда слушаются. Разве послушают нас те, кто готовит войну!

НАШЕЙ ДРУЖБЕ!

А мы и не собираемся их уговаривать. Кровожадного волка не уговаривают, но, когда он видит, что людей много, что люди вооружены, что они смелые, он сам уходит.

Если все честные люди будут держаться вместе, если они не станут бояться тех, кто замышляет войну, войны не будет.

И мы с тобой, сколько бы лет нам ни было, очень многое можем сделать для объединения всех против войны. Дети каждой страны по-своему участвуют в движении сторонников мира. Ты слышал рассказы об этом на наших фестивальных кострах. Какой путь тебе избрать! Подумай об этом сам, посоветуйся с товарищами, со своими вожаками, взрослыми друзьями.

Но где бы ты ни жил, помни: тот, кто за мир, тот дружелюбно относится к людям всех стран, всех наций. Кто за мир, тот за счастье детей. Советские ребята, ребята из стран социалистического лагеря помогают старшим построить коммунизм — такое общество, где будет царствовать мир, труд, свобода, равенство, братство, счастье.

Бороться за мир — значит добиваться, чтобы скорее-скоро пришло это время.

В обращении ко всем детям мира, принятом на Всесоюзном слете пионеров в Артеке, говорится:

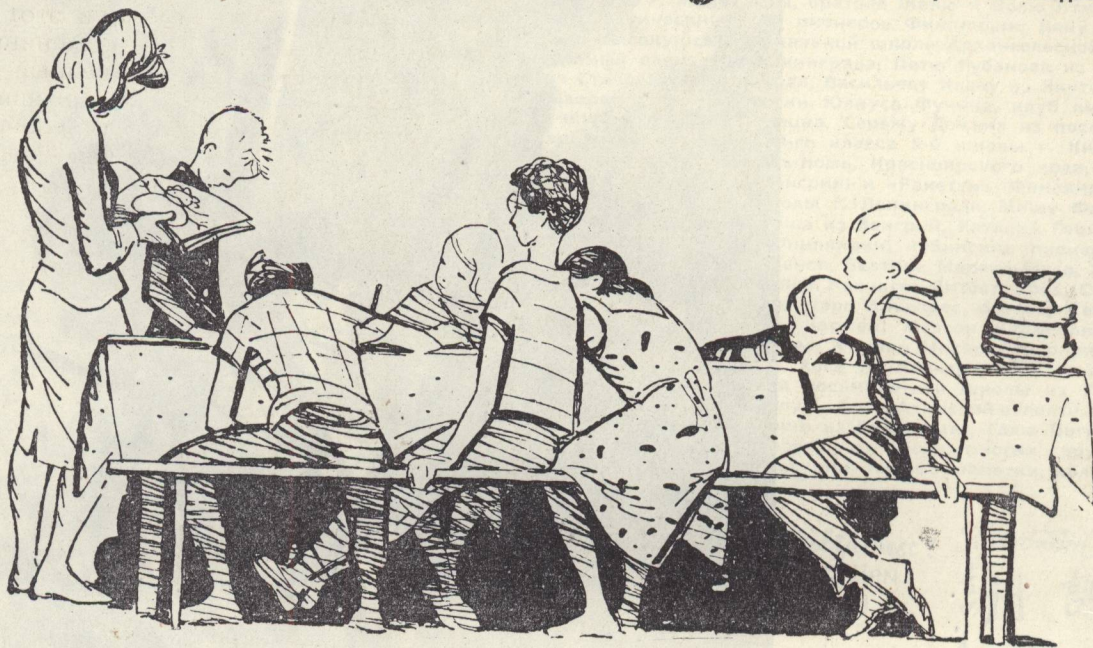
«Давайте поклянемся через всю жизнь пронести большую любовь к людям, сохранить верность нашей дружбе».

Ты готов присоединиться к этой клятве, друг?

Котлован в лесу

М. БАРЫШЕВ

Рисунки Е. Медведева.

С утра шел дождь. Он не хлестал по лужам, не баламутил водовороты в канавах, не стучал по железным крышам. Дождь был ласковым и теплым. Он сыпал и сыпал мелкими каплями, старательно поливая картошку на огородах, смывал пыль с тротуаров и пускал пузыри по речным заводям.

В распахнутое окно заглядывала ветка черемухи с нарядными, до глянца вымытыми листьями.

Генка Соболев смотрел на ветку и думал, что после такого дождя в лесу повалит тьма грибов. Тугие, с крепенькими шляпками, они стайками выключнутся по мелкому сосняку, по березнику. На болотах запекутся волнушки, и под кочками встанут грузди-богатыри...

— А теперь, ребята, мы нарисуем кувшин, — прервал сладкие думы Генки голос Аллы Тимофеевны, руководителя кружка по рисованию.

Генка вздохнул и с тоской поглядел на приземистый, с отбитой ручкой кувшин, поставленный Аллой Тимофеевной на стол.

Вот уже две недели Генка ходил в городской пионерский лагерь. Весной он упрямил мать не отправлять его на лето в деревню к бабушке, а записать в лагерь, организованный в двухэтажном Доме пионеров, во дворе которого была волейбольная площадка, а в зале стоял бильярд с зеленым сукном и с блестящими металлическими шарами.

Первые дни в лагере было хорошо. Особенно понравился Генке бильярд. За два дня он научился почти без промаха всаживать блестящие шары и в угловые и в средние лузы, «резать» и забивать «своих». Но удовольствие оказалось недолгим. Винават был во всем Костя Кораблев, приятель Генки. Однажды Костя проиграл подряд пять партий и начал жульничать. Он рукавом перекачивал шары с места на место, вроде нечаянно толкал Генку по локоть, шатал бильярд и пускался на всякие другие штучки. Когда и это не помогло, он нахальным образом засунул в лузу палец, и верный шар у Генки перелетел через борт. Этого Генка уже не мог вытерпеть и треснул Костю кием по спине.

Когда на шум прибежала старшая пионервожатая, ребята с ревом катались на полу возле бильярда.

Старшая пионервожатая увела их в кабинет, назвала разлагателями дисциплины и пригрозила исключить из лагеря. Для предотвращения подобных случаев она спрятала в шкаф шары и бильярдный кий.

Генка и Костя к вечеру помирились, но на бильярде уже играть не пришлось.

Потом лопнул волейбольный мяч и потерялись рюхи, а малокалиберную винтовку шефы так и не подарили.

Теперь Генка жалел, что мать записала его в лагерь. Но деньги были заплачены вперед, и ему волей-неволей приходилось каждый день тащиться к восьми утра в лагерь и заниматься совершенно неподходящими делами, вроде разучивания стихов про синиц и зайцев, игры в третий лишний и разгадывания арифметических ребусов. В этих ребусах надо было в квадратах переставлять цифры до тех пор, пока вдоль и поперек не получалось одинаково. Для чего одинаково, Генка так и не понял. Хорошо хоть в лагере работал кружок по рисованию, в который Генка записался в первый же день.

Он очень любил рисовать пароходы, самолеты и подводные лодки. Костя тоже записался в кружок. Он где-то пронюхал, что в кружке будут выдавать тетради по рисованию и цветные карандаши.

— Может, я зверей научусь рисовать, — сказал он Генке, боясь, что тот заподозрит его в корысти.

Но ни пароходы, ни зверей ребятам рисовать не пришлось. Вот уже две недели они срисовывали всякую ерунду, которую ставила на стол руководительница кружка. Вроде сегодняшнего кувшина.

Рисовать кувшин не хотелось. По мнению Генки, такому кувшину полагалось

давным-давно лежать где-нибудь в мусорной яме. Хорошо было бы еще выпалить как следует в него из рогатки. Он бы крикнул и рассыпался на мелкие осколки.

— Ребята, следите за симметрией рисунка и тоньше кладите штрихи, — сказала Алла Тимофеевна, покручивая в пальцах остро отточенный карандаш.

Алла Тимофеевна приехала в этот северный городок месяц назад из Ленинграда. Там она окончила художественный техникум, и Костя Кораблев, умудрявшийся первым узнавать всякие новости, сообщил ребятам, что с осени Алла Тимофеевна будет преподавать у них в школе рисование.

Алла Тимофеевна была тонкая, быстрая в движениях и всему удивлялась. Удивлялась деревянным мосткам, проложенным в городе вместо тротуаров, удивлялась незаходящему солнцу, удивлялась зычным гудкам лесовозов на рейде, сплавщикам, переезжающим через реку, стоя на бревне, вжиканью пилорам на лесопильном заводе. Удивилась она, когда Костя Кораблев угостил ее морошкой, когда братья Шульгины поймали на блесну здоровую щуку.

Рисовала Алла Тимофеевна здорово. Стоило ей подойти, через плечо наклониться с тонким карандашиком в пальцах и сделать несколько штрихов, как оживали скучные подставки для карандашей, пузатились резиновые мячи, блестели гранями пирамиды и трапеции.

— Генка, гляди, — слышался шепот Кости, — воробей прилетел.

Генка поднял голову и увидел, что на ветке черемухи неторопливо раскачивается пичуга, рассматривая комнату с большим столом, ребят, согнувшихся над тетрадами, и щербатый кувшин. Любопытными бусинками глаз воробей оглядел пышноволосую Аллу Тимофеевну, взглянул на

рыжий плакат, утверждавший, что чистота — залог здоровья, и, насмешливо чирикнув, повернулся в сторону Генки.

Тот погрозил воробью кулаком. Пичуга обиделась на такое обращение, недовольно встопорщилась и взмахнула крыльями.

— Улетел! — вздохнул Костя.

— Ему что, куда хочешь, туда и лети, — невесело сказал Генка, провожая взглядом воробья. — Его в лагерь родители не записывали.

После того, как воробей улетел, куда ему хотелось, рисовать щербатый кувшин стало еще скучнее. Генка начал было его штриховать так, как учила Алла Тимофеевна, но от этого кувшин вдруг скособочился. Вдобавок горлышко его почему-то вытянулось. Точь-в-точь как вытягивала шею Алла Тимофеевна, когда заглядывала кому-нибудь в тетрадь.

Генка удивился неожиданно возникшему сходству. Чтобы оно было еще больше, он пририсовал к кувшину пушистые завитушки волос, перетянутых ленточкой. Ленточку он нарисовал желтым карандашом. Теперь она и по цвету походила на ту, какую носила Алла Тимофеевна.

Налюбовавшись своим художеством, Генка толкнул локтем Костю и подсунул ему тетрадь. Костя сразу догадался, в чем дело. Он зажмурил глаза и затрясся от беззвучного смеха. Затем взял карандаш и для пущего сходства подписал, кто изображен на рисунке. Потом, озорно блеснув темными глазами, он начал пририсовывать к кувшину усы, закрученные колечками.

Увлеченные интересным занятием, ребята не заметили, как сзади к ним подошла Алла Тимофеевна, протянула руку и взяла тетрадь.

Лицо руководительницы кружка стало медленно розоветь, а пушистые ресницы заморгали удивленно и растерянно. Покосившись, Генка увидел, что у Аллы Тимофеевны дрожит рука, в которой она держит альбом.

Только тут он ощутил напряженную тишину в комнате и, вскинув голову, встретился с двумя десятками ожидающих глаз.

Алла Тимофеевна не сказала ни слова, но молчание ее было таким, что Генка дернул Костю за рукав и встал.

На руководительницу кружка он не мог поднять глаз. Ухватив руками край стола, Генка стоял, упрямо наклонив большую голову с жестким ежиком отросших после

давней стрижки волос, и чувствовал, как у него теплеют уши.

— Гена, — тихо сказала Алла Тимофеевна, — зачем ты это сделал?

Если бы она накричала на него, выставила за дверь, сказала, что исключит из кружка, Генке было бы все понятно.

Но от простого вопроса Аллы Тимофеевны он растерялся еще больше. Подняв голову, он поглядел на ребят, словно хотел найти в них поддержку. Но голубые, зеленые, карие, серые пары глаз, круглых и с прищуром, светились простым любопытством. Это разозлило Генку.

Он вздохнул так, будто он собирался нырнуть на дно омута, и сказал правду:

— Скучно.

— Что скучно? — не поняла Алла Тимофеевна.

— Кувшин рисовать, — выдохнул Генка.

Костя кивнул головой, подтверждая, что он полностью согласен с Генкой.

За окном басовито загудел белотрубый лесовоз. Он отправлялся в далекий рейс, в океан, к неведомым берегам. Может, в Африку, может, в Индонезию, а может быть, и на Кубу, к бородатому Фиделю Кастро, прогнавшему буржуев и жандармов...

Поймав взгляд Генки, провожающий лесовоз, Алла Тимофеевна закрыла тетрадь с рисунком злополучного кувшина и сунула ее под мышку. Затем она пригладила ладошками пушистые завитки на висках, поджала губы и пошла к двери, на которой висела синяя стеклянная табличка с надписью «Старший пионервожатый».

— Жаловаться отправилась, — сказал Костя. — Сейчас нам с тобой здорово всыпят.

— Заткнись ты! — зло ответил ему Генка. — За дело всыпят. Кто тебя просил в чужой тетради усы рисовать?

— Ты же первый начал...

— Мало ли что я начал! Ты зачем в мою тетрадь полез? Зачем?

Костя засопел и проворно перешел на другую сторону стола, где оживленно шептались девочки, явно желавшие увидеть очередную драку. Но драться Генке сегодня не хотелось. Он показал Косте кулак и, придвинув к себе его тетрадь, начал рисовать в ней белотрубый лесовоз.

Из комнаты старшей пионервожатой доносились приглушенные голоса. Слов разобрать было нельзя, но похоже, что там о чем-то спорили. Голос Аллы Тимофеевны был громким и требовательным. Сна-

чала он часто прерывался глухим голосом старшей пионервожатой, но эти паузы становились все короче и короче, и через полчаса за деревянной перегородкой уже звенело так, будто там пилили бензопилой сухие сосновые кряжи.

Генка был уверен, что в комнате пионервожатой сейчас решается вопрос, исключить его из лагеря одного или вместе с Костей.

«Ну, и наплевать,— утешал он сам себя.— Зато буду по грибы каждый день ходить. Небось, буду за раз по корзине приносить, мамка не станет жалеть, что в лагере деньги пропали... Костю только пусть не исключают. Скажу, я первый начал...»

Когда Алла Тимофеевна вышла из комнаты старшей пионервожатой, у Генки екнуло сердце. По довольному виду руководительницы кружка он понял, что исключают из лагеря и его и Костю.

— Ребята,— сказала Алла Тимофеевна.— Завтра оденьтесь потеплее и захватите из дому по бутылке кипяченой воды. Мы с вами пойдем рисовать натуру.

От незнакомого слова у ребят удивленно раскрылись рты. Алла Тимофеевна улыбнулась и разъяснила, что оно означает. Оказалось, что завтра они всем кружком пойдут за город, а там каждый выберет себе самое интересное и будет рисовать.

— Сегодня занятия кончаем,— добавила она и оглядела растерянного Генку.— Возьми свое художество... Кроме усов, ничего придумать не могли.

Генка невнятно пробормотал, что усы рисовал не он, а Костя. Затем тихо спросил, приходиться ли ему завтра в лагерь.

— Конечно,— просто ответила Алла Тимофеевна, повернулась и сбежала вниз по лестнице, гулко отстучав каблучками по деревянным ступенькам.

«Ничего не сказала»,— с облегчением подумал Генка, приготовившийся в душе к самому тяжелому разговору с матерью.

Кроме того, ему уже было жалко расставаться с кружком. Незаметно для себя Генка увлекся рисованием. Ему нравилось, как на чистом листе бумаги вдруг появляется кубик с ровными гранями, или красный флаг, или граненый стакан. Ему хотелось научиться делать такие же быстрые и короткие штрихи карандашом, как умела делать Алла Тимофеевна. От этих штрихов флаги начинали развеиваться по ветру, граненые стаканы просвечивали, а кувшины улыбались своими щер-

бинками. Но долго учиться у Генки не хватало терпения, а быстро он научиться не мог. Поэтому Генка считал, что все неудачи происходят у него просто-напросто от скучных вещей, которые его заставляют рисовать Алла Тимофеевна.

Вот завтра, когда они пойдут рисовать натуру, Генка покажет, как он рисует. А за то, что Алла Тимофеевна не пожаловалась старшей пионервожатой, он принесет с собой не одну, а три бутылки с кипяченой водой.

За ночь ветер разогнал тучи. Когда Генка проснулся, вся комната от пола до потолка была налита солнцем. Даже в темном углу за пузатым шкафом сидел солнечный зайчик, отскочивший от трех бутылок с кипяченой водой, еще с вечера поставленных Генкой на подоконник.

Перед выходом на натуру Алла Тимофеевна осмотрела одежду и обувь ребят и проверила их по списку.

Сама Алла Тимофеевна нарядилась в пушистую кофточку, в серые брюки и обула резиновые сапоги. Сапоги были такие блестящие, что Генке даже стало жаль, что руководительница кружка пойдет в них на натуру. Он такие сапоги надевал бы на праздники и еще в кино...

Через плечо у Аллы Тимофеевны висел на ремешке термос, а плетеная сумочка была доверху набита какими-то свертками.

После завтрака руководительница кружка выстроила ребят парами, еще раз пересчитала их и повела из лагеря. На крыльце стояла старшая пионервожатая. Лицо ее было озабоченным.

— Вы понимаете свою ответственность? — спросила она.

Алла Тимофеевна ответила, что все будет в порядке, и стала потираливать ребят.

Генка думал, что рисовать натуру они пойдут к лесобирже, где у причалов стоят транспорты, где решетчатые краны носят по воздуху желтые пакеты пиловочника, где свистят буксиры и снуют по дощатому настилу юркие лесовозные машины.

Но Алла Тимофеевна повела ребят вверх по реке. Река была бурная, с темной торфяной водой, катившейся между гранитных берегов. Кипели у подводных камней пенные буруны. В заводях кружились серые хлопья пены. Над порогами стояла сизая водяная пыль. Темнели водовороты. Оглушительно грохотали стремительные потоки, срываясь с гранитных уступов.

На скалистых берегах реки, изрезанных трещинами, росли кривобокие, изувеченные ветром сосенки, прятались в расщелинках березки и буйно зеленели лапчатые папоротники. То тут, то там выглядывали из-под валунов фиолетовые камне-

няты. А дом у него немаленький — три окна по фасаду да еще крыльцо.

Однако, вспомнив вчерашний случай, Генка сказал Алле Тимофеевне, что он будет рисовать реку.

Коричневым карандашом он провел наискось через лист две извилистые коричневые линии, обозначающие берега, и за пять минут начертил на них целые груды валунов. Теперь оставалось нарисовать воду — и картина будет готова.

ломки. Вдали виднелась зубчатая стена густого леса.

Алла Тимофеевна остановила ребят на береговом откосе в километре от городской окраины.

— Вот здесь мы будем рисовать, — сказала она, оглядевшись вокруг. — Очень живописное место!

— А что рисовать? — спросил Генка, проворно разложив на камне тетрадь и коробку с карандашами.

— Что хочешь, то и рисуй, — улыбнулась Алла Тимофеевна. — Можно реку рисовать, можно вон ту группу сосен на откосе или эти камни на берегу. Они такие замшелые, дикие и колоритные...

«Рисовать камни!» — удивился Генка, недоверчиво поглядев на Аллу Тимофеевну. Не шутит ли она ненароком? Кому нужен рисунок с камнями?.. Напрасно они не пошли в порт. Там Генка нарисовал бы кран, который поднимает груз. На кране он поместил бы дядю Сашу, своего соседа, машиниста. Кран Генка нарисовал бы здоровущий, во весь лист. Дядя Саша рассказывал, что он краном свой дом может под-

Генка вытащил синий карандаш, но, взглянув на реку, неожиданно растерялся. Если бы он сидел в комнате, он, не задумываясь, закрасил бы воду синим карандашом. Но вода в реке была не синей. Под крутым берегом она чернела, на стремнинах отливала зеленью, по заводям серебрилась, а на порогах была пенно-белой. Генка не мог сообразить, какого же цвета вода в реке. Не могла же она быть разноцветной!

Он вздохнул и посмотрел на свои бутылки с кипяченой водой, поставленные у камня. В бутылках вода была серой. Это окончательно сбило его с толку.

— Гена, ты знаешь, зачем мы кипяченую воду принесли? — ехидно прищурил глаза, спросил Костя, рисовавший в своей тетради какую-то скамейку на четырех ножках, стоящую под растрепанной метлой.

— Зачем? — спросил Генка, насторо-

женно оглядев Костю, в ласковом голосе которого ему почудился подвох.

— Ты, Гена, три бутылки взял... Вот здорово! Значит, и мне дашь попить.— Скосив глаза на Аллу Тимофеевну, Костя продолжал размеренным, деревянным голосом, похожим на гдос старшей пионервожаты:— В речной воде находятся бактерии. Речную воду детям пить нельзя.

— Не придуривайся,— отмахнулся от него Генка. — Речную воду пить нельзя... Придумал тоже...

— Это не я придумал, это старшая вожатая и Алла Тимофеевна придумали.

Генка решил, что Костя его разыгрывает. Чтобы посадить его в лужу, он спросил Аллу Тимофеевну:

— Для чего мы в бутылках воду принесли?

— Как для чего? — удивилась та. — Чтобы пить... Сырую воду пить нельзя, и к реке детям подходить опасно.

Костя затрясся от смеха, показывая на Генкины бутылки с кипяченой водой, выстроенные возле камня.

Тот с досады даже крикнул. Идти к реке и тащить с собой воду для питья было очевидной глупостью. А Генка вдобавок еще три бутылки притащил.

— Ты, Гена, наверное, думал, что тебе воды не хватит,— поддел его Костя.

Теперь этот гагачий цыпленок развозит всем ребятам, как Генка к реке воду тащил...

«Натура», рисовать которую привела ребят Алла Тимофеевна, оказалась такой же скучной, как щербатый кувшин, который стоял вчера в комнате пионерского лагеря с рыжим плакатом на стене. Генке сразу расхотелось рисовать реку, и вообще он пожалел, что вчера его не исключили из лагеря. Выдержал бы он взбучку от матери, но зато все же получил бы свободу, которая была им утрачена в тот день, когда мать внесла деньги за путевку...

Сунув под ремень тетрадь для рисования, Генка запустил камнем в бутылки с водой. Те гулко цвинкнули и рассыпались светлыми осколками.

— Пошли в Косой бор за грибами,— предложил он Косте.

Костя поглядел на Аллу Тимофеевну, занятую с девочками, рисовавшими цветы и рябинки, потом подвинул Генке свою тетрадь.

— Вот,— сказал он,— лису нарисовал, а над ней береза. Похоже?

— Подпиши, тогда будет похоже,— посоветовал ему Генка.

— Ладно, пошли за грибами.— По примеру Генки Костя решительно засунул тетрадь за пояс.

Осторожно оглянувшись на Аллу Тимофеевну, ребята юркнули за валун.

Вымытый вчерашним теплым дождем, лес дышал. Согретый солнцем воздух тянул от земли, и от его невидимого движения чуть заметно трепетали листья молодых осин и колыхались столбы света, падающие на траву сквозь кружевные кроны сосен.

В буйной путанице молодняка, в низинках на листьях висели прозрачные капли вчерашнего дождя. Отяжелев, они срывались с веток и беззвучно исчезали в траве. Уронив каплю, лист чуть вздрагивал, и казалось, что кусты, как живые, отряхиваются.

Где-то наперебой выстукивали два дятла, и стайка любопытных синичек, увязавшихся за ребятами, пересвистывалась, перелетая от куста к кусту.

К сапогам липли рыжие листья и мохнатые одуванчики. Гибкие рябиновые ветки шумно хлестали по голенищам.

Грибов было много. Крепенькие подосиновики и сыроежки, толстоногие белые то тут, то там выглядывали из-под жухлых листьев, из травы, темнели под кустами и возле трухлявых пеньков.

Но все они, как на подбор, были не больше трехкопеечной монетки. Видно, они еще не успели подрасти. Рвать таких малюток ребятам было жаль.

— Потом лучше придем,— сказал Генка, и Костя согласился с ним.— Место только надо приметить и корзины взять. Скоро ребята забыли и про грибы. Они просто так брели и брели по налитому теплом и солнышком лесу. Кидали шишками в синиц, нагибались, чтобы сорвать горсть черники, подсвистывали щеглам, сбивали прутиками верхушки конского щавеля, высматривали птичьи гнезда, забирались в малинники.

Они забыли про свой кружок, забыли, что Алла Тимофеевна по счету, под свою ответственность увела их к реке и к обеду должна была доставить в лагерь. Да и про лагерь ребята забыли и про старшую пионервожатую... Очнулись они, когда лес оборвался, словно обрезанный на крутом повороте реки.

— Гляди, Генка, к ГЭС вышли! — удивленно крикнул Костя.

Ребята знали, что в восьми километрах от города весной начали строить гидроэлектростанцию. Но своими глазами строю-ку они увидели впервые.

С высокого берега им как на ладони был виден огромный котлован с рыжими глинистыми откосами. На дне его мерно махали черпаками экскаваторы. Натужно гудя, один за другим выползали из котло-вана груженные самосвалы. Справа на чер-ной скале виднелась решетчатая башня. На вершине ее вспыхивали огоньки элек-тросварки и лепились крошечные фигур-ки людей.

— Верхолазы работают, — сказал Генка и сел на камень. — Они никакой высоты не боятся.

Резкий звук сирены разорвал тишину. На краю котлована кто-то замахал фла-гом. Тотчас же замерли, как один, само-свалы с глиной, и куда-то исчезли люди, копошившиеся, словно муравьи, по краям котлована.

— Авария, наверное! — испуганно вско-чил Генка с камня.

Снова заревела сирена. Ребята уже го-товы были мчаться к котловану, но в это время за котлованом, где виднелась ост-рая, как колун, скала, всплеснулось корот-кое красное пламя и вслед за ним стало вспухать черное облако. Из облака выле-тели камни и, описав полукруги, мягко опустились на землю.

Только тут ребята услышали взрыв. Пахнуло гарью. Воздух туго ударил в грудь. Зазвенело в ушах, руки невольно ухватились за валуны.

Когда дым рассеялся, вместо скалы, выставявшей над лесом зазубренное гра-нитное острие, было ровное место.

Победно раз за разом проревела сире-на. Снова забегали на башне светлячки электросварки, двинулись гуськом само-свалы, заторопились люди к котловану.

— Вот это рванули! — заорал Генка. — Раз — и голенькое место!

Такого ребята еще не видывали.

— Камни прямо до неба летели, — ска-зал Костя. — Одна большая камнина как перевернется да ка-а-к трахнется! И два дерева тоже летели, я их видел. Вот бы что нарисовать, Генка! И экскаваторы...

Генка словно не слышал болтовни Кос-ти. Опершись рукой о валун, он стоял, сдвинув у переносицы выгоревшие, жи-денькие брови. Глаза его смотрели на кот-лован так пристально, словно он хотел запомнить каждый изгиб его рыжих от-косов, каждое движение сильных, умных машин.

Рука его сама собой нащупала за поя-сом тетрадь для рисования и вытянула из кармана коробку с цветными каран-дашами.

— Сейчас нарисую, — сказал Генка то ли сам себе, то ли отвечая Косте.

Через минуту на бумаге появился округ-лый котлован, а возле него — решетчатая башня. Короткими штрихами красного кар-андаша Генка изобразил пламя взрыва, а над ним — коричневое клубящееся об-лако, из которого вылетали глыбы гранита.

— Ты самосвалы нарисуй, — услышал он над ухом голос Кости. — Четыре в од-ном ряду и четыре в другом.

Рисовать восемь самосвалов было не-легко, но на меньшее их число Генка и сам не согласился бы. Сколько было видно отсюда самосвалов, столько их должно быть на картинке.

Высунув кончик языка и склонив набок голову, Генка терпеливо рисовал один самосвал за другим. С колесами, с окошечками на кабинах, с кучками рыжего грунта в кузовах. После самосвалов он стал рисовать экскаваторы.

— Четыре штуки, — сосчитал Костя. — Один большой и три маленьких.

Потом надо было рисовать низкие щитовые бараки с белыми окнами, расположенные недалеко от котлована, бульдозеры, ползающие между кучами земли и черными канавами, деревянный мостик с перилами, ряды свай, похожих на гребенки, воткнутые в землю.

Генка торопливо менял карандаши. Внутри у него словно прорвалась какая-то пелена. Глаза остро схватывали краски и формы, а пальцы торопливо переносили их на бумагу. Штрихи ложились короткие и четкие. Почти такие же, как у Аллы Тимофеевны. Карандаши сами собой двигались по бумаге, зная, где им остановиться, где густо положить тень, где едва наметить контур уловимой линии. И для реки, изгибом охватывающей котлован, у Генки нашлись неожиданно подходящие цвета. Воду у дальнего берега он сделал светло-зеленой и опрокинул в нее зазубренный ельник, выросший на покато́м плесе, а у ближнего берега нарисовал густо-синие омуты.

— Вот здорово, — удивился Костя. — Прямо как настоящая... Генка, ты собаку на берегу нарисуй.

— Отстань, — отмахнулся тот, увлеченный рисунком.

Костя послушно отошел в сторону и сел на камень.

— Гена! — донесся из лесу надрывный крик. — Ребята-а-а!

— Алла Тимофеевна кричит! — испуган-

но сказал Костя. — Давай сматываться... Скажем, заблудились, а то знаешь как падает.

— Погоди немного, — попросил Генка, штрихуя откосы котлована.

Костя торопил его, пугал старшей пионервожатой, грозился, что удерет один, но Генка, словно замороженный, прильнул к раскрашенному листу бумаги, то и дело меняя карандаши.

Когда Алла Тимофеевна показала на опушке леса метрах в двадцати от ребят, Костя наклонился к рисунку Генки, сделав вид, что не замечает руководительницы кружка.

— Ребята! — сдавленным голосом крикнула Алла Тимофеевна. — Гена! Костя! Вы тут?..

Споткнувшись о камень, она подбежала к ним и ухватила ребят за рукава.

— Вы живы?

— Живы, — ответил Костя. — А чего?

— Хорошо... Ох, как хорошо. — Алла Тимофеевна вдруг, словно обессилев, села на камень. — Я уже все думала... Одни в таком лесу... Это кошмарно! Болота, озера... Я видела недалеко двух змей. Конечно, гадюки. Хорошо, что я вас нашла!

Лицо у нее было потным и бледным, завитки волос прилипли ко лбу. В них торчала сухая хвоя, а возле правого уха запуталась паутина. Один рукав куртки был разорван, на коленях темнели торфяные пятна. Глаза у Аллы Тимофеевны были испуганные.

— Три часа вас искала, — торопливо говорила она, цепко ухватив ребят за куртки, словно боялась, что они опять куда-нибудь исчезнут. — Ребят до лагеря довела и побежала вас искать.

— Нечего вам было нас искать... Не маленькие, сами бы пришли, — сказал Генка, чтобы успокоить взволнованную руководительницу кружка. — Мы отсюда дорогу знаем.

— Конечно, мы сами бы пришли, — заверил Костя Аллу Тимофеевну. — Картину бы дорисовали и пришли.

Только тут Алла Тимофеевна увидела рисунок Генки. Сначала она взглянула в тетрадь, затем оглядела панораму строительства гидроэлектростанции, потом опять посмотрела на рисунок, а напоследок удивленно уставилась на стриженую голову Генки и недоверчиво спросила:

— Это ты нарисовал?

— Конечно, он, — радостно улыбаясь, ответил ей Костя. — И самосвалы он нарисовал... Я считал, а он рисовал.

Алла Тимофеевна выпустила рукав Генки и осторожно положила ему руку на плечо.

— Хорошо, Гена, — тихо сказала она. — Вот здесь надо чуточку подправить.

Она взяла карандаш и сделала кое-где легкие штрихи. На рисунке сразу ожили самосвалы и черные фигурки людей на краю котлована, над зубчатой стеной заречного ельника повисли курчавые облака, и на решетчатой мачте появились верхолазы.

— На заднем плане, Гена, дай перспективу, — деловито сказала Алла Тимофеевна, показав пальцем на фиолетовую гряду далеких лесистых холмов.

Генка засопел, разыскивая подходящий карандаш. Но тут Алла Тимофеевна взглянула на часы и сказала потерянным голосом:

— На обед опоздали... Пойдем скорее. Я вас должна к обеду привести.

— Под личную ответственность, — осмелев, съехидничал Костя. — Пошли, Генка!

— Мне дорисовать надо, Алла Тимофеевна. — Первый раз оторвался Генка от рисунка. — Вы с Костей идите, а я потом приду. Я сейчас не могу уйти.

В словах его была такая убежденность, что Алла Тимофеевна не могла возразить. Она улыбнулась, отчаянно махнула рукой и вытащила из кармана сверток.

— Ох, и попадет мне за тебя, — сказала она и положила на камне сверток. — Вот бутерброды с колбасой. Оставайся, рисуй. Я завтра сюда весь кружок приведу.

Костя хмыкнул и завистливо посмотрел на сверток с бутербродами.

— Смотри, не заблудись, Гена, — сказала Алла Тимофеевна.

Генка помотал головой и снова взялся за карандаш.

Их было семнадцать

Полянка и правда была чудесная: ровная, зеленая, солнечная. Веселые березки обступили ее со всех сторон.

Семнадцать юных туристов с облегчением сбросили рюкзаки. Девочки схватили ведерки и побежали за водой к ручью.

Командир туристской группы Коля Чернов деловито осмотрелся. Неделю назад на соревнованиях по туризму его группа заняла первое место в пионерском лагере, быстрее всех поставив палатку и разведя костер. Сейчас они покажут новые рекорды!

Коля быстро произвел подсчет. Четыре палатки. На каждую нужны две палки-опоры, да четыре больших кола для оттяжек, да шесть маленьких, чтобы натянуть брезентовый пол...

И топоры застучали. Одна за другой, трепеща веточками, падали молоденькие березки.

Наутро группа продолжала путь. Семнадцать рюкзаков послушно легли на плечи. Семнадцать пар ног бодро зашагали по тропе. На поляне осталось семнадцать свежесрубленных пеньков.

Все, что тут рассказано, случилось на самом деле прошлым летом, неподалеку от города Коврова. Я живу в тех местах. Группы юных туристов из окрестных пионерских лагерей нередко заглядывают ко мне мимоходом, и я бываю рад помочь им добрым советом. Помог я и этим семнадцати. Сам объяснил, как пройти к поляне! А на другой день своими глазами увидел следы «березового побоища». Семнадцать пеньков. Я сосчитал.

С. ГОЛИЦЫН

ОТ РЕДАКЦИИ. Письмо писателя С. Голицына — тревожный сигнал. Только ли на этой поляне погибли березки под топором горе-туристов? Березки снова в опасности! Ведь время летних походов наступило. Ни одно деревцо не должно погибнуть от руки пионера. Пионер — друг и защитник природы. Не ломайте и не рубите деревца. Не позволяйте это делать другим ребятам!

Так выглядит аэродинамическая труба. В ней испытывают модели будущего самолета и отдельные его части, в ней можно проверить поведение машины при полете на разных скоростях.

При полете? Как же может машина лететь в трубе?

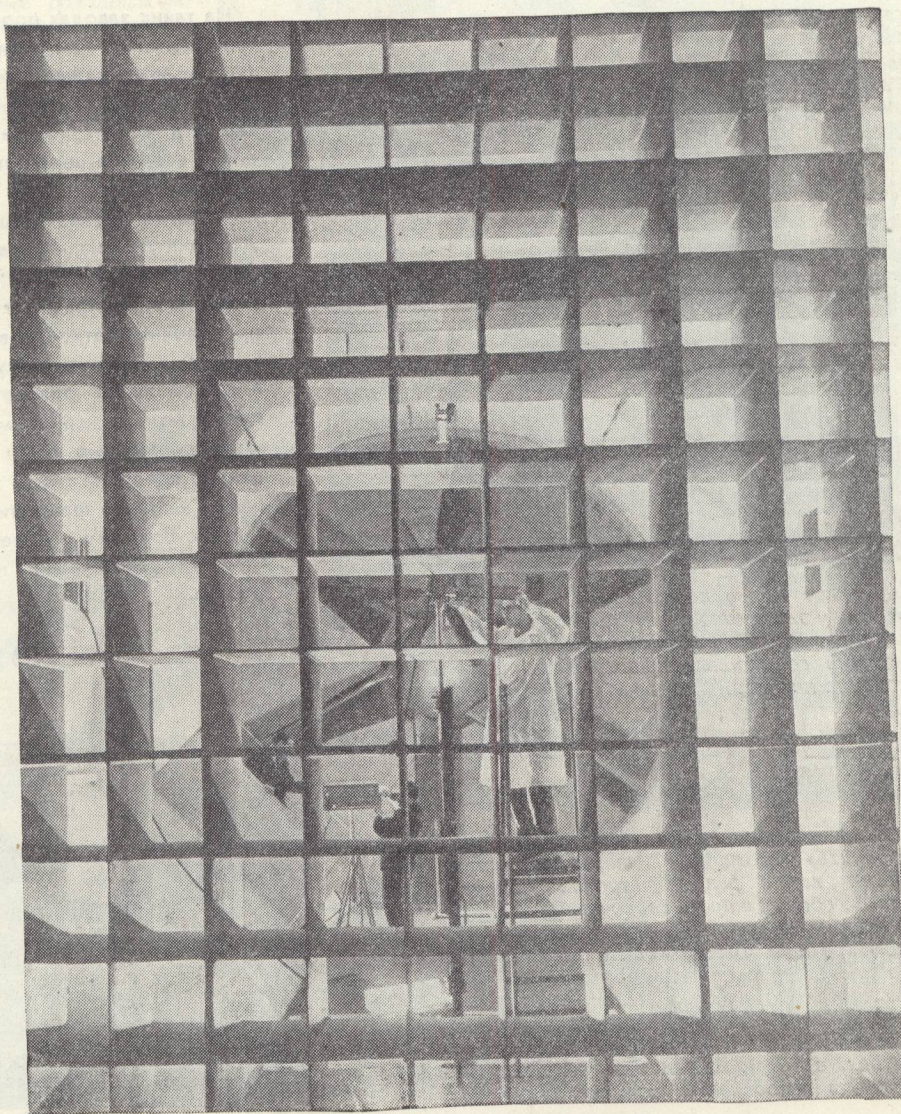
А вот так: стоя на одном месте. Модель машины или ее часть закреплена, а летит мимо нее воздух, искусственный ветер, рожденный в аэродинамической трубе. Взаимодействие ветра с неподвижным самолетом совершенно такое же, какое было бы у летящего самолета с неподвижным воздухом. В обоих случаях будут действовать те же законы физики.

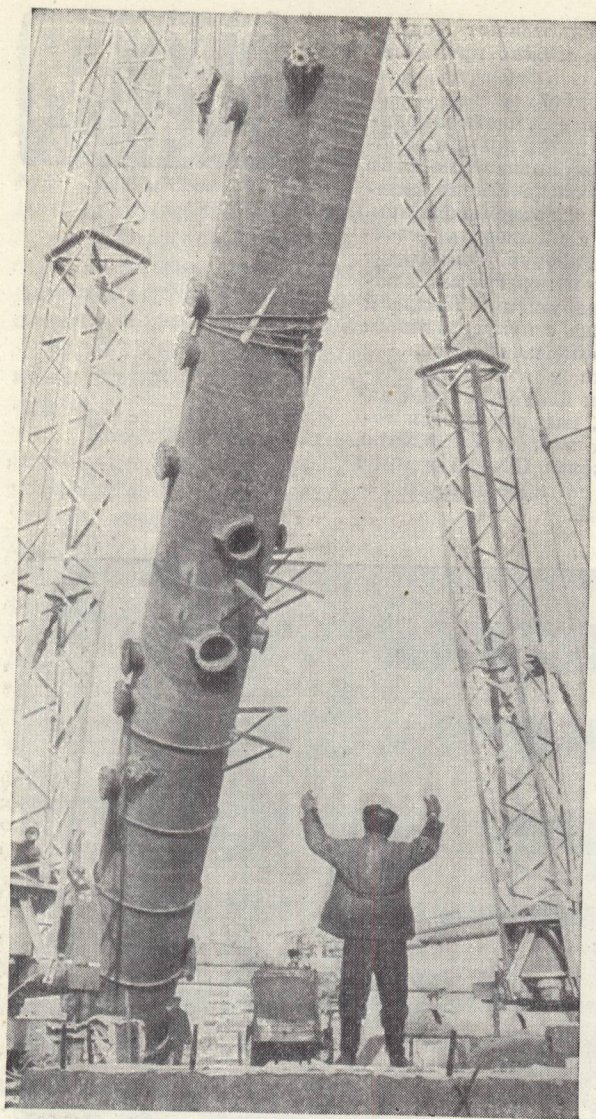
Ученые могут следить за всем, что происходит с крылом, по сообщениям датчиков и показаниям чувствительных приборов. Они будут знать о всех недостатках крыла, о возникающих в нем перегрузках, напряжениях, вибрациях. Они увидят всю картину разрушения крыла и «гибели самолета», если модель не выдержит поединка с искусственным ураганом. И выяснят, как летает самолет, который еще не построен.

Не только самолетостроители спрашивают совета у аэродинамической трубы. Конструкторам автомобилей тоже нужен искусственный ветер. Геофизики с помощью трубы пробуют изучать, как образуется гололед, железнодорожники — как возникают снежные заносы на полотне, биологи проверяют выносливость растений к суховеям. Первая в мире аэродинамическая труба была построена в России по идее нашего замечательного ученого Николая Егоровича Жуковского.

**ОРУЖИЕ
УЧЕНЫХ**

ФАБРИКА ВЕТРОВ

Раньше такую колонну для переработки нефти устанавливали несколько дней. Теперь на помощь монтажникам пришли мощные самоходные краны. Два часа — и колонна поднята.

Шар — самая емкая форма. Но как «сшивать» громадные шары-резервуары? Много лет в разных странах пытались приспособить к шарам сварочный автомат — ничего не получилось. Приходилось работать вручную. Выход нашел инженер Гази Сабиров, руководитель ферганских монтажников. Он изобрел манипулятор, который вы видите на снимке. Ролики этой машины вращают резервуар во всех направлениях, а сварщик с автоматом сидит наверху, в неподвижной кабине.

НА УДАРНОМ ФРОНТЕ

Фотоочерк Д. Ухтомского.

Что из нефти можно шить шубу и даже сделать корпус самолета, вы, наверно, слышали. Да только вот вопрос: с чего все эти чудеса начинаются?

Недавно к нам в редакцию зашел фотокорреспондент Дмитрий Диевич Ухтомский.

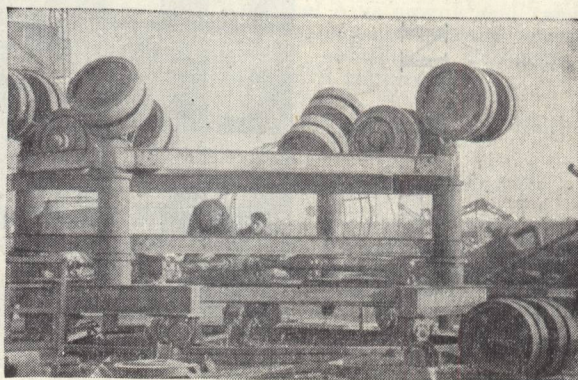
— Хотите посмотреть самый ударный фронт? — сказал он. — Вот — нефть и химия.

И показал панораму огромной стройки. Это был Ферганский нефтеперерабатывающий завод.

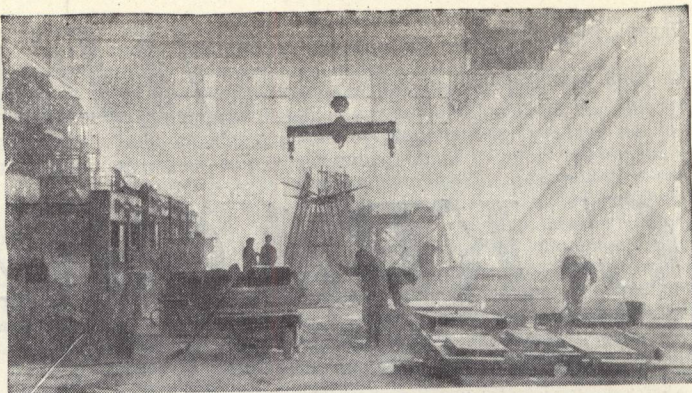
На таких заводах происходят первые превращения нефти. Ее там разными способами перерабатывают — разделяют на множество продуктов. Это и бензин, и смазочные масла, и парафин, и сырье для синтетических смол, пластмасс, удобрений — всего не перечесть. Очень сложное производство!

— Когда подъезжаешь к заводу, — рассказывал Дмитрий Диевич, — издали кажется, что перед тобой химическая лаборатория: пробирки, колбы на эстажерках-подставках, густо оплетенные какой-то провололочной сеткой. А вблизи сетка превращается в толстые изогнутые трубы, колбы и пробирки — в серебристые резервуары высотой с десяти-пятнадцатитажный дом, похожие на рвущиеся ввысь воздушные шары и дирижабли. Необыкновенное зрелище: будто ты на другую планету попал, в какой-то фантастический город!

Мы с большим интересом рассматривали фотографии и некоторые из них решили показать вам, ребята.

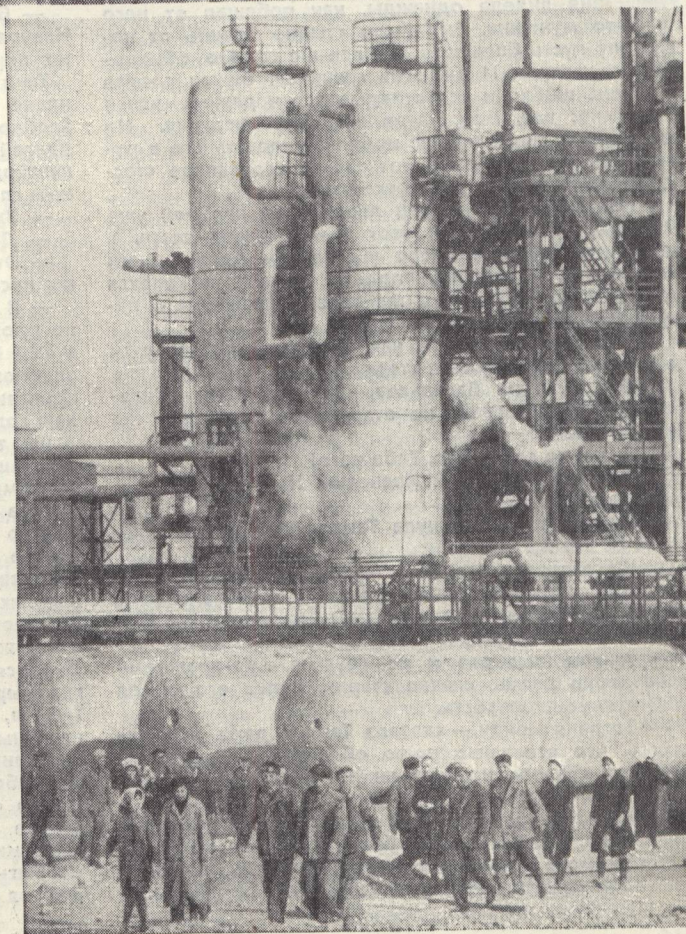
Вместе с заводом растут дома для рабочих. Перед вами цех домостроительного комбината, где делаются готовые блоки и стены. Комбинат изготавливает 16 тысяч квартир в год!

Почетный строитель Юлдашбай Ураимов уже на пенсии: ему 69 лет. Но он не расстается с заводом, который родился на его глазах с самого первого колышка. Ураимова знают все рабочие, все с уважением слушают советы опытного мастера.

Эта установка уже работает. Она выпускает смазочные масла.

У Флоры Султановой профессия самая главная на стройке: она электросварщица.

ДЕВОЧКА С КРАСКАМИ

(Продолжение)

6

Таня никогда прежде не бывала у Черепанова. Да и бывал ли кто-нибудь! Даже молочницу он встречал на крыльце. Долго отсчитывал ей медяки, сам вливал в кружку молоко и потом, пятась, скрывался за своей тяжелой, скрипучей дверью. А молочница, пугливо оглядываясь, спешно отходила от черепановского дома. Чуть ведь зазевайся старик, и в дверную щель прошмыгнет его петух Альфред. И тогда уж беги со всех ног. Ни у кого больше в городе не было такого петуха. Он кидался на людей, на собак, на коз с таким остервенением, что даже большие собаки предпочитали пускаться от него наутек. Таня видела однажды, как побежал от него какой-то мужчина. Ему было стыдно бежать от петуха, ну пусть большого, но все же самого обыкновенного петуха. И он, этот мужчина, бежал сперва не очень шибко и все оглядывался и даже смеялся смущенно: вот, мол, какая забавная история. Но когда петух, подсакивая, принялся клевать его в руки, подбираясь к лицу, тот забыл про всякое стеснение и начал удирать изо всех сил.

И вот Таня стоит перед дверью, за которой уже настороженно ждет ее этот самый дикий зверь в петушином образе, и вот уж совсем близки шаги Черепанова, и сейчас, прямо сейчас откроется дверь. Убежать бы: она же совсем позабыла о петухе. Нет, уже поздно.

— Кто там! — скрипло, как ступеньки, по которым только что шел, спросил старик.

— Это я, Таня Васильева, — сказала Таня. — Только, пожалуйста, сразу не открывайте: я вашего петуха боюсь.

— А я и не открываю. Тебе чего!

— Я к вам, Дмитрий Иванович. Навестить.

— Это зачем еще!

— Просто так, — шепнула Таня. — Мне очень захотелось... Вот я...

— Захотелось... А может, я делом занят, что тогда!

— Нет, я видела, вы просто так у окошка сидели. Я подумала, вам, наверное, грустно. Мне тоже грустно. Вот я и постучала.

— А мне как раз и не грустно, — по-прежнему не отворяя дверь, сказал старик. Голос его обрел обычную усмешливость.

— Тогда я пойду, — сказала Таня и даже обрадовалась, что все так хорошо обошлось. — Только вы уж теперь дверь не открывайте! Я пошла, до свидания, извините!

Таня радостно прыгнула со ступеньки крыльца, счастливая, что вот сейчас бросится бегом прочь от этого хмурого дома с озверевым петухом, со скрипящей лестницей и сердитым стариком-нелюдимом.

— Нет уж, постучалась, так заходи.

Таня обмерла: за спиной, тяжело стукнув засовом, стала медленно открываться дверь. Убежать без оглядки! Нельзя, стыдно! Таня обернулась и выставила вперед сжатые в кулаки руки: «Ну, петух, берегись!»

А дверь все продолжала медленно открываться. За ней открывалось перед Таней темное, страшное, как дыра в погреб, нутро неосвещенного дома. И сразу пахнуло из этой темной глубины на Таню затхлой петушиной вонью и еще чем-то душным, будто враждебным, как запах самого страха.

— Что ж ты, входи, — послышался из темной глубины голос Черепанова.

— Зажгите свет, — сказала Таня.

— Боишься! Ну, ладно, давай руку. — И Дмитрий Иванович Черепанов, протягивая Тане руку, неохотно переступил порог своего дома. — Идем.

Таня не трогалась с места. Да и не мудрено: на плече у старика сидел громадный петух, нагло и злобно выпятив на Таню желтый кошачий глаз. А другой глаз, обращенный к хозяину, у него был полузакрыт и был обыкновенным, пустяковым, куриным глазом — глупым и нестрашным.

— Входи же! — сердито возвысил голос старик.

— Да, а он как укусит...

— Это петух-то! — усмехнулся старик. — Разве птицы кусаются! И чему это вас в школе учат!

— В школе про таких петухов не учат! — заносчиво проговорила Таня. Ее обидела насмешка старика, а еще больше обидел собственный страх перед этой злобной курицей с кошачьим глазом и противным кровавым гребнем, прилепленным дурацки маленькую голову.

Все так же, с выставленными вперед кулаками, Таня решительно вступила на крыльцо черепановского дома. Старик пропустил ее вперед. Таня не позволила себе оглянуться на петуха, когда совсем близко проходила мимо него. Только чуть вздрогнула, не увидев, а почувствовав желтый взгляд его расплавленного злобой глаза. Дверь захлопнулась, и в сенях сразу стало совсем темно, как в их школьной фотолаборатории, куда Таню привел как-то Саша Чижов. Это было время, когда Саша еще не собирался быть военным и геологом, а помышлял, когда вырастет, стать кинооператором. «Понимаешь, Танюха, ведь это же замечательно — снимать кинокартины!»

Странные, чужие, враждебные запахи со всех сторон обступили Таню в этой крошечной тьме. И только один запах среди всего этого тлена и ржави, — а пахло тленом и ржавью и петушиными перьями, — только запах, пришедший издалека, должно быть, со второго этажа, дотронулся до Тани, как добрая рука друга. Это был запах масляных красок.

Запах, предвещающий радостную встречу с яркой, вспыхивающей россыпью цветных огоньков. Таня ободрилась и уже смело наступала ногой первую скрипучую ступень, ведущую вверх, в комнату, где горел у старика свет. И заспешила, зашагала, старательно нажимая на скрипкие ступеньки, веселясь ворчливо-разным их голосам: «Кто тут!», «Кто там!», «Что надо!»

Свет, пробивавшийся сквозь приоткрытую дверь, там, наверху, манил, как в сказке какой-нибудь мантии путника свет в глубине пещеры. И звал, радовал, и звал, милый и добрый запах красок, такой добрый сейчас запах, что, пожалуй, был он добрее даже запаха бабушкиных пирогов, когда она добывала их из печи. «А вот я вас сейчас на стол... А вот и Тане кусок...»

Первой подскочив к двери, Таня широко распахнула ее и, ослепнув на миг, замерла на пороге. Но не от яркого света зажмурились, будто ослепли Танины глаза. У старика, в большущей его комнате чуть ли не на весь второй этаж, всего и горела-то одна лампа. И не очень даже яркая. А вот Таня, замерев на пороге, зажмурилась и не сразу потом решила открыть глаза. Но вот решила. Она не ждала всего этого. Она не ждала, что в этом дряхлом, пропахшем петушиным зловонием доме увидится ей такое... Увидятся торжественные и милые, большеглазые лица людей, далекие солнечные лужайки, лесная опушка и дождь, вершины деревьев, свисшие свои прозрачные нити с лучами солнца. Девочка не ждала, что милый и добрый запах красок приведет ее в этот мир — их мир, столь громадный, разнообразный, удивительный.

— Музей! — выдохнула она изумленно и робко вступила в комнату и, как в музее, боясь звука своих шагов, пошла на цыпочках вдоль стен. И тотчас остановилась. Стена, на которую были обращены сейчас ее глаза, будто раздалась перед ней, широко и сразу, и вывела на улицу, в давно знакомые ей места, вон туда, на центральную площадь ее родного города. Ведь эта церковь — ведь это она стоит у моста за базарной площадью. Там еще овощной склад и делают еще валенки. «Пимокатный цех». Странно, сейчас никакого здесь склада и никакого цеха не оказалось. Церковь словно помолодела и вокруг нее деревья — они так к стати здесь! Старые-престарые, а церковь будто помолодела. Но все равно Таня узнала ее. Она узнала и эти вот из тяжелых кирпичей сложенные приземистые торговые ряды их рынка. Да и как не узнать эти тяжелые своды с пазухами, как бока самовара, колоннами! Странно, но и торговые ряды сейчас тоже будто на много-много лет помолодели. Нет выбоин в стенах. И стены белые какой-то ненынешней белизной. И на стенах какие-то ненынешние надписи, вывески из старинных букв и даже с твердыми знаками. Но все равно это их торговые ряды, их Ключевской торговой площади, и даже вон там, за крайней лавкой, виднеется серебряный проулочек реки. Чуть шагнешь за угол — и река откроется вся от моста и до монастыря вдали, у самого леса. Да вот он, вот он, этот монастырь, — его нельзя не узнать. Таня столько раз бегала по его широким стенам с бойницами, точно это крепость, а не монастырь. Правда, почему-то сейчас гуще лес вокруг него, ярче посверкивают кресты и в пустой звоннице монастырской церкви откуда-то взялся громадный колокол. Но все равно, это их, их, Ключевский монастырь, который вот уже много лет реставрируют три стареньких медленных деда, потому что этот монастырь — «памятник архитектуры XVII столетия».

Таня обернулась, ища глазами Черепанова, и чуть

не столкнулась с ним. Он стоял у нее за спиной со своим проклятым петухом на плече и чему-то усмехался, припрятывая свою усмешку, поднесенной ко рту рукой. Ох, как она не любила этот его смешок из-под руки! Все-то ему смешно, всех-то он умнее! Таня хотела спросить у Черепанова, что это за чудо-стена, вдруг выведшая ее в родной город, объявившая у него в доме. Но теперь раздумала спрашивать. Да и само чудо растаяло перед ее глазами. И все сразу стало понятным: просто старик повесил на одну из стен своей комнаты несколько картин, изображавших старинные здания родного города. И все же это было совсем не просто. И глаза так и тянулись назад, в этот белостенный, озаренный солнцем ее город, но только, кажется, очень давнишней поры, тех древних времен, когда в монастыре жили монашески, а не было, как сейчас, кинотеатра, когда на базаре торговали купцы, а не колхозники, а вывески писались с твердым знаком.

— Откуда это у вас, Дмитрий Иванович! — шепотом спросила Таня и уважительно повела рукой вдоль стены.

— Собрал, — сказал старик. — Полвека собирал. Это, Танюша, вот это все, и был Ключевский Кремль. Городок-то нашему шестой век пошел. Торговал с Каспием и с Белым морем, с Сибирью да с Китаем. Через нас только и дорога была из Москвы в Сибирь. Славен город был, Танюша, благолепен. Но прошли годы, проторились новые дороги, покорооче, поудобней, и начал скудеть наш город, отставать, лет, еще сотня-другая лет, и стал наш город сонным да заштатным. Таким вот и я его застал. Соборы белеют, монастыри возвышаются, ряды купеческие, хоть ярмарку открывай, а городишко спит. И вот захотел, захотелось мне уберечь для памяти город наш, каким он был в лучшую свою пору. И стал собирать, Танюша. Там картинку у какой-нибудь древней старушонки откопая, там рисуночек на каком-нибудь чердаке между книжной трухи отыщется. Одно к одному, и сплелся вот этот вот Кремль. Художники будто и не знамениты, а добросовестны, под стать времени, и все ж таки не фотографии, своя старинка в их работах есть. Вот берегу.

Старик отошел от Тани и, быстро обернувшись, глянул зорко и выбирая, как повести глазами, на свой Кремль. И будто зажил в нем, в этом древнем собрании придвинувшихся к нему стен, как какой-нибудь прохожий тех давних времен, когда вывески писались с твердым знаком. Петух на плече — громадный, нелепый, словно тоже давнишний, из тех времен, — и сутулый старик. Кто же он! Может быть, городской чудак! Какой-нибудь самодурствующий купец, зачудивший к старости! Или изверившийся в людях, давно оставивший место чиновник, решивший доказать всем и вся, что можно прожить жизнь, дружа лишь с одним живым существом — вот с этим вот с петухом-убийцей!

Стена с белыми торжественными зданиями, которая только что раздалась перед Таней, теперь сомкнула свои просветы, и скудным и страшным показалась девочке этот тяжелостенный мир крепостной укладки соборов и торговых рядов. Мир с затхлым запахом тлена и ржави и с городским чудачком, бредущим куда-то по пыльной дороге.

— Мне страшно, — вслух призналась Таня. — Мож-но, я пойду!

— Не уходи, — попросил старик. — Посмотри вот сюда.

Он отошел в сторону и, сдернув с плеча петуха, швырнул его в открытую дверь. Петух привычно, беззаботно слетел, скатился вниз по лестнице.

— Посмотри вот сюда, Танюша, — ласково повторил старик.

Таня явственно услышала ласковые интонации в его голосе. Эта просительность, эта ласковость в голосе старика удивили ее и как бы вернули в действительность. И страх отпустил ее. Да и петуха уже больше не было, и старик уже больше не казался каким-то странным пришельцем из прошлых веков. Он подвел ее к противоположной стене своей комнаты, кажется, и вправду занимавшей весь второй этаж его дома, — такая большая она была. И всюду картины, открытые и завешенные простынями, всюду мольберты, и кисти, и палитры, и тюбики с красками — множество этих самых человечков, без которых не сделать картины, хотя и с ними тоже ее не так-то просто сделать. «Нет, не сделать, а написать. Картины не делаются, а пишутся. Маслом. Аquarello. Нет, я никогда не смогу так...»

Таня смотрела туда, куда указал ей Черепанов. Она смотрела на большую картину без рамы, просто на подрамнике, прямо, почти без наклона, висевшую на стене. И снова, как окно в мир, снова будто раздалась стена и Таня выглянула на улицу, нет, в сад за черепановским домом, хотя она и знала, что у него за домом не было такого сада, не было этого куста сирени, загородившего небо, весь мир своей живой бело-желто-розовой синевой. И какая-то девушка с печальным, нет, удивленным, нет, задумавшимся, или нет, готовым улыбнуться лицом, стояла в глубине этого сиреневого цветения. Таких девушек не было у них в городе. Это была незнакомка. Встретить бы ее, спросить бы о чем-нибудь, услышать бы ее голос. Какой он! Тихий! Певучий!

— Где ее можно найти! — спросила Таня, поглядев на Черепанова. — У нее, наверное, тихий голос, но явственный и звонкий. Тихий и звонкий...

— Разве так бывает, чтобы тихий и звонкий! — серьезно поглядел на девочку старик.

— Бывает, — наклонила голову Таня. — Вот бы побывать в этом саду. Я знаю, там всегда прохладно даже в жаркий день. А в небе большое солнце, но на него не больно смотреть. Правда!

— Может быть, и так, — кивнул старик. — Ты что же, полагаешь, картина удалась!

— Я полагаю, — очень убежденно сказала Таня. Она догадалась, что хотя старик и спрашивал ее об этой картине как бы похода, ему будет приятно, если она скажет, что картина удалась. И она сейчас ни в чем не покривила душой. Ей вовсе не нужно было придумывать для себя все хорошее в этой картине. Все хорошее в ней само говорило о себе. Само звало в этот сад, тихо так и ласково, будто окликая тихо-звонким голосом этой незнакомой девушки из этого незнакомой сада.

Таня не ошиблась: старик обрадовался ее словам. Оживившимся голосом и чуть-чуть даже похваливаясь, он быстро заговорил, осторожно, как кистью, дотрагиваясь корявыми стариковскими пальцами до ее плеча:

— Годы писал, доложу я тебе, Татьяна, годы. Это копия со знаменитой «Сирени» Врубеля. Был такой на Руси художник. Громадный, знаешь ли, Татьяна, художник. Его копировать и мука и счастье. Труден не только в письме, но и в замысле. Его как угод-но объясняй, а чего-то не объяснится. Чего-то он запрячет от тебя, как бы говоря: «Горячо, горячо!» Знаешь, как в детской игре — и близкого угадка, да все нет ее. Впрочем, я не во всем следовал Врубелю даже и сознательно. Эта вот девушка в сирени — это ведь моя дочь.

— Ваша дочь! — изумилась Таня. — Но она же совсем не такая... Она же... Я помню...

— Что ты помнишь! — вдруг напрягся старик. — Что ты можешь помнить, молокосос! Лена была такой. Ну не вчера, не год назад, а тогда, когда... Он умолок и как-то сразу по-стариковски сник и отошел от Тани в далекий и темный угол своей комнаты, присел там на какую-то скамеечку и утис.

Таня словно осталась одна в комнате — ходи, оглядывайся, трогай все, что захочешь, руками. И она пошла, оглядываясь, сперва думая еще о внезапной перемене с Черепановым, о внезапной его печали, а потом уже не думая об этом, позабыв обо всем, уйдя лишь в зрение — так вокруг было все удивительно, ново ей, интересно. Она переходила от картины к картине, которыми тесно были увешаны стены комнаты. Подробно рассмотреть ей эти картины не удавалось — в комнате было слишком темно для этого. Но так было даже интереснее. Не каждая картина в отдельности, а сразу по нескольку вместе рождали что-то общее, какую-то свою собственную картину. А потом и все вокруг, и стена с Ключевским Кремлем, и стена с врубелевской «Сиренью», под которой стояла, оказывается, дочь Дмитрия Ивановича, но не такая, какой знала ее Таня, не старенькая и сутулая, а молодая, прекрасная и радостная, и все другие картины на стенах, и мольберты с накинутыми на них простынями, как мушкетеры в плащах, и полки с книгами, с толстыми, старинными книгами, которые даже страшно взять в руки: такие они мудрые, — все это вместе сложило для Тани теперь уже общую картину и картина эта глубоко поразила девочку.

— Я буду художницей! — проговорила она, как покаялась. — Я обязательно буду художницей.

Она подбежала к неподвижно сидящему в своем темном углу старику, схватила его за руку, наклонилась к нему, стараясь заглянуть в его глаза.

— Я вспомнила, я вспомнила! — выкрикнула она. — Когда я еще была совсем маленькой, я видела вашу дочку, и она была такой, вот прямо такой, как у вас на картине.

Таня ждала, наклоняясь, ответа старика. Он молчал. Она подергала его за рукав, он глянул на нее из-под сведенных бровей, чуть улыбнулся ей, но так ничего и не сказал. Таня распрямилась.

— Я вспомнила... — огорченно шепнула она. — Вы мне не верите!

— Верю. — Старик поднялся и твердым шагом пошел на середину комнаты, туда, где было больше всего света. И Таню прихватил с собой, взяв ее за руку.

— Ну, так зачем же ты пришла! — пылливо взглянув в ее лицо, спросил он. — Какие такие у тебя горести!

И тут Таня разом все вспомнила, уже о своем вспомнила, и странное чувство и радости, и горькой обиды, и тревоги, такой большой, какой не знала прежде, — это странное тяжелое чувство, пережитое ею в тот миг, когда узнала она, что приезжает отец, снова вернулось к ней.

— Приезжает мой папа, а мама почему-то вовсе не рада, — быстро и горестно проговорила она. — Дмитрий Иванович, ну почему, почему сорются родные люди! — Она запрокинула голову и внимательно посмотрела в тусклые, но зоркие и оттого очень еще живые стариковские глаза. Посмотрела долгим взглядом.

— Не знаю, Таня, — сказал Черепанов и вдруг поспешно отвернулся от девочки. — Обойдется, может быть... Так, значит, приезжает! Когда!

«Когда!» — Таня вдруг с ужасом обнаружила, что не знает, когда приезжает отец. Мать не сказала, а

она забыла спросить. Может быть, он уже приехал! Может быть, он уже дома!

Таня сорвалась с места и бросилась к дверям, забыв даже попрощаться с Черепановым, забыв даже оглянуться на девушку в сирени — обо всем на свете забыв. «Может быть, отец уже дома!» Она выбежала на лестницу, скрипные ступени промелькнули под ее ногами, не успев ничего проворчать ей вслед вразумительного. Так, сказали лишь какое-то: ш-ш-ш!.. — и смолкли.

Только в сених, в этом душном петушином царстве, Таня вспомнила о петухе, о страшном желтоглазом петухе. Вспомнила и не испугалась. Он не посмеет сейчас ее тронуть, этот скверный зверь! Ее никому нельзя сейчас трогать и никому нельзя задерживать: она бежит встречать своего отца! И верно, петух только вскинулся, когда Таня пробежала мимо него, и не тронул ее. Не посмел!

На счастье, дверь была не замкнута, Таня толчком распахнула ее и выбежала на улицу. Звезды первыми встретили ее, огромный мир раскинулся перед ней.

7

Дома Сашиных сестер уже не было. В углу дивана, где раньше сидели они рядышком, теперь, уронив голову на руки, сидела мама. Засыпав Танины быстрые шаги, она подняла голову. Таня удивилась даже: так незнакомо строго глянула на нее мать. И голос у нее тоже зазвучал незнакомо строго:

— Где ты была! Разве не знаешь, что пора ужина!

— Мама! — Быстро шагнув с порога, Таня остановилась посреди комнаты. — Мама, а когда же он приезжает!

— Я спрашиваю тебя: где ты была!

— У Дмитрия Ивановича. Мама, а вдруг он уже приехал или вот-вот подъедет! Скажи, разве папа не написал тебе, когда его надо встречать!

Мать поднялась с дивана, подошла к дочери и протянула ей телеграмму.

— Подумать только, она дружит с этим Черепановым, — сказала мать и поморщилась, как от боли, наблюдая за торопливыми движениями дочери, которая расправляла телеграмму, а потом стала читать ее и читала долго, хотя и всех слов-то в телеграмме было только три: «Выехал Ключевой Николай».

И так и сям повертев перед собой телеграмму, Таня наконец подняла глаза на мать.

— Когда же! Он вот уже выехал, а когда приедет! Что это тут за цифры за такие! Когда мы пойдем его встречать!

Мать ничего не ответила, снова отошла к дивану и уселась в самый угол, отвернув голову к окну.

— Мама, — настаивала Таня. — Мамочка, когда же мы пойдем его встречать!

— Да пойми ты, он нас обидел. — Голос матери звучал глухо, будто издали. — Он оскорбил нас. Тяжко, несправедливо. Пойми...

Но Таня ничего не могла понять. Она вслушивалась в слова матери и ничего не могла понять. Смысл того, что говорила ей мать, не касался ее сознания. Она слышала лишь звук ее голоса — глухой, горестный, и этот голос пугал ее и мешал вдумываться в слова.

— Я сама виновата, я берегла тебя, я ничего тебе не хотела рассказывать, и вот теперь... Видимо, нельзя так. Надо говорить обо всем до конца, пусть даже ты и ребенок. Что-то поймешь сразу, что-то поймешь потом, но необходима ясность, нужна ясность.

— Может быть, он уже приехал или вот-вот при-

едет! — очень тихо проговорила Таня и близко, так что заломило глаза, поднесла телеграмму к лицу.

Мать вскопчила и пошла по комнате своей широкой, уверенной походкой, которая так всегда нравилась Тане. «Какая у меня смелая мама! Какая решительная! Ну как же, ведь она судья!»

Но комната была невелика, и матери трудно было широко шагнуть от стены к стене, и она вскоре остановилась, прижавшись спиной к оконному косяку.

— Пойми же, — снова заговорила она. — У взрослых бывают сложности, трудности, которые почти невозможно объяснить. Ты поверь мне, что твой отец был несправедлив к нам, даже жесток.

Она вдруг вскинула к лицу руки и больно сжала лицо ладонями. Таня даже вскрикнула, так больно, наверное, сжала мама свое лицо.

— Нет, нет, я не тебе говорю, не так! — Мать отдернула руки от лица, следы от пальцев белыми полосами легли на ее щеки. И не исчезали. Это почему-то больше всего поразило Таню. Она подбежала к матери, судорожно прижала к ней и быстро-быстро стала растирать ей щеки своими ладонями.

— Понимаешь, он возмнил о себе бог знает что! Он решил, что он замечательный архитектор, зодчий! И мы, мы с тобой, доченька, и наш городок, и даже тайга вокруг — все это якобы стало на пути его таланта! Понимаешь?

— Да, да, — кивнула Таня, стирая с маминой щеки последнее белое пятнышко. — А вдруг он уже приехал или вот-вот приедет!..

Мать порывисто отстранила от себя дочь и снова напрягшимся голосом, будто чужим, будто издали, сказала:

— Он приедет сегодня поздно вечером... Ты так и не поняла меня, дочь!..

— Сегодня!! Скоро!! Совсем скоро!! Мы пойдем его встречать!

— Нет, ты так и не поняла меня...

— Почему же, мама, я поняла, — сказала Таня. — Вы поссорились, я поняла. Но ведь теперь отец приезжает. Значит, все теперь будет хорошо, правда! Ведь правда!

Мать промолчала.

Таня отошла от нее и закружилась по комнате, смятенно и нетерпеливо, готовая бегом, опрометью броситься за дверь и не смея сделать этого. Но ноги как бы сами подталкивали ее к порогу. И вот, в который раз уже оказавшись у порога, она не выдержала и робким шепотом спросила:

— А можно я сама!.. Можно мне его встретить!..

— Можно, — трудно наклонив голову мать.

И словно ветром вынесло Таню на улицу, и снова звезды первыми встретили ее, звезды и посеребренная луной дорога.

8

Путь на станцию был действительно дальний. Прямой, но дальний. Надо было пересечь весь город, сперва по центральной улице, а потом мимо маленьких домиков окраины, мимо огородов, мимо пихтэриковского оврага, а потом мимо монастыря, а потом просто полем, а потом... Таня никогда еще одна не ходила этой дорогой. Да еще так поздно вечером. А вот теперь мама ее отпустила. «Значит, я выросла, стала как взрослая!» — подумала Таня. Но эта мысль не принесла ей ожидаемого удовольствия и даже ничуть не успокоила. Идти было далеко и страшно-вато.

А после поля потянутся длинные бараки, где живут рабочие с кирпичного завода. Каждый год все

новые люди. Бедовые, шумливые. «У них там какая-то «постоянная текучесть», — сказал как-то про них дядя Гриша. Вот и он — этот когда-то большой ее друг, а теперь почему-то разонравившийся ей человек — тоже встал перед ее глазами. И вспомнились совсем уже давние, последние минуты в день отъезда отца. Это было на станции. Дядя Гриша отвел тогда в сторонку отца, но не от Тани — она все время держала отца за руку, — и сказал ему: «Напрасно уезжаешь». Таня тоже кивнула: «Напрасно!» Отец только улыбнулся им, и ничего не сказал, и посмотрел своими синими глазами вдаль, туда, где исчезали, убегая в лес, синие полосы рельсов. И вот он уехал, и поссорился с мамой, и обидел маму, и оказывается, ее, Таню, тоже. И все так теперь непросто, так нехорошо, что и не сказать как... «А ведь он приезжает! Он приезжает!»

Таня прибавила шаг, она бы даже побежала, но путь пошел круто в гору и надо было беречь силы.

Дорога-то дальняя. Таня снова мысленно проследила весь путь, который надо было пройти, и снова стало ей не по себе. Не только дороги ей было страшно. Она думала о станции, и ей тоже стало страшно. Там всегда столько людей, и пахнет как-то скверно, как в больнице, и тяжеленные двери с пружинами, чуть заезаваясь, больно толкают тебя в спину.

И все же не это было самым страшным, самым смутным, тревожным из того, что ждало ее впереди. Да, самым страшным, смутным, тревожным было для Тани сейчас то главное, ради чего шла она, все шла вперед по вечерней до-

роге. Не понимая этого, конечно, не отдавая себе в этом отчета, Таня страшилась сейчас своей встречи с отцом. Она бежала к нему навстречу, она готова была и десять таких дорог пройти к нему навстречу, и она боялась этой минуты, не зная сама того, боялась этой минуты, когда увидит отца, а он ее. «Почему не пришла мама!» — спросит он. Она не сможет ему ничего ответить. А может быть, он не спросит. Тогда еще хуже. «Мы поедем сейчас домой!» — спросит она отца. Что, ну что он ей ответит! А если не спрашивать его ни о чем, то будет еще хуже.

Вдруг Таня остановилась, словно ноги к земле приросли. Совсем прямо перед ней, совсем рядом, протяни только руку, светилась очень знакомое ей окно. «Смотри ты, не спи!» — уважительно подумала Таня. Это было Сашино окно. В этом невысоком, но просторном доме жил со своими зеленоглазыми сестрами Танин самый большой друг, Саша Чижев. И вот в его окне свет, и, протяни только руку, можно постучать в стекло. Таня взяла да так и сделала: протянула руку и постучала в стекло. Громко, не-терпеливо: она ведь так торопилась, ей было так некогда. Створки окна тотчас распахнулись, и Таня увидела Сашу. Он был в белой рубашке, ворот широко распахнут, волосы взъерошены, будто Саша не читал там, у себя в комнате, а с кем-нибудь сражался. Но ведь можно сражаться и читая. Если очень

интересная книга и там про войну или про приключения.

— Что читаешь! — спросила Таня.

— А как ты думаешь?

— Наверное, что-нибудь про войну. Ты такой взъерошенный.

— Какое там про войну! — загадочно улыбнулся Саша и жадно повел глаза от окна к столу, на котором лежала раскрытая книга. — Ты что это ночью бродишь! — вдруг удивился он, снова по пояс высываясь в окно. — Тебе же спать пора ложиться!

— Не кричи на меня, я не маленькая. Вылезай в окошко, и пойдём. — Таня сама себе не поверила, так это у нее по-командирски вышло. И еще больше изумилась, хотя и не показала виду, когда Саша послушно полез в окно.

Чей-то протяжно строгий голос, не то тети Лизы, не то тети Оли, окликнул Сашу:

— С кем ты там разговариваешь! Прикрой окно, сквозняк!

Саша уже был на улице.

— Есть прикрыть окно! — сказал он и очень старательно, как и подобает послушному младшему брату, притворил оконные створки. — Ну, что там у тебя?

— Приезжает отец, — сказал Таня. — Я иду его встречать. Мать не идет, а меня отпустила. Они поссорились, а он приезжает, вот прямо сейчас приезжает. Понимаешь?

— Так... — протянул Саша. — Ох, уж эти мне родители! Хуже ребят, правда!

— Правда, — кивнула Таня.

— У них там всякие проблемы, а ты вот беги одна ночью через весь город и думай за них, что да как. Правда, верно говорю?

— Верно, — кивнула Таня.

— Ладно, не вешай носа. Пошли. Я ведь понимаю, вдвоем веселей. — Саша взял Таню за руку и первый шагнул в темную глубину дороги. — Только побыстрее давай, а то сестрицы еще схватят. Это, знаешь ли, тоже проблема — целых две таких сестрицы.

— Саша, ты про что читал! — тихо спросила Таня. Ей хотелось сказать: «Саша, какой ты хороший. Ты друг, настоящий друг, спасибо тебе!» Но она ничего этого не сказала да и не могла бы это сказать: все эти слова вырвались бы у нее вместе со слезами. Даже громко что-нибудь сказать она бы сейчас не решилась. И громкий голос мог бы сейчас подвести ее и выплеснуть из ее глаз уже застывшие их слезы.

— Эта книжка про наш Урал! — ответил Саша. — Знаешь, я и не думал, что про всякие там старинные находки и про ископаемые так интересно читать! Знаешь, просто невозможно оторваться! Вот бы и мне что-нибудь найти — древнее-древнее! Или нет, найти где-нибудь у нас тут рядом золото, а еще лучше алмазы. Да, алмазы лучше всего. Уголь уже нашли, калийные соли уже нашли, и даже золото, и даже платину нашли. А алмазов у нас еще никто не нашел. Не может быть, чтобы на Урале их не было. Я их найду, Танюха, веришь!

— Верю, — по-прежнему тихо ответила Таня. Только это коротенькое и тихое слово удалось ей сказать, не расплескав слезы. Но как-нибудь потом, когда позади останется этот вечер и она успокоится, она скажет Саше много-много хороших слов про то, как она ему верит, и про то, что он, конечно, найдет на Урале алмазы и все на свете найдет, чего бы ни пожелал.

Издали, из очень далекого далека, донесся протяжный, прерывистый, такой всегда тревожный в ночи

паровозный гудок. Может быть, это тот самый поезд, в котором едет отец! Таня невольно рванулась вперед, но Саша снова взял ее за руку и удержал ее.

— Нет, это не московский, — сказал он. — Но алмазы — это еще не скоро. Пока я решил заняться другим. Не хотел тебе говорить, ну да ладно, скажу. Сказать, или ты и не слушаешь меня совсем!

— Слушаю, Саша.

— Я помню твоего отца — он мировой мужик. Ты в этом не разбираешься, а я помню, как он в волейбол играл. Лучший нападающий города был. Конечно, в молодости. В общем, мы решили с ребятами открыть при нашей школе краеведческий музей. — Саша приостановился и глянул испытующе на Таню. — Да ты никак плачешь! Ты что это! Пожалуйста, можешь и ты вместе с нами работать. Только это пока секрет от всех. Условились! Ну, развеселись ты, тебе говорят! Чудачка, приезжает отец, тебе предлагают такую интересную работу, а ты слезы льешь. Все-таки женщины, что там ни говори...

Снова далеко-далеко, протяжно и тревожно прозвучал паровозный гудок.

— А знаешь, может быть, это и московский, — прислушавшись, сказал Саша. — Побежали!

— Побежали! — громко отозвалась Таня. Теперь ей было не страшно говорить громко, все равно она уже плакала. И она могла бы теперь даже сказать все, что только что собиралась Саше сказать. Но они с ним теперь бежали, а когда бежишь, много не скажешь.

9

Да, это был московский поезд. Ребята узнали об этом, когда пробегали мимо бараков кирпичного завода. Саша спросил на бегу у парней, стоявших в дверях:

— Московский!!

— Он самый.

— Так ведь рано еще!

— По летнему расписанию шпарит.

Саша остановился и удержал за руку Таню. Бежать было бесполезно, поезд уже вырвался на прямую к станции, и как бы быстро они ни бежали, поезд подомчит к станции куда быстрее. Таня тоже поняла это и горестно прижала к лицу руки, чтобы не видеть этот мчащийся поезд.

— Что, ребятки, опоздали! — подошел к ним один из парней.

— Ага! — буркнул Саша.

— А дело важное! Встречаете кого?

— Папу! Три года все не ехал! — отнимая руки от лица, сказала Таня. — Три целых года...

— Да, огорчение, — протянул парень. — Ладно, поможем. Ждите меня тут.

Он повернулся и побежал назад к барaku.

Таня вопросительно поглядела на Сашу.

— Что будем делать!

— Ждать, — уверенно сказал Саша.

— А чего? — спросила Таня. — Может, побежим все-таки!

— Нет, бежать бесполезно.

Вдруг где-то возле барака, взрывая тишину, застархтел и брызнул искрами из глушителя мотоцикл. Вспыхнувшая фара на миг осветила барак с темными окнами, за которыми уже все спали, и высоченных парней в дверях, чему-то смеявшихся между собой,

и краешек черного пихтарникового оврага за баракком. А потом луч фары вдруг тихо улегся перед Таниными ногами; мотоцикл, тархтя, затормозил совсем рядом с ней.

— Садитесь! — приказал парень. — Живее!

Секунда — и Саша уже сидел за спиной мотоциклиста и протягивал Тане руку, чтобы и она могла побыстрее сесть.

— Скорей, скорей! — Саша был просто счастлив. Он уже подался вперед, готовый рвануться навстречу ветру вместе с машиной. А Таня страшно испугалась, она никогда не ездила на мотоцикле, но часто видела, как ездят другие, и всегда боялась за них. Страшно! Машина тархтит, скорость сумасшедшая, а всего два колеса... Но сейчас раздумывать было нельзя, спорить было нельзя. Это все делалось для нее. И этот мотор ревел для нее, и этот фонарь светил для нее. Таня шагнула вперед, зажмурившись, как с обрыва в речку.

Сильные руки парня подхватили ее. Она не успела еще и дух перевести, как задохнулась от ветра, ударившего ей в лицо.

— Поехали! — крикнул Саша.

Его губы оказались у самого ее уха, он крепко обнял ее, а она крепко обняла парня-мотоциклиста. И теперь они были все трое как один человек. Но только каждый делал свое дело: парень вел машину и помалкивал, Саша радовался и кричал: «Вот здорово! Вот это скорость!» Ну, а Таня! А Таня боялась. Правда, не всю дорогу. Понемногу она освоилась и даже открыла глаза. Все несло вокруг. Черная земля по сторонам машины превратилась в черный несущийся поток. Огни впереди у станции то вспыхивали, то исчезали, то принимались кружиться. Сиденье под Таней рвалось вперед. Только спина парня и была сейчас Таниным спасением. Широкая, крепкая, добрая такая спина.

Машина вынеслась на асфальт, и Тане показалось, что они теперь плывут. Потом мотоцикл резко накренился, и Тане снова стало страшно. Но машина тут же выпрямилась, вздрогнула всем телом, как конь какой-нибудь, и вдруг стало тихо, и черный поток вокруг остановился и стал землей, полем, деревьями, что росли неподалеку от станции, и самой станцией — шумным многолюдным домом с тяжеленными дверями. А за станцией, там где тянулись рельсы, тяжело отдуваясь после долгого пути, тормозил паровоз московского поезда.

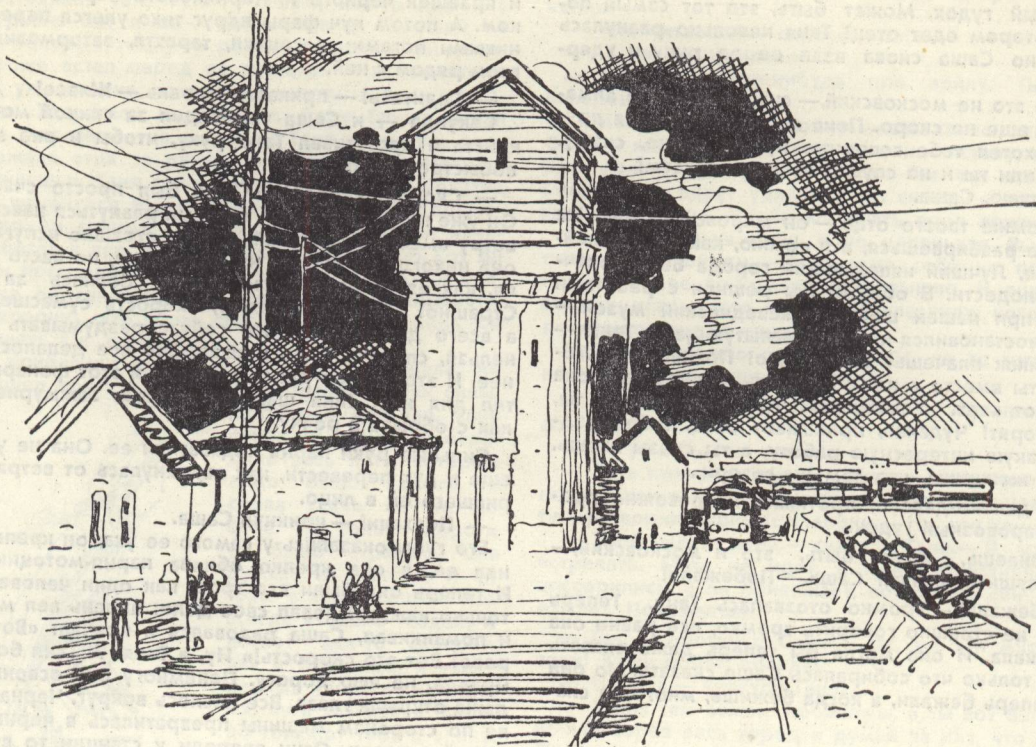
— Мы его обогнали! Обогнали! — ликующе крикнул Саша, соскакивая на землю.

— Ну, теперь живо бегите к вашему папочке, — сказал парень и снял Таню с мотоцикла. — Устоишь!

Парень поставил Таню на землю и ненадолго придержал ее плечи в своих руках, зная, что она не сразу твердо встанет на ноги. Верно, странно как, ноги отказывались Тане служить. И перед глазами все кружилось, кружилось. Отчего это! От радости: ведь приезжает отец, — или, может быть, от страха: ведь приезжает отец, которого она не видела три года и с которым она не знает, как говорить! Но вот ноги стали держать Таню чуть покрепче да и Саша уже потянул ее за руку, и надо было бежать, опять бежать. Таня глянула на парня-мотоциклиста, улыбнулась ему и сказала:

— Вы хороший, спасибо вам. И, пожалуйста, не утеките очень быстро из нашего города. У вас тут постоянная текучесть, но вы не утеките. Обещайте!

Саша сильно потащил ее за руку, и Таня побежала следом за ним, так и не услышав ответных слов парня-мотоциклиста.

10

Тяжелая дверь, распахнутая Сашей, погналась было за Таней, но она прыгнула вперед, и дверь несолоно хлебавши лягнула пружинной. Еще одна тяжелая дверь, еще один прыжок, и Таня очутилась на тихом, вовсе нелюдном ночном перроне, к которому, шипя и пыхтя, подползал московский поезд.

«Сейчас, сейчас!».

— Ладно, не робей! — глянул на нее Саша. Но Тане почему-то показалось, что он и сам вдруг притих и напрягся.

Паровоз, обдав жаром, прошел мимо Тани, машинист улыбнулся ей из своего окошка, будто угадал что-то про нее. Вдруг лягнули длинно, по всему составу буфера, и вагоны, следом за паровозом, остановились.

На перроне почти не было встречающих и было темновато, фонари горели только у станционных дверей, где стоял сейчас начальник станции в красной нарядной фуражке.

— Хорошо быть начальником станции, но только не такой, как у нас, а большой, в большом городе, — наклонившись к Тане, шепнул Саша.

— Лучше, чем геологом! — улыбнулась девочка.

— Нет, не лучше, конечно, но тоже хорошо.

— Хорошо быть дома, — вдруг сказала Таня. — Лежать на своей кровати и засыпать, слушая, как за стеной разговаривают между собою папа и мама.

Она быстро шагнула вперед. Еще шаг, еще — и она замерла, судорожно поднесла к губам руки.

— Папа!

Высокий человек с небольшим чемоданчиком в руке и с туристским рюкзаком, небрежно повисшим

у него на плече, будто споткнулся, задержал шаг и стал всматриваться в Таню.

— Дочка! — неуверенно не то спросил, не то окликнул он ее.

А через секунду они уже обнимали друг друга, и Таня снова боялась говорить, чтобы не заплакать. Но она все равно заплакала. Отец поднял ее на руки, высоко-высоко, вровень со своим лицом, и Таня теперь смогла внимательно всмотреться в это почти незнакомое ей, едва узнаваемое ею родное отцово лицо. Ей почудилось, что у него тоже навернулись на глаза слезы. И это сразу помирило ее с ним, и все сразу стало проще, и Таню уже не пугали вопросы отца, если он и станет ее о чем-нибудь спрашивать.

Этот человек с усталым лицом, с трепетно сощуренными глазами — Таня тоже знала этот способ и тоже прищуривалась, чтобы слезы не лезли из глаз, — этот человек с жесткими щеками, даже колючими, и с такими мягкими, теплыми губами был ее отец, ее родной отец.

Он поставил ее на землю, обнял за плечи одной рукой, в другую взял свой чемоданчик, и они пошли по перрону к выходу в город. И только тут Таня вспомнила про Сашу.

— Саша! — останавливаясь, позвала она. — Саша! — А когда он подошел, она взяла тяжелую отцову руку и протянула ее Саше. — Это мой друг, мой самый большой друг, — сказала она, глядя то на отца, то на Сашу. — Это он помог мне тебя встретить.

Что-то промелькнуло в глазах отца. Он крепко пожал Саше руку и добро улыбнулся ему, но что-то, что промелькнуло в его глазах, так и осталось в них. Тревога! Горечь! Усталость! Таня не могла понять и назвать то, что зажило сейчас в глазах отца. Она

поняла только, что он думает сейчас о чем-то далеком и, кажется, очень грустном для него.

— Да, я и не спросил, зачем ты надумала меня встречать! — сказал он, когда они снова тронулись в путь. — Ведь я же так и телеграмму нарочно давал, чтобы никого не беспокоить. Ведь поезд приходит очень поздно.

— Нет, летом он приходит пораньше, — сказал Саша.

— Все равно поздно.

«Ну спроси, — подумала, помолила Таня. — Папочка, ну хоть что-нибудь спроси про маму!»

Они вышли на привокзальную площадь, отец поставил к ногам Саши чемодан, опустил на землю рюкзак и сказал:

— Вы, ребята, стойте здесь, а я пойду раздобуду машину.

Он быстро отошел и почти тотчас скрылся в темноте.

— Не спросил, — горестно шепнула Таня.

— погоди, еще спросит, — все поняв, как и должно настоящему другу, убежденно сказал Саша. — А он еще у тебя молодцом. А что, если он и теперь еще играет в волейбол? Вот бы было здорово!

Вспыхнув фарами, к ним подъехала машина, в которой рядом с шофером сидел Танин отец. Он быстро распахнул дверцу, вылез, подошел к Тане и вдруг, наклонившись, неумело как-то и странно потвердевшими губами снова стал целовать ее. Он что-то шептал ей, целуя, но что — Таня не разобрала. Потом, так же быстро, как наклонился, он выпрямился во весь свой рост и чужим, глухим голосом сказал:

— Ну, поехали.

Он усадил Сашу и Таню в машину, кинул к ним свои пожитки, а сам сел с шофером. Только сел и сразу вылез и пересел назад к ребятам, взяв Таню к себе на колени.

— Ну, поехали.

— Куда! — спросила Таня с надеждой.

— В гостиницу! — очень уж весело отозвался отец, прижимаясь к Тане своей колючей щекой. И шепнул: — Потом, потом я тебе все объясню... Ладно!..

Таня ничего ему не ответила.

Машина уже мчалась вперед. Той же дорогой, по которой сперва шла, потом бежала, а потом ехала на мотоцикле Таня, чтобы встретить своего отца. И вот она его встретила. И вот они уже вместе и едут той же дорогой в город, но почему-то не домой, а в гостиницу. «Ну спроси, ну спроси хоть что-нибудь про маму!» — молила Таня.

Отец молчал. Смотрел за стекло машины в темную даль и молчал.

II

Таня проснулась очень поздно. Проснулась и села на постели с широко раскрытыми глазами и все сразу вспомнила. И как встречала вчера отца и как потом он поехал в гостиницу, а не домой, а по пути подвез сперва Сашу к его дому, а потом Таню к ее дому. Это был их дом, но отец не вошел в него, а поехал в гостиницу. Таня знала эту гостиницу, она стояла у края базарной площади. Какой-то нескладный, длинный и приземистый дом с пыльными всегда стеклами, пахнущий кислыми щами, и карболкой, и бензином — все вперемешку. Даже и часа прожить в таком доме Таня бы не решилась. А вот отец сейчас живет. Ему там плохо, за этими пыльными стеклами, но он там живет.

— Беда-то какая, беда-то!.. — бабушкиным голосом прошептала Таня.

А потом, когда машина отца покатила и свернула за угол, Таня вошла во двор и сразу увидела маму. Та, будто прячась от кого-то, стояла за деревом. За это дерево и Таня всегда любила прятаться. Это была старая береза, единственная такая возле их дома. Не тоненькая, не стройная, а широкая и вся в наслоях и буграх. Не береза, а прямо дуб какой-то.

Мама вышла из-за нее и прижала к себе Таню.

— Наконец-то! — сказала она. — Я так ругала себя, что позволила тебе идти в эту страшную даль. И одной! Почти ночью! Бог знает, что могло случиться!

«Ну спроси, ну спроси о нем!»

Нет, мать говорила только о ней, спрашивала только о том, как она шла, было ли ей страшно. А когда услышала, что Таня ехала на мотоцикле, от ужаса даже вскрикнула.

«Ну спроси, ну спроси о нем!»

Нет, мать ничего не стала спрашивать «о нем». Торопливо ввела она Таню в ее комнату и, чего давно уже не делала, помогла ей раздеться.

— Спать! Спать!

И вот и ночь позади, вот уж Таня и проснулась, проспав свое утро, вот уже и все вспомнила. А что теперь!.. А что дальше!..

А дальше вот что! Отец, когда прощались, шепнул:

— Завтра поговорим, хорошо! Приходи, ну хоть часам к десяти в городской сад, и поговорим...

Таня прыгнула с постели, быстро оделась, сполоснула кое-как лицо, только глянула на чашку с молоком, которую налила для нее, уходя на работу, мать, и выбежала на улицу. Опять надо было спешить, спешить: ведь стрелки часов на будильнике уже замерли — маленькая над цифрой десять, а большая над цифрой двенадцать. Ох, уж эти стрелки, они всегда подводят Таню, к ним никак не приладишься. То ползут, то прыгают. А вот мама и без часов умеет вставать когда надо. Даже удивительно, как у нее все точно получается. Во всем. Во всем ли!.. Вдруг снова вспомнилось, какой она была вчера вечером. Зачем-то спряталась за березу, и голос и глаза совсем не ее. Ну, зачем, зачем ссорятся родные люди!..

Таня еще не успела добежать до угла, как позади, щелкнув замком, закрипела дверь черепановского дома. Таня оглянулась, наперед зная, как все сейчас будет. Сперва выскочит на улицу кудлатый Альфред, широко расправив свои крылья и делая вид, что может полететь, да вот только лень ему. Потом медленно просунется в дверь обернутый в мешковину черепановский мольберт на длинной треноге, а потом не спеша выйдет и сам Черепанов. Постоит, покрутит головой, щурясь на солнце, будто высматривая, где оно светит поярче, чтобы в ту сторону и путь держать. Потом, крикнув что-то отрывистое своему звероподобному петуху и окриком этим загнав его за дверь, старик, сутулясь, отправится в путь.

Вот тут-то Таня обычно выскакивает из своей калитки и просит старика взять ее с собой. Но сегодня нельзя, сегодня надо бежать, бежать, не теряя ни минуты. Отец, наверное, ее уже ждет.

Таня глянула туда, где должен был ждать ее сейчас отец, туда, за мост, где начинался городской сад, и обмерла. Ведь никакого городского сада там давно уже нет. Вот уже год, как все большие деревья оттуда вырыли и перевезли в другой конец города, на горку. А там, за рекой, в низине, где раньше был городской сад, скоро разольются воды

Большой Камы. Как же она забыла про это!! Отец не знал, но она-то как забыла! И через мост уже нет давно прохода, и вместо парка пустошь да кусты. Куда же он пойдет! Где его теперь искать!

Не зная, как ей быть, Таня в растерянности оглянулась на Черепанова, который уже поравнялся с ней. Он был сегодня явно в добром настроении. Он даже чуть-чуть улыбнулся ей и дружески кивнул. Да ведь верно, они же теперь стали совсем друзьями, ведь Таня даже побывала у него в гостях. Удивительно, сколько всего случилось за вчерашний день! Таня глянула поверх головы старика, на его мрачный дом, в котором, оказывается, была одна большая комната, совсем как в сказке какой-нибудь. Одна стена — их город, каким он был в старину, другая стена — сиреневый сад, каким бы мог он только присниться во сне. И много, много еще всего было в этой комнате, отчего даже вот и теперь захватило у Тани дух. И пахло там краской — дружелюбно, тихо и заманчиво.

— Чего стоишь, пошли, — сказал Черепанов Тане и протянул ей ящик с красками. — И так уж запоздали.

— Я не могу, — сказала Таня, быстро дотронувшись рукой до ящика с красками. «Здравствуйте, милые мои, смешные человечки!» — Я не могу...

Старик придержал шаг и внимательно глянул на Таню.

— Что, приехал!

— Вчера, — кивнула Таня.

— Вот оно что, стало быть, дома!.. Кланяйся ему. Когда-то и он со мной «на натуру» хаживал. Это ты в него пошла. Правда, потом к другому потянулся, дома порешил строить, но когда-то и писал и рисовал довольно порядочно. Что ж, кланяйся, может, навестит старика, расскажет, как там в столице. Дорогу-то перейти — недалог путь.

— Он не дома остановился, он в гостинице.

Старик снова зорко глянул на Таню.

— В гостинице, говоришь!.. Ну да ты не горюй. Взрослые, ведь они иногда чуют, дочка.

«Дочка!» Он никогда ее так не называл раньше. И никогда так добро не звучал его старчески сохлый голос.

— Дмитрий Иванович, что мне делать! — Таня шагнула к старику и взялась обеими руками за его брезентовую в цветных пятнах куртку. — Отец велел мне приходить в городской сад, а городского сада-то и нету. Я забыла вчера ему об этом сказать.

— Ну так ступай к нему в гостиницу.

— Я боюсь, — помедлив, тихо проговорила Таня. — Я и мимо-то этого дома боюсь ходить. От него всегда пахнет, как от больницы, а окна слепые.

— Вот как, слепые!.. — Старик снова протянул Тане свой ящик с красками. — Ладно, пойдем, провожу.

— А как же ваша «натура»? — спросила Таня, неуверенно потянувшись к ящику рукой.

— Натура! — хмыкнул старик. — Что ты знаешь про мою натуру! Я и сам-то в ней толком не разберусь. Ладно, пошагали.

— Пошагали! — повторила Таня, радостно принимая от старика ящик с красками.

сидела за столом Танина мама. А другая ее рука лежала на телефонной трубке, и то сжимались пальцы, то разжимались, так и не зная, поднять ли трубку или нет.

Отворилась дверь, и в кабинетик широко шагнула привычно решительная в своих движениях одна из зеленоглазых сестер Саши, та, что была хирургом, тетя Лиза. Она не затворила за собой дверь, ей и так было здесь тесно.

А за дверью открылась большая комната, даже зал, с рядами скамеек. Там былолюдно, и многоголосый говор тотчас до отказа заполнил маленький кабинетик. Какие-то все напряженные, истончившиеся в звуке голоса и в то же время негромкие. Так говорят, ожидая чего-то важного, волнуясь, боясь чего-то.

— Ну, позвонила! — напористо и громко спросила Лиза Чижова, наклоняясь к своей подруге.

— Нет еще.

— Да ты решиайся, милочка, решиайся. Гляди-ка, судья, серьезный человек, а снять трубку да и сказать несколько твердых слов решимости не хватает. Удивляюсь вам, Мария Сергеевна.

— Затвори дверь, — медленно отняв от лица руку, устало проговорила Мария Сергеевна.

— Чего уж, ухажу, ухажу! — снова широко шагнула, но теперь из кабинетика в зал громкоголосая ее подруга. — Кстати, народ весь в сборе, ни местечка свободного: дело-то говорят, нынче серьезное. Вас ждут, товарищ судья.

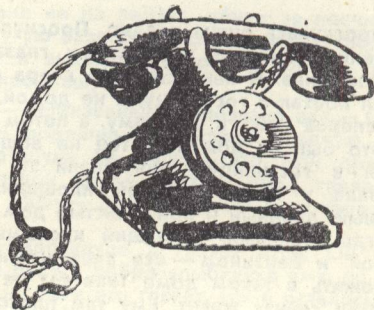
Она прикрыла за собой дверь, и снова стало в кабинетике тихо, и снова устало опустила голову на руку Мария Сергеевна, Танина мама, а еще городской народный судья. Вдруг вскинула голову, сжала губы и рывком сорвала с рычага телефонную трубку.

— Гостиницу! — резко проговорила она это тягучее слово, когда в трубке прозвучал звонко-приветливый голосок телефонистки. Как же, как же, ведь судья звонит!..

В маленьком и узком, как пенал, номере гостиницы, с единственным окном, за которым ничто не радовало глаз — окно это выходило в пыльный, с повытоптанной травой двор, — сидел у колченогого столика Николай Андреевич, Танин отец. Сидел и маялся, то поглядывая в окно, то вокруг себя — на унылые голые стены своего «пенала», на неприменный графин на столе, на нелепо большую здесь кровать с инвентарной биркой на самом видном месте. Но вот он глянул на часы и вскочил, заторпился к двери.

А дверь уже сама распахнулась ему навстречу.

— Товарищ Васильев, к телефону зовут. — В дверях стояла молоденькая, шустроглазая коридорная. Она

В крохотном кабинетике, где помещался лишь стол, да канцелярский шкаф, да еще два стула, а окно было все же зарешечено: стало быть, что-то ценное либо важное хранилось здесь, — вот в этой казенно-го вида комнатенке, устало подперев голову рукой,

с таким нескрываемым интересом разглядывала сейчас Николая Андреевича, будто все-все про него знала и готова была принять самое живейшее участие в его дальнейшей судьбе. Похоже было, что она и, вправду, много про него знала.

— Звонят из суда,— доверительно шепнула она, когда Николай Андреевич вышел в коридор.— Мне телефонистка сказала, чтобы нашла, хоть живого, хоть мертвого. Из суда, мол, вызывают. Дело серьезное! А мне одной тут и прибирай, и воду кипятить, и жильцов к телефону скликай...

Она шла за Николаем Андреевичем по пятам, ни на шаг не отставая от него, хотя он почти бежал по длинному коридору.

— Только из уважения к людям и бегаю... Конечно, если человек уважаем... Я ведь вас, Николай Андреевич, сызмальства помню... Я ведь понимаю, не думайте...

Николай Андреевич подошел к столику дежурного, что стоял в самом конце коридора у двери на лестницу. Дверь была открыта, и за коротким лестничным маршем виднелась часть базарной площади, людной, будто праздничной, и синяя чуть дальше полоска реки, и белая, еще дальше, монастырская стена, и в дымке туманной, совсем далеко, кромка таежного леса.

На столике ожидающе лежала телефонная трубка, порыжелая от старости, с петлей для рычажка, с широким раструбом, как будто в трубку нужно обязательно кричать, а иначе тебя не услышат.

Николай Андреевич присел к столу, затравленно оглянувшись на остановившуюся рядом дежурную, махнул ей слабо рукой — мол, ступай-ступай! — и нерешительно взялся за трубку. Приложил ее к уху, подождал немного и, как бы загорядясь ладонью от дежурной, которая только для виду отошла чуть в сторону, и, как бы загорядясь от шумного, вдаль уходящего мира за дверью, негромко проговорил:

— Маша, ты!

Марья Сергеевна, услышав вдруг голос мужа, такой странно тихий, так неожиданно сразу назвавший ее по имени, так растерялась, что ничего не сумела ему ответить. Она невольным движением отстранила от себя телефонную трубку и поднялась, смаянно замерев за своим судейским столиком.

— Маша, что же ты молчишь!.. — снова послышались негромкие слова в трубке.

Перемогаясь, Марья Сергеевна сперва шепнула беззвучно, лишь пошевелив губами, будто затверживая какие-то слова, а потом вдруг жестко, гневно даже резким, не своим голосом проговорила в трубку.

— Зачем ты приехал, Николай! — Она не стала дожидаться ответа. И с тем же напором, гневом, тем же резким, не своим голосом продолжала: — Зачем, чтобы взбаламутить всем души!!

Все так же отгораживаясь ладонью от досматривающих глаз коридорной, Николай Андреевич шепотом переспросил:

— Взбаламутить души!..

— Да! — жестко отозвался голос.

— Кому, Маша!

— Твоей дочери — этого мало!! Не было и не было, строишь там чего-то — и ладно! Подросла бы, разобралась бы. А теперь ей надо объяснить. Что... Как... Ведь это не объяснить и себе самой...

— Я думал... — Николай Андреевич замялся, не находя слов, и теперь уже как за помощью поглядел на коридорную. Она энергично закивала ему и даже руками замахала, дескать, смелей, смелей! — Я думаю, что никому не причиню вреда своим приез-

дом, — чуть погромче проговорил в трубку Николай Андреевич. — Ведь в конце концов...

— Не вздумай только сейчас говорить мне о своих родительских правах! — громко пресек его слова голос жены.

— Ты говоришь со мной, как судья, — потерянno произнес Николай Андреевич. — Зачем же так!..

— А я и есть судья! — Марья Сергеевна, сказав эти слова, вдруг как-то сразу понурилась, и снова устало-потерянным сделалось ее лицо. — Ну, скажи, ну, что ж это ты там выстроил на наших с тобой развалинах!.. — Она долго дожидалась ответа, но ответа все не было. — Ну, ты хотя бы доволен жизнью, работой! Стоило так-то вот, стоило!.. — Она снова подождала ответа, но ответа не было.

Отворилась дверь, и в кабинет заглянул пожилой мужчина в форменном прокурорском пиджаке.

— Пора, Марья Сергеевна, пора.

— Заходите, — выпрямляясь, кивнула Марья Сергеевна. — Заходите и зовите заседателей, у меня все. — Она глянула на безмолвствующую по-прежнему трубку и, вновь поднеся ее, сказала, сухо, буднично, как говорят на людях, да еще из служебного кабинета, да еще если ты народный судья и за дверью в зале судебных заседаний вот сейчас начнется под твоим председательством слушание дела: — Мой вам совет, если вы приехали в наш город не по делу, а так просто, скуки ради, уезжайте.

Она очень спокойно положила на место телефонную трубку и очень спокойно вышла из-за своего столика, еще более прямая, уже собравшаяся, отрешившаяся от всех прочих дел, уже готовая идти в зал судебных заседаний, чтобы быть там судьей.

В кабинет, теснясь, вошли прокурор и народные заседатели и тотчас вышли, пропуская вперед Марью Сергеевну.

— Встать! Суд идет!

И все в зале сперва смолкли, а потом встали — все, сколько тут ни было людей. И те, что пришли сюда послушать просто судебное дело, и те, кого привели сюда под конвоем. Все поднялись навстречу суду и судье.

Она села на свое председательское кресло с высокой спинкой и резным гербом над головой и подняла глаза в зал. Все в зале сейчас смотрели на нее. И те, что сидели за загородкой на скамье подсудимых — двое мужчин с посерелыми лицами, — тоже смотрели на нее.

«Ты говоришь, как судья...»

«Да, я судья, Николай...»

13

Николай Андреевич молчал, ему было нелегко отвечать на вопросы жены не потому, что не находились нужные слова, а потому, что вдруг прямо перед ним в гостиничных дверях появилась Таня. А за спиной у нее медленно одолевал ступеньки весьма известный Николаю Андреевичу городской чудодей Дмитрий Иванович Черепанов. Старик недобрый, приметливый, злой на язык. Некогда они дружили — давным-давно. А потом поссорились, что, впрочем, для Черепанова было обычным исходом всякой его дружбы. И вот в дверях — дочь, а за спиной у нее уже вырос этот умица и злюка Черепанов, а в трубку все еще продолжают бить жестокие слова жены, и ей ничего не ответишь. Он собирался было ответить, он и сам собирался было перейти в наступление и наговорить жене немало тех горьких слов, которые так легко даются в подобные минуты. Он собирался было спросить ее про Григория, о том, что за отношения у нее с ним. От общих друзей, наезжавших в Москву, Николай Андреевич слышал уже какие-то полурассказы, полунамеки. Да, и у него бы нашлось немало горьких и жестоких слов для жены, но в дверях стояла дочь, и Николай Андреевич растерянно смолк. Внезапно в трубке раздался сухой щелчок, и столь тягостный для него разговор окончился. Телефонистка спросила молодо-беспечным, молодо-равнодушным голоском:

— Вас прервали! Вас соединить опять!

— Нет, нет! — испуганно отозвался Николай Андреевич и поспешно встал навстречу дочери, с чувством глубочайшего облегчения выпустив из руки телефонную трубку.

Таня подбежала к отцу и, так как она до всего любила дотрагиваться руками, схватила трубку и водрузила ее на место, на рычажок старинного телефонного аппарата, какие впору выставлять в музеях. Она так и сказала:

— Музейный экспонат, а не телефон, правда, папа!

— Правда. — Он глянул на часы. — Прости, я опоздал. — Он наклонился и поцеловал Таню в лоб, вдруг отчего-то страшно себя пожалев, будто посмотрел на себя со стороны чужими глазами, и вдруг сам себя огорошил вопросом: «Зачем ты приехал!...»

Старик Черепанов, отстранив со своего пути коридорную, перешагнул гостиничный порог.

— Здравствуйте, Николай Андреевич, — на старинный манер приподняв над головой брезентовый картуз, сказал он. — Рад вас приветствовать в родном городе. Все ж таки нет-нет, а родные камушки покинут! Только вот в гостинице-то этой скука жить. И верно, пахнет щами, окна слепые. — Старик

неодобрительно покосился на коридорную, теперь с глубочайшим интересом внимавшую его словам. — Ты бы, Софья, чем подслушивать, стекла бы хоть протерла. Ох, уж эта ваша порода Савинская! Все бы вам высматривать, все бы вам вынюхивать!

— А Дмитрию Ивановичу все бы язвить да язвить! — смело отпаривала коридорная. — Знаем...

— Марш отсюда! — Старик всерьез сердито повел на девицу своими колючими глазами. — Экая пустельга!

Он повернулся к ней спиной и, потихонечку пригасив в глазах вспыхнувшую злость, как умел, радушно, улыбнулся Николаю Андреевичу.

— Так зачем, стало быть, к нам! В отпуск или по делу!

Николай Андреевич в замешательстве только руками развел. Голос жены все еще жил, звучал в ушах, и вот словно сошлись, объединились ее вопросы «Зачем приехал!» и слова этого старика «Зачем, стало быть, к нам!». И снова у самого себя он спросил: «А зачем, зачем!»

Избегая пристально рассматривающих его глаз старика, Николай Андреевич протянул ему руку.

— Рад вас видеть, Дмитрий Иванович. Гляжу, ничуть не постарели.

— Будто бы! — усмехнулся старик. Он задержал в своей руке руку Николая Андреевича и заставил того поглядеть себе в глаза.

— Нет, не постарели.

— И встрече со мной рад! Ведь мы же вроде поссорились.

— Когда это было! Я уж и забыл даже, из-за чего и поссорились.

— Будто бы! — снова усмехнулся старик. — Ну, бедуйте, отец с дочерью, а я пойду солнце ловить. Старик отпустил руку Николая Андреевича, быст-

ро повернулся и зашагал к дверям, по пути чуть приметно кивнув Тане.

— Где это ты с ним встретишься? — спросил отец, когда Черепанов уже вышел на лестницу. — Не боишься его? Он ведь с причудами старик.

— Нет, его я не боюсь, — сказала Таня. — Я сюда идти боялась. Вот он меня и проводил. А не идти тоже было нельзя. — Таня взглянула отцу в лицо. — Папа, ты что такой невеселый? Это из-за телефона, да? А с кем ты в него разговаривал? — Она вдруг рассмеялась. — Неужели в него еще можно разговаривать? И слышно!

— Слышно, — кивнул отец. Он обнял дочь за плечи и предположил: — Пойдем-ка ко мне в номер. Там, кажется, поуютнее.

— Пойдем.

Обнявшись, они двинулись в путь по длинному коридору, и Таня все поглядывала, закидывая голову, на отца и всякий раз, взглянув на него, ободряюще ему улыбалась.

— А не идти мне сюда тоже было нельзя! — оживленно пустилась она в пояснения. — Ты мне велел приходить в городской сад, а его ведь весь пересадили на горку. А там, где был сад, скоро потечет Большая Кама. Я забыла тебе об этом сказать вчера. Что делать, думаю. Надо бежать в гостиницу, а то и не найдем друг друга. Вот Дмитрий Иванович меня и проводил. Я его случайно встретила, он «на натуре» шел.

— Вот как! — сказал отец. — Значит, сад теперь на горе, там, где раньше один пихтарник рос! И верно, хорошее место для городского сада.

— А как придет к нам Большая Кама, немного повыше монастыря построят пристань. А сам монастырь, знаешь, папа, говорят, окажется на острове. Красиво, правда! Белые стены, колоколенка в небе, а вокруг будто море.

— Красиво!

— И пристань рядом. Остров, а рядом — пристань. Также высокая, с маяком. Как на море. Плы-ви, куда хочешь! Правда, красиво!

— Правда. — Отец распахнул перед дочерью дверь своей комнаты. — Входи.

Таня задержалась на пороге.

— Сюда! — Она глянула в узкий, безрадостный мир отцовского жилья и снова услышала в себе этот быстрый-быстрый бег каких-то мурашек, повсюду, в спине, в кончиках пальцев, за ушами, после чего — она точно знала — вдруг набегают на глаза слезы, и тогда уж берегись, чтобы они не пролились из твоих глаз.

— Папа, а окно ты можешь открыть? Оно открывается!

— Оно открыто, дочка.

— Совсем-совсем!

— Да.

— А мне показалось... — Таня переступила порог и вошла в комнату, за окном которой было так же серо, как и в самих стеклах с прикипевшей к ним стародавней пылью.

Вошла и поспешно присела на краешек высокой кровати, сердито прислушиваясь к быстрому бегу этих предательских мурашек, после которых начинаешь глупо реветь.

Отец притворил тихонько дверь и сел на стул — тоже с инвентарной биркой на самом видном месте. Таня заметила эту бирку, как только вошла. И бирку на кровати тоже заметила. Эти жестяные номерки здесь только и посвечивали, где-то раздобыв для себя крупницы солнечных лучей. Такая же точно бирка на проволочке висела и на шейке графина. Это позабавило Таню.

— Как ожерелье какое-нибудь, — сказала она по-веселевшим голосом. — Толстая тетка в гости пошла. Сама большая, а головка маленькая. И что ни шаг, то дергается. А бусы, и серьги, и браслеты звенят, будто велосипед едет.

Отец проследил ее взгляд и усмехнулся.

— Приметливая. — Он пододвинулся вместе со стулом поближе к дочке. — Как это ты сказала: «на натуре»? А что это означает, знаешь?

— Знаю, — кивнула Таня и быстро глянула, распрямив пальцы, на свою ладонь, туда, где еще недавно прилепилась капелька краски. Нет ее! Исчезла! — Это когда пишешь то, что открылось гла-зам вот прямо сейчас.

— Пишешь!

— Ну конечно, маслом, например.

— Маслом! Так ты что же, у Черепанова в учениках!

— Да, он меня учит на художницу. — Таня решила и посмотрела на отца, широко распахнув глаза. — Он ведь тебя тоже учил, правда! — И, помолчав и поразглядев как следует отца — какое у него все-таки незнакомо-грустное лицо! — она тихо, но торжественно, как там, в мастерской Черепанова, проговорила: — Я буду художницей, папа. Обязательно буду.

— Вот оно что!.. — Николай Андреевич еще ближе придвинулся к Тане.

Теперь он стал разглядывать ее. Он помнил ее не такой. Что-то переменялось в ней, переменялось изнутри. Она стала совсем иной, чем та маленькая девочка — родная, близкая, но все же маленькая и несмышлениш, какой он ее оставил три года назад, какой он ее запомнил. С той Таней, с той его дочкой, легко было говорить, думая о своем, ее вопросы не требовали ответа, ее слезы просто было унять каким-нибудь пустяком — подарком там или сказочкой. А эта, нынешняя его Таня, пожалуй, сказку и не станет слушать. Пожалуй, не поглядит и на его подарок. Он вспомнил, ощутив внезапную растерянность, что забыл вчера отдать Тане нарядную большеголовую куклу, которую привез ей. И тотчас обрадовался, что забыл. Эта кукла тоже годилась для той Тани, которую он оставил три года назад, а не для этой, что сидит сейчас напротив него и так торжественно, так по-взрослому весомо произносит: «Я буду художницей!» Худенькая, со смешными косицами и с исцарапанными коленками, вся повзвизгивающая, но еще совсем ребенок, и все же, все же незнакомо иная, будто вот-вот уже и взрослая.

«Зачем я приехал!! Повидать ее!! Только за этим! Да, теперь это стало главным. Ее надо было повидать. Обязательно! Теперь это становится главным. А раньше, когда потянуло в родной город, когда решился ехать, ты почти не думал о ней — о своей дочери. Ты думал о другом. О чем же! Все обворвано здесь. О чем же ты думал! Все враждебно здесь тебе. О чем же ты думал, куда, к кому ехал!..»

— Опять, опять ты задумался! — Таня порывисто поднялась и прижалась к отцу, дичась еще его и не умея сдерживать себя. — Папочка, ну зачем у нас все так! Говори! Ты обещаешь мне все, все объяснить! Говори!

— Прямо сейчас! — тревожно напрягшимся голосом спросил отец.

— Если можешь...

— Хорошо, Таня, давай поговорим. — Он поднялся. — Но только не здесь.

— Пойдем домой! — вскочила Таня.

— Нет, мы походим по городу, ладно!

— Пойдем,— сказала Таня и, взяв отца за руку, первая вышла из узкого, пропыленного, с безглазыми стенами номера.

И побежала, не выпуская отцовской руки, по коридору. И пока бежала, ни разу не вдохнула воздуха и ни разу не раскрыла прижмуренных глаз. Быстрее, быстрее отсюда! Ей казалось, что едва они выбегут с отцом на улицу, на воздух, как все сразу станет из своих мест и сделается простым, и понятным, и близким, как и все вокруг в родном городе.

14

Дом воеводы первым открылся им, когда они выбежали из гостиничных ворот. Таня хотела было тут же и позвать отца в этот дом, столь памятный ей еще по тем временам, когда они бывали там вдвоем. Войти бы и услышать те удивительные слова, которые произносил там отец, совсем так же, наверное, и такие же, какие говорились тут много-много лет назад, когда в доме воеводы был не мужей, а жил настоящий воевода. Таня тогда не запомнила эти удивительные слова — звонкие, протяжные, нет, певучие. Она не запомнила смысл этих слов, лишь запомнила звук. Мала была, глупа. Теперь бы она запомнила. Но теперь, вот прямо сейчас, нельзя туда. Теперь, вот прямо сейчас, будет у Тани с отцом очень серьезный разговор, самый серьезный за всю ее жизнь.

Таня, готовясь к этому разговору, вытянулась настороженно, даже руки вытянула, как солдатик в строю, и неотрывно стала смотреть в глаза отцу. Ну говори же!

Отец будто не замечал ее спрашивающего, ее требовательного взгляда. Он медленно двинулся вперед к Торговой площади, медленно, широко оглядывая все кругом. Он улыбался чему-то. Глаза тревожились, а губы улыбались, и морщинки у носа и в уголках губ повыворачивались, словно выбраллись из своих глубин, и лицо от этого разгладилось, помолодело.

Таким, вот таким Тане помнился отец. Ей стало жаль спугивать его радостную минуту, и она решила повременить со своим разговором. Пусть поглядится: ведь он не был здесь целых три года. Они стали пересекать Торговую площадь, но не

там, где шли другие прохожие и где и был переход через площадь, а совсем иной дорогой. Эта дорога вела к ограде сквера, попросту никуда не вела: в том месте не было калитки. Но эта дорога шла в гору, выводила на самое высокое место площади, и отсюда все было видно вокруг далеко вширь. Помнится, отец всегда пересекал площадь в этом месте и всегда останавливался надолго у ограды сквера, вот тут, на самом высоком месте, подолгу стоял здесь, оглядываясь, раздумывая над чем-то. Вдруг скажет что-нибудь непонятное и опять надолго умолкнет. О чем он тогда говорил, Таня не помнила. Как же мало она запомнила об отце! Да, мала была, глупа. Но вот теперь, теперь ей уже тринадцатый год, и она все теперь понимает и ничего теперь не забудет.

— Перемена, перемена,— проговорил отец, вот так же, как и тогда, останавливаясь у ограды сквера.— Так, говоришь, там, за мостом, разольются воды Большой Камы!

— Да, представляешь, прямо тут вот, у рыночной площади. Но, конечно, никакого уже и моста не будет, и даже Ключевка наша утонет в Каме. Представляешь, Кама подойдет и проглотит нашу Ключевку!

— Представляю. А где, ты говоришь, пристань задумали!

— А вон там! — Таня привстала на цыпочках, протягивая вперед руку.— Вон там, повыше монастыря. А вокруг монастыря остров.

Отец вдруг быстро обернулся и тоже вытянул вперед руку.

— А там, на горе, говоришь, парк!

— Так вот же он, вон деревья!

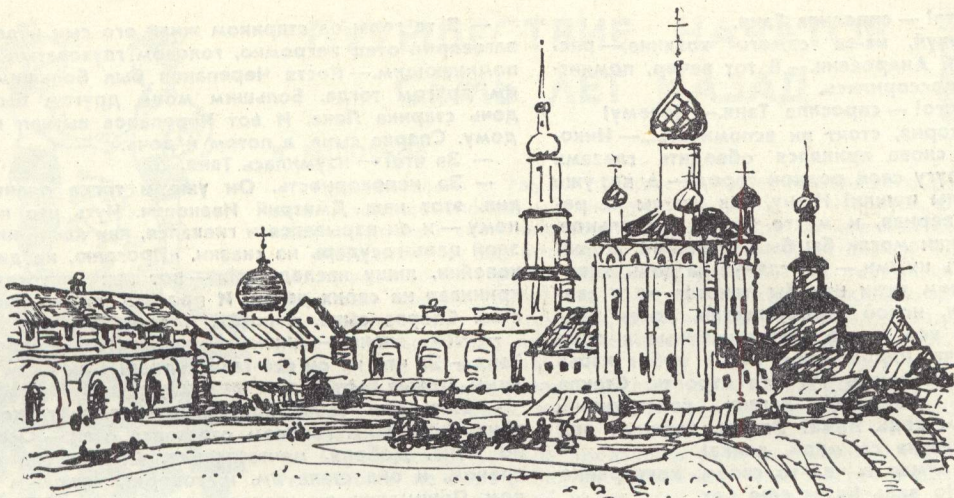
— Маловат,— сказал отец, всматриваясь вдаль из-под руки.— Маловат еще.

— Понасажаем,— уверенно проговорила Таня.— Только вот козы. Знаешь сколько у нас в городе козы деревьев погубили! Тысячи! Я всех коз собрала бы в кучу да и отправила бы куда-нибудь в пустыню. Ведь пасутся же там овцы. Как думаешь?

— Большая Кама не одних только коз из города выселит, доченька. Весь город тронется в путь.

— Как же это! — Таня засмотрелась на отца.

Он опять каким-то стал новым. И странно, Тане не понять было, радуется ли сейчас чему-то или же, наоборот, чем-то очень огорчен. Какое-то смутное,

взволнованное и притихшее разом было сейчас лицо ее отца.

— А так вот, — сказал он. — Большая Кама станет диктовать здесь свои законы. Вот уж и парк из Заречья на гору перенесли. Пожалуй, километра за три отсюда и на самое высокое место в городе. А был парк в низине. Разве это не перемена!

— Перемена, — охотно согласилась Таня.

— Огромное водное зеркало — и крохотный городок где-то сбоку припека. Не смотрится ведь, а!

— Не смотрится, — кивнула Таня.

— Стало быть, всякий новый дом потянется в городе вверх, всякая новая улица раздастся вширь. Как думаешь, лучше будет!

— Конечно! — убежденно сказала Таня, и ей даже на миг удалось увидеть вдруг раздавшийся вширь и выросший вверх ее крохотный старинный городок.

Все заблестело, засверкало перед глазами так, что Таня даже зажмурилась. А когда вновь открыла глаза, городок по-прежнему низко и узко лежал на своем месте.

— Перемена, перемена, — задумчиво и вроде как печально снова проговорил отец. — Когда-то я мечтал о таком городе, дочь. Пройдет мимо города дорога — и город ожил, уйдет дорога — и город замер. Знаешь ли ты, что когда-то через наш Ключевой проходила единственная дорога из Москвы в Сибирь и дальше! Великий торговый путь. Вот тогда-то Ключевой наш и стал расти, стал из селения городом да все крупнее, крупнее. Вот эти церкви да соборы — это все свидетели его тогдашнего величия. Век прошел, другой, и люди проложили иную дорогу, более удобную, более короткую — отыскалась такая в Уральских горах. И стал хиреть наш город, сделался заштатным. А теперь вот не дорога, а целая река к нам подходит... Быть переменам. Теперь вот быть переменам!

— Хорошо бы! — мечтательно сказала Таня. — Ведь наш город когда-то был очень красивым. Просто удивительно, каким! Я видела...

— Где же это ты видела! — улыбнулся отец. — Во сне!

Таня задумалась и ответила отцу не сразу.

— Почти как во сне, — сказала она наконец и прикрыла ладонью глаза: так ей легче было вспомнить. — Я видела наш город в доме у Черепанова.

Знаешь, папа, какая удивительная у него там есть комната!!

— Ты была у Черепанова дома! — удивился отец. — О, да ты, я вижу, всерьез с ним дружишь. Пожалуй, и десяти человек не сыскать в городе, которым бы Черепанов позволил проникнуть в свою мастерскую. И тебе было страшно! Я сам как-то побывал у него раз и, признаюсь, чувствовал себя там неважно.

— Из-за петуха! — спросила Таня.
— Нет, пожалуй, из-за самого хозяина, — рассмеялся Николай Андреевич. — В тот вечер, помнится, мы с ним и поссорились.

— А из-за чего! — спросила Таня. — Почему!

— Давняя история, стоит ли вспоминать... — Николай Андреевич снова принялся обводить глазами по широкому кругу свой родной город. — А вот уже и новые кварталы пошли! Ну-ну, как же вы их решили! Ширина верная, и место будто правильное, а вот сами домики могли бы быть и иными. Должны бы были быть иными. — Он глянул на дочь, энергичным движением руки как бы призвав ее в свидетели. — Смотри, новое строительство, новая планировка улиц, а все те же срубы избытые в один либо в два этажа. Рядом лес — вот и рубят избы. А надо бы нынче иначе тут все строить. Стекла нужно больше, воздуха, легких конструкций. Глянь, за бугром ведь Кама! Эх вы, изыбных дел мастера! Ты согласна со мной, дочка!

— Согласна, — думая о чем-то своем, неуверенно кивнула Таня. — Но ведь Камы еще нет.

— Будет. Сама же сказала, что будет.

— Обязательно, — кивнула Таня. — Папа, а потом ты так с Дмитрием Ивановичем и не помирился!

— Нет, так и не помирился.

— А давно это было! Это еще когда ты учился рисовать у него!

— Да, это еще когда учился рисовать. Давным-давно, Танюша, все это было — позабылось уж.

— И правда, ты позабыл, почему вы поссорились! Вспомни, пожалуйста, почему!

— Тебе это так важно знать!

— Важно! Я тоже, папа, с ним все время ссорюсь. — Таня смущенно развела руками и виновато улыбнулась: мол, сам знаешь, как трудно ладить с этим стариком. — Но потом опять мирюсь.

— Ну, тогда слушай. — Николай Андреевич, припоминая, задумался, остановив взгляд на одной какой-то точке вдали.

Таня поглядела — отец отыскал глазами их улицу и смотрел сейчас туда, где сквозь ветви тополей проглядывали крыши: бурая — черепановского дома и зеленая — их собственного. Вдруг ни о чем не захотелось больше его спрашивать, а вот бы схватить его за руку и снова пуститься бежать. Через площадь, под гору, потом в гору, выбежать на главную улицу, свернуть по ней налево, а потом сразу вот и их дом. Капитку настечь — и бегом к двери. И дверь тоже настечь. «Смотри, мама, кого я привела!» А потом, потом...

(Окончание в следующем номере.)

ОСОБЕННЫЕ ДВЕРИ

Владимир ОРЛОВ.

Есть особенные двери —
К ним дороги не ведут.
За дверьми гуляют звери,
Птицы певчие живут.
Днем и ночью
Лес не спит —
Эти двери
Сторожит.
Он листвою их скрывает,
Закрывает на засов.
За дверьми не умолкают
Сотни разных голосов.

— В те годы со стариком жили его сын и дочь, — заговорил отец негромко, голосом глуховатым, припоминаящим. — Костя Черепанов был большим моим другом тогда. Большим моим другом была и дочь старика Лена. И вот Черепанов выгнал их из дому. Сперва сына, а потом и дочь.

— За что! — изумилась Таня.

— За непокорность. Он уже и тогда очень чудил, этот наш Дмитрий Иванович. Чуть что не по нему — и он взрывался и гневался, как какой-нибудь злой царь-государь из сказки. «Прогоню, не дам ни копейки, лишу наследства!» — вот как он тогда покрикивал на своих детей. И прогнал, лишил наследства. Сперва сына, а потом и дочь.

— Что значит — лишит наследства! — спросила Таня. — За что их он все-таки выгнал! Они были плохими, может быть!

— Нет, они были хорошими, — опять глуховато, припоминаящим голосом отозвался отец. — Особенно Лена. Добрая, мечтательная. Она хотела стать врачом, и она стала им, и, говорят, хорошим врачом. Понимаешь ли, угадала свое призвание. А отец не хотел никуда ее отпускать от себя, запретил и думать о врачебной карьере. Сиди вот с ним дома да и стереги отцовы богатства! А когда она ослушалась, тайком уехала в Пермь сдавать экзамены в институт, он написал ей, чтобы не возвращалась. И еще написал: в завещании своем, мол, тебя не упомяну. — Николай Андреевич засмеялся. — Он это свое завещание, Танюша, что ни год, то переписывает. То на дочь переписет, совсем порвав с сыном, то на сына, совсем порвав с дочерью, а вот теперь, я слышал, какого-то родственничка специально отыскал, чтобы ему все и оставить назло своим непокорным детям. Костю он выгнал из дому за то, что тот против его воли осмелился жениться на какой-то проезжей «без роду и племени» женщине. Да, крутой старик и несправедливый. Вот я ему тогда это все и высказал. А он распахнул дверь и только и сказал: «Убирайся!»

— Выгнал!! — ужаснулась Таня. — И тебя!!

— И меня, — улыбнулся отец. — Ну, тронемся дальше!

— Туда! — кивнула в сторону их дома Таня. И даже шаг сделала в том направлении. И даже потянула за рукав отца.

— Нет, доченька, не туда, — мягко сказал отец и шагнул совсем в противоположную сторону. — Пойдем, спустимся к Ключевке, поглядим на нее, куда ее еще не проглотила твоя Большая Кама.

Таня повернулась и покорно пошла следом за отцом, в противоположную сторону от их дома.

Ветерок над лесом веет,
Лес шумит. И оттого
Тот, кто слушать не умеет,
Не услышит ничего.
Лес им тайну не расскажет.
Но зато своим друзьям
Он дорогу сам укажет
И откроет двери сам.
Если ты в лесу не лишний,
Если слушать ты готов,
То услышишь, как неслышно
Открывается засов.

ПУТЕШЕСТВИЕ, НАЧАТОЕ СЕМЬ ЛЕТ НАЗАД

В. КОЛОСКОВ

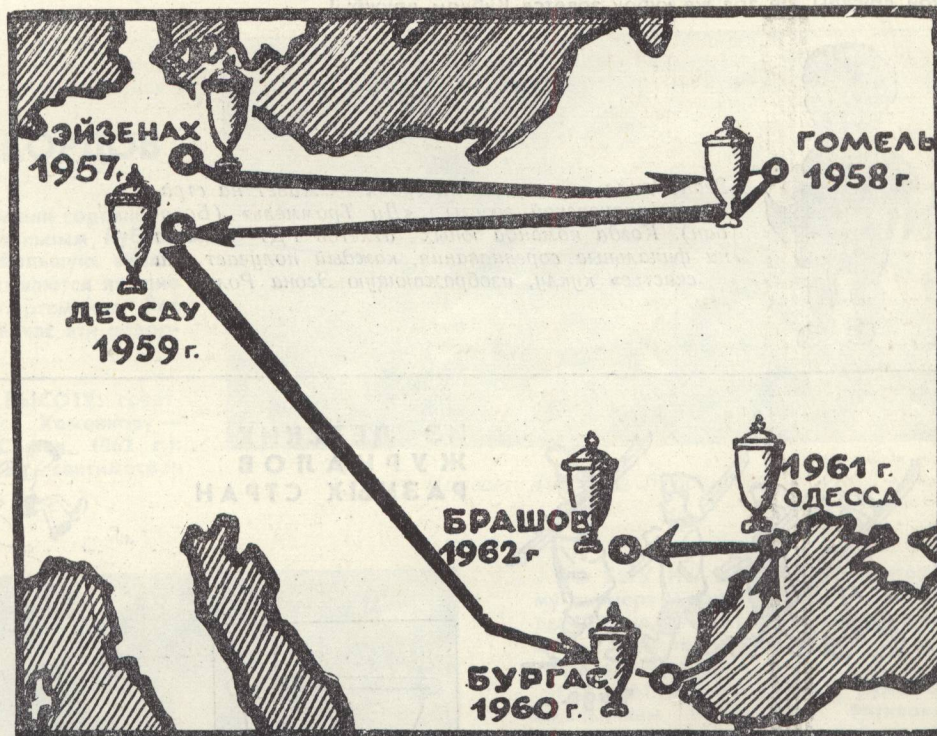
Прежде всего о самом путешественнике. Небольшого роста, но стройный и хорошо сложенный, он весело играет, он искрится, будто сам излучает солнечный свет, твердо и уверенно стоя на крепкой ножке.

На одной? Ну да, потому что это кубок. Хрустальный кубок, известный пионерам многих стран и во многих странах уже побывавший почетным и желанным гостем. Зовут его Кубком дружбы. Каждый год он переходит к команде юных спортсменов, победившей на международных соревнованиях по пионерскому легкоатлетическому четырехборью: бег, прыжки в длину и высоту, метание мяча.

Соревнования сначала идут заочно. А потом команды, занявшие первое место в своей стране, встречаются уже не заочно для финальных состязаний за кубок.

Первая такая встреча произошла семь лет назад в Польской Народной Республике, на берегу Балтийского моря, близ местечка Цетнево. Победили пионеры школы, которая носит имя Лизелотты Херрман, и кубок уехал в Эйзенах, маленький городок Германской Демократической Республики.

Второй раз юные атлеты встретились в ГДР, в спортивном лагере у Шарльмютценского озера. Победила команда белорусских ребят и увезла кубок к себе в Гомель.

Минул еще год. Встреча в Праге. Снова победа достается немецким ребятам, но на этот раз из города Дессау. Туда и уезжает кубок.

Четвертая встреча произошла у нас, на солнечном стадионе волшебной пионерской страны Артек. Отсюда кубок отправился в болгарский город Бургас вместе с командой школы имени Вазова.

Встреча 1961 года состоялась в столице Венгрии Будапеште. И снова, как в 1958 году, победили советские ребята. Только теперь кубок переселился не в Белоруссию, а на Украину, в одесскую школу № 57.

Прошлым летом финал пионерского четырехборья разыгрывался в болгарской столице. Из Софии кубок отправился в Румынию, потому что победила команда школы № 2 румынского города Брашова.

**ВСТРЕЧИ
ПО ИНТЕРЕСАМ**

Настал седьмой год путешествия кубка. Уже прошла заочная часть соревнований. Уже известны команды школ-победительниц, которые будут выступать за свои страны. В ГДР опять победила школа Лизелотты Херрман, в Болгарии — пионеры из города Руссы, в Чехословакии — пильзенские ребята, в Венгрии — юные спортсмены из школы Шальготарьян. Команды этих школ едут в Варшаву, где нынешним летом будут финальные соревнования.

А от советских ребят кто поедет?

9 000 000 пионеров и школьников состязались в 1962 году за это право, а затем «счастливая десятка» — десять лучших команд по четырехборью — собралась в Батуми, чтобы в спортивных поединках окончательно решить, которая же из них самая сильная, кому принадлежит право ехать в Варшаву «за кубком».

Два дня на батумском стадионе «Динамо» гремели аплодисменты любителей спорта, пришедших смотреть на состязания юных легкоатлетов. Чаще других имен на устах болельщиков было имя Людвиг Кведериса. Литовский пионер Людвиг добился победы в трех из четырех видов программы, набрал 375 очков и получил лавровый венок чемпиона. Такой же венок привезет к себе в Одессу и Галя Дворник. Ее результат — 328 очков.

Эстонская пионерка Майя Тасане метнула мяч на 64 метра. Это новый рекорд. Поздравляем Майю!

Но в командном зачете на первое место вышли ребята Щербинской школы Московской области. Щербинские пионеры, победив остальные команды «счастливой десятки», получили путевки в Варшаву.

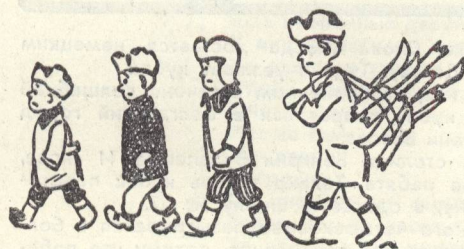
Кому же на сей раз достанется кубок? Этого мы пока не знаем, тем более, что в борьбу вступают новые претенденты: ребята Кубы, Финляндии, Франции. Но кто бы ни выиграл кубок, куда бы ни лег путь хрустального путешественника, всюду за ним протянутся крепкие нити спортивной пионерской дружбы. Не зря же кубок зовется Кубком дружбы!

Эгон Ролле — спортивный судья — живет на страницах пионерской газеты «Ди Троммель» (Барабан). Когда команда юных атлетов ГДР уезжает на финальные соревнования, каждый получает «на счастье» куклу, изображающую Эгона Ролле.

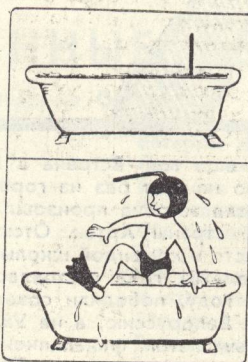

Туда...

и обратно!

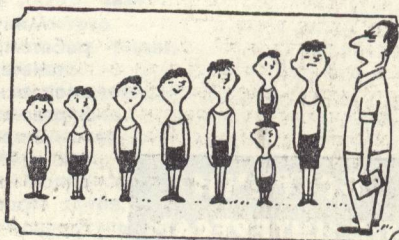
ИЗ ДЕТСКИХ ЖУРНАЛОВ РАЗНЫХ СТРАН

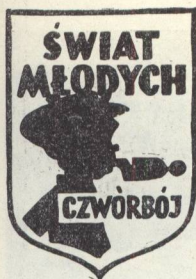
Аппарат проверен!

Так был перекрыт рекорд.

По росту становись!

Газета польских ребят «Свят Млодых» («Мир молодых») вручает участникам состязаний не куклу, а нарукавный знак с изображением спортивного судьи Войтеха Попшеки. Этот забавный персонаж постоянно появляется на страницах газеты.

ТАК РОЖДАЕТСЯ ДРУЖБА

Катя и Бурхильд в спорте были соперницами, хотя ни разу не видели друг друга. И только в международном спортивном лагере неподалеку от Праги сошлись их пути. Девятнадцать дней девочки жили в одной палатке, вместе играли, вместе ходили на прогулки, пели песни, собирали цветы, делали зарядку. И вот пришла решающая пора: они на стадионе.

...В секторе прыжков планка поднимается все выше. Девочки, не сумевшие взять высоту, одна за другой покидают площадку, превращаясь из участниц в зрителей. Наконец их осталось двое: Катя и Бурхильд.

Высота 130. Разбег, толчок, и Катя легко берет ее. Бурхильд сшибает планку. Девочка упала духом, расстроена. Но Катя показывает два пальца: успокойся, впереди еще две попытки.

Со второй попытки Бурхильд преодолевает высоту 130. А потом, продолжая соревнование с Катей, берет планку, поднятую на отметку 140.

Победила! Катя без зависти и досады обняла Бурхильд. Возвращались со стадиона в лагерь вместе. Шли с песней, крепко взявшись за руки. И трудно было догадаться, кто из них победитель, а кто побежденный, если не знать, что победителем была дружба.

Поздно вечером, когда девочки ложились спать, Бурхильд показала Кате два пальца и, старательно выговаривая слова, сказала по-русски: «Катя, карошо, спасибо!»

С тех пор они обе уже выросли, но и теперь почтальоны приносят Кате письма из Дессау, а Бурхильд из Москвы.

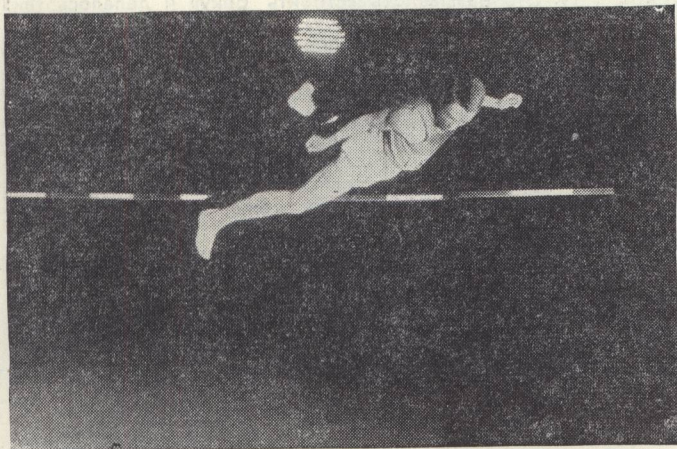
КНИГА РЕКОРДОВ

Каждый раз победители соревнований вместе с хрустальным Кубком дружбы получают большую «Книгу рекордов», где записываются лучшие достижения юных спортсменов. Вот кому принадлежат сейчас эти рекорды.

ПО ПРЫЖКАМ В ВЫСОТУ: советским пионерам Васе Хоменкову — 180 сантиметров [София, 1962 г.]; Оле Колёновой — 150 сантиметров [Артек, 1960 г.].

Прыгает Добринка Проданова.

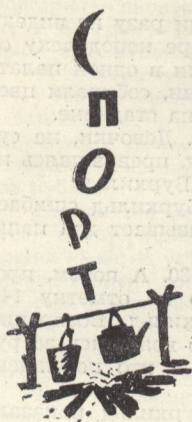

ПО БЕГУ НА 60 МЕТРОВ: венгерскому пионеру Арону Шипошу — 7,3 секунды [София, 1962 г.] и румынской школьнице Габриэле Радулеску — 7,9 секунды [София, 1962 г.].

ПО ПРЫЖКАМ В ДЛИНУ: румынским школьникам Константину Ритивому — 6 метров 23 сантиметра и Габриэле Радулеску — 5 метров 33 сантиметра [София, 1962 г.].

ПО МЕТАНИЮ МЯЧА: болгарской пионерке Добринке Продановой — 66 метров 22 сантиметра [Артек, 1960 г.] и румынскому пионеру Ивану Еуджену — 92 метра 5 сантиметров [София, 1962 г.].

Прыгает Вася Хоменков.

...Камни, камни, камни...

А КАК, РЕБЯТА, НАСЧЕТ ТУРИЗМА?

Пришло лето, и просыпается в человеческом сердце какое-то веселое беспокойство: мечты о вольных просторах, синем небе, шепоте реки, бульканье каши на костре и о многом другом, что собрано в слове «туризм», как вещи в хорошо уложенном рюкзаке.

Перед нами выдержки из походного дневника замечательной экспедиции, которую провели юные туристы 544-й московской школы со своим руководителем Александром Сергеевичем Потресовым.

Ходили они не «просто так», а помогали ученым решить одну из загадок, связанных с Ледовым побоищем, и для этого искали следы древних, забытых волоков. Было интересно, было и трудно, но открытия, сделанные юными туристами, оказались очень полезными науке. Эти открытия помогли объяснить, почему Александр Невский решил поставить свое войско «на узмени у Воронья камня», где на первый взгляд нечего защищать и откуда в случае поражения нет пути для отхода на Новгород.

Итак, слово походному дневнику.

11 июля. Комары работают посменно. Привал. Нет, все-таки даже группа, составленная из самых бывалых туристов, в начале похода бывает неслаженной. И палатки у нас ставились и вода нагревалась гораздо дольше, чем положено. Но часам к десяти все было готово. Ужинали, смотрели карту и одновременно уточняли распорядок дня комаров и мошки. Оказывается, они работают посменно: до заката в основном докучает мошка — мелкие такие мушконки, а после заката — комары. Мы заметили, что, когда пытаешься убить комара, он, как правило, улетает, мошка же сидит совершенно спокойно. Наблюдение верное, но от этого не легче: все равно обнаруживаешь этих кровопийц лишь после укуса, а мошка, пожалуй, жалит сильнее.

Мы стоим в двух километрах от деревни Бежаны, как сказали нам шедшие мимо пионеры-туристы. Значит, сегодня пройдено километров двадцать. Что же, для начала неплохо!..

15 июля. Что такое байдарочный туризм. Если бы Репин сейчас писал эскизы для своих «Бурлаков», ему следовало бы приехать на Сабу и поглядеть на нас. До сих пор мы просто не представляли себе, что такое байдарочный туризм, честное слово! Зато сегодня мы уже представляем...

Порог у плотины был не порогом, а только его началом. Весь порог оказался протяженностью (подумать только!) в одиннадцать километров!

Камни. Камни. Камни. Нагромождения бревен. Тина. Редкие глубокие места, где все равно на байдарке не проплывешь, так они коротки. Плыть невозможно. Тащить неудобно. Стоять бессмысленно.

Мы разделились. Девочки и Володя-маленький отпавились берегом, а остальные принялись за работу. Это называлось «строить реку» и делалось так: Володя-большой держит за веревочку связку байдарок; Олег, Володя-средний, Александр Сергеевич, и Марк Александрович выворачивают со дна речного пудовые камни и укладывают их по сторонам бущего — в полтора метра шириной — «судоходного пути»; когда «русло» длиной в два десятка метров готово, идем «добывать» воду. Для этого из тех же камней и бревен воздвигаются поперечные барьеры. «Русло» наполняется, мы торжественно тащим байдарки, которые жалобно скрипят. Под конец, потеряв терпение, мы волочим их прямо по камням, если поверх камней есть хоть капля воды. Река безлюдна. Оно и понятно. Нормальным людям на этих камнях делать нечего. Досада берет: вот уже второй день идем, вернее, ползем по воде — и никаких тебе следов древнего водного пути...

СПОРТ

Конечно, байдарки перетаскивать легче, чем груженные ладьи, но путь — один и тот же.

16 июля. Мы несколько разочарованы. На берегу расположилась целая группа округлых холмиков. Это курганы. Минута — и весь наш отряд уже наготове с компасом, миллиметровкой, мешочками для находок и огромным количеством энтузиазма.

Работа занимает добрых два часа. В раскопе Коновалов отыскивает обломок старинной керамики и несколько костей (раскоп не наш, а старый).

Мы, правду сказать, разочарованы. В мечтах нам представлялось, что вокруг курганов так и валяются древние мечи да кольчуги...

18 июля. Интервью с «гидрометеодедом». В селе Сяберо мы познакомились с двумя здешними старожилками: семидесятипятилетним «метеорологиче-

ским дедом» Яковом Дмитриевичем (он ведет наблюдения на озере и ежедневно отправляет почтой в метеоцентр) и с пожилым учителем Василием Яковлевичем. Они рассказали немало интересного. От них мы впервые услышали, что там, где сейчас стоит одинокая церковка, в древности располагался монастырь. В монастыре велась летопись, которая до наших дней не сохранилась. Но учитель много лет назад читал ее рукописные тексты и некоторые даты запомнил. Одна из дат — 1461 год, когда монастырь был дотла сожжен «литовцами». Литовцами? Сомнительно! Скорее это были не литовцы, а ливонцы (рыцари ливонского ордена). Именно в 1459—1461 годах они совершили несколько набегов на восточные берега Чудского озера. И поныне восточ-

Шестьдесят восьмая заплата поставлена, зато пороги остались позади.

СЮРП

Так они шли, следопыты забытых дорог.

ный «порядок» села Сяберо носит многозначительное название «Разграб».

20 июля. Мы не ушкунники, но... Озеро Вёрдуга произошло из ледника. Сейчас оно мелеет и зарастает. С двух концов к нему примыкают болота.

Мы предположили, что болота эти были раньше частью озера Вёрдуги. В таком случае оно близко подходило к озеру Сяберо, между ними было не три километра, а метров пятьсот, и волок был коротким.

Мы нашли доказательства! По одну сторону болота стоит село Вёрдуга, по другую — деревня Завердужье. Эти два названия могли возникнуть лишь в

том случае, если на месте болота продолжалось озеро.

...Волок! Превосходное слово, воскрешающее в памяти страницы истории! Мы, конечно, не ушкунники, дело происходит не в тринадцатом веке — и все же мы занялись именно волоком. Длина волока на этом участке всего метров семьсот. Около волока озера в старой ледниковой морене, загораживающей выход из ложбинки к воде, мы обнаружили выемку явно искусственного происхождения. Похоже, будто она прорыта специально для того, чтобы сподручнее было перетаскивать что-то к озеру: может, ушкун?

В тот же день. «Старая дорога на Литву». А село Волошово? Почему оно стоит на реке Вёрдуге в нескольких километрах от озера и от волока?

Два дня думали об этом, пока не помогла новая находка. Нашли старую, заброшенную дорогу от села Сяберо на Волошово. В низких местах дорога идет по гати, вымощена бревнами. Старики говорят, что гать местами выложена в девять настилов (как древние мостовые в Новгороде!).

Вывод: суда перетаскивали из озера Сяберо в озеро Муж через прокоп в морене. Дальше шли водой, а товары перебрасывали на лошадях в Волошово. Вёрдуга при выходе из озера еще мелка, а у Волошова уже могла поднять груженные суда.

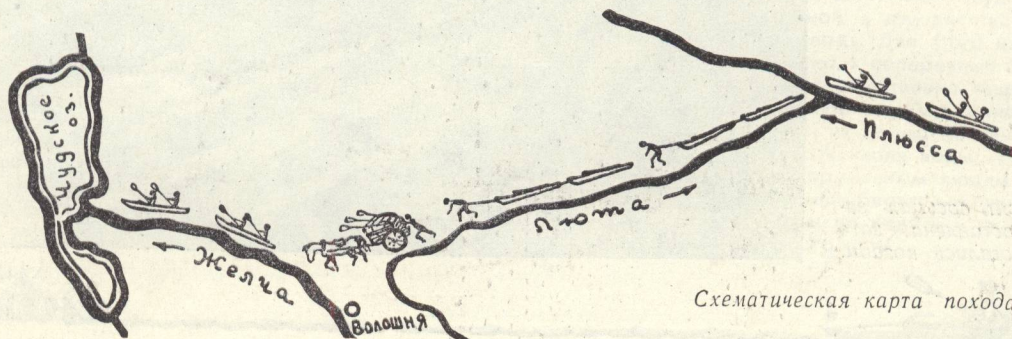
Здесь кончали волок суда, идущие из бассейна Луги, и начинали волок идущие из бассейна Плюсы.

21 июля. Пропажа. Из озера Вёрдуга вытекает река Вёрдуга. По ней нам идти тридцать четыре километра. Но... реки не оказалось. Обмелевшая, заросшая, она вся ушла по осушительным каналам и канавам, проведенным в торфяниках, и обогатила своей водой Ладню, приток Сабы. Но нам-то по маршруту Ладня ни к чему! Буксируем байдарки по торфяной жиже каналов.

28 июля. Псы-рыцари у нас на пути. Оставив дежурных в лагере на Лютё, идем смотреть волок и искать исторические объекты.

Так много интересного, что решили не возвращаться в лагерь к ужину и заночевали под стогом сена. Утром узнали о могильниках, называемых «Песьи мѡгилы», по-местному с ударением на «о». Можно ли упустить такое? Псы-рыцари до сих пор живут в названиях, в памяти людской. «Мѡгилы» эти около селения Стреково. Опять загвоздка! Стоит оно на середине водораздела, на середине волока; в трех-четырёх километрах от Волошни.

По «Толковому словарю» Даля «стрекаться» — синоним глаголов «стыкаться», «встречаться». Может быть, Стреково возникло на том месте, где «стрекались», встречались торговые люди, волокущие свои суда к Чудскому озеру, с теми, кто возвращается?

Схематическая карта похода.

Выемка в ледниковой морене.

29 июля. Последнее звено. Переход всего семь километров. Основная группа шла берегом, а байдарки по-вчерашнему вели на поводке, как собачек. В полдень встали недалеко от села Заполье. Здесь будем делать волок в Желчу. Здесь мы найдем то, что ищем, или — наш поход впустую.

...Пошли смотреть волок. Положительно никогда мы не видели такого обилия старых могильников. Все это очень здорово, так как свидетельствует, что мы находимся на древней магистрали.

Пошли через поле в Заполье. Едва лишь поднялись на холм, как увидели долину Желчи, и от нее до Люты — узкую, но глубокую ложбину, заболоченную, заросшую кустарником. Конечно, это и есть древний волок. Ложбина отчетливо указывает его направление! По обеим сторонам ложбины — две цепочки деревень. Еще одно доказательство, что мы на древней магистрали. Поселения не возникали где попало. В более поздние времена они вытягивались вдоль большаков, вдоль почтовых трактов, потом вдоль железных дорог. Семь-восемь веков назад «большаком» были реки, цепочки озер да волоки.

2 августа. Вот и август... Поход близок к концу. Весла тревожат воду последней реки на пути.

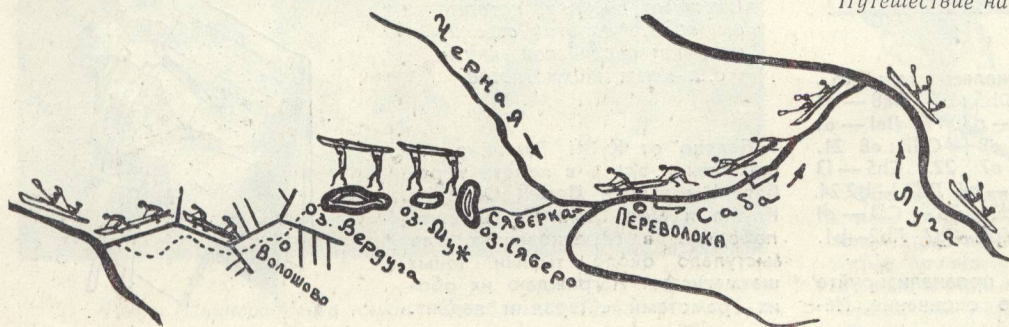
Желча здесь не то, что у Юхнова. Правда, она не широка, но чиста и полноводна. Река, выражаясь географически, сильно меандрирует, а говоря попросту, петляет направо и налево; только успевай работать веслами!

По берегам сидят ребята и ловят раков. Мы внимательно смотрим, как это делается, и пытаемся подражать.

4 августа. Нам говорят «спасибо». Выше устья Желчи нас встретил на катере начальник археологической экспедиции Академии наук СССР генерал Караев. Оказывается, экспедиция уже закончила работы этого года и только ждала нашу группу. Вечером мы были приглашены на доклад Караева. Он дал высокую оценку нашей работе и сказал, что собранные нами факты полностью подтверждают предположение о древнем водном пути из Новгорода в Чудское озеро, более коротком и прямом, чем идущий южнее, на Псков. А если так — понятно, почему именно здесь встал «на узмени» Александр со своей ратью. Он встал, чтобы заслонить меченосцам прямой путь к Новгороду!

Путешествие начиналось отсюда.

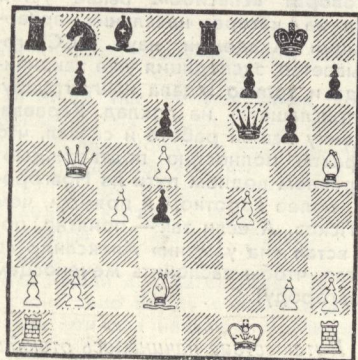

В этом номере журнала немало расширились границы моих шахматных владений. Хотите знать, почему? Дело в том, ребята, что я расскажу вам о юных любителях шахмат из разных стран, об их большой и хорошей дружбе.

Вскоре намечено провести первенство мира среди юношей. Победу будут оспаривать ребята из Чехословакии, Румынии, ГДР, США, Кубы, представители многих континентов. Кандидатом на участие в первенстве стал и наш советский школьник **Алвис Витолиньш**.

Ученик одной из школ латвийского города Цесиса Алвис Витолиньш выполнил недавно норму мастера спорта. Посмотрите окончание его партии с Владимиром Тукмаковым.

Игра продолжалась так: 16... Сс8—d7 17. Фb5:b7 Лa8—a4 18. b2—b3 d4—d3 19. Лa1—e1 Лa4:a2 20. Лe1:e8+ Сd7:e8 21. Фb7:b8 Фf6—e7 22. Ch5—f3 Лa2:d2 23. Фb7—b6 Лd2—b2 24. g2—g4 d3—d2 25. Cf3—d1 Fe7—e1+ 26. Kpf1—g2 Лb2—b1. Белые сдались.

Внимательно проанализируйте это поучительное окончание. На-

пишите, как следовало защищаться белым.

Да, упорной и трудной будет борьба на юношеском чемпионате мира. Даже я не знаю, кто займет первое место. Но одно несомненно: снова победит дружба. Ведь еще великий узбекский поэт Алишер Навои более четырехсот лет назад, описывая шахматные поединки, говорил:

«Это благородная вражда, вражда-соревнование. Игра закончится, и от вражды не останется и следа».

А сейчас, в канун больших шахматных «сражений», хочу поздравить с успехами школьника с острова Свободы кубинца **Хосе Карлоса Менандеса**. Хосе только четырнадцать лет, а он уже стал победителем турнира клуба имени Кабланки.

Прославленный кубинец Хосе Рауль Кабланка был чемпионом мира с 1921 по 1927 год. Его имя известно каждому кубинцу: ведь с детских лет Кабланка отличался на соревнованиях в Гаване. Хорошо начал свой спортивный путь и Хосе Карлос Менандес. Награждаю его грамотой «Ферзя и ладьи».

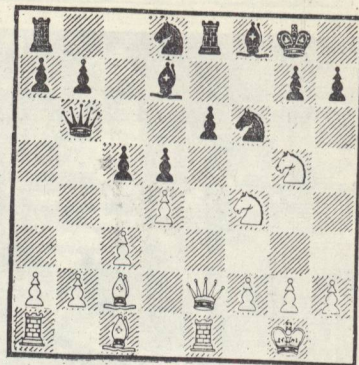
Шлю также наши почетные грамоты чемпиону Кубы среди юношей **Энрико Веласко** и **Омару Трухильо**. Десятилетний Омар отлично играл в турнире школьников Гаваны. Мне понравились его партии.

Смешные рисунки, которые вы видите на этих страницах, из английской книги для юных шахматистов.

Далеко от Кубы Румыния, но шахматы и здесь в почете у ребят. Школьники **Дорин Оане** из Клужа и **Дон Зара** из Плоешти победили в соревнованиях, где выступало около тысячи юных шахматистов. Награждаю их обоих грамотами «Ферзя и ладьи».

Посмотрите, как атакует Дон Зара:

К этой позиции пришла партия Зара—Хинеску из турнира школьников Плоешти. Игра продолжалась так:

16. Kf4—h5 Лe8—e7 17. Kh5:f6+ g7:f6 18. Kg5:h7 Лe7:h7 19. Cc2:h7+ Kpg8:h7 20. Фe2—h5+ Kph7—g8 21. Фh5—g6+ Kpg8—h8 22. Лe1—e3 e6—e5 23. g2—g4 Cf8—g7 24. Лe3—h3+ Kph8—g8 25. Ccl—h6 Kd8—e6 26. Ch6:g7 Ke6:g7 27. Лh3—h7. Черные сдались.

Составьте сами примечания к этому окончанию и пришлите мне ваши анализы.

Английские ребята тоже поклонники нашей древней игры. Юные лондонцы усердно изуча-

ют и теорию. В недавних соревнованиях в Лондоне играло около четырехсот школьников. Здесь отличились **Том Фокс** и **Вилли Хартстон**.

Очень радуют меня ребята — шахматисты из ГДР. Недавно они провели третий чемпионат своей республики. Право играть в таком ответственном соревновании надо завоевать на школьных и городских первенствах. Хорошую, изобретательную игру показали **Вальтер Гольц**, **Карл Деринг**, **Стефан Готшлинг**, **Рейнер Селиг**, **Бернд Франке**, **Андреас Берш**, **Рудольф Шуберт**, **Вольфганг Брюнке**. Принимаю их в свои оруженосцы.

Шлю немецким школьникам пожелания новых успехов в учении и шахматах и награждаю их грамотами «Ферзя и ладьи».

А сколько юных почитателей нашей древней игры в Польше, Болгарии, Чехословакии и других странах! Совсем недавно **Властимил Хорт** играл в школьных первенствах Чехословакии, а сейчас он уже международный мастер, участник командного первенства мира.

В дни матча Ботвинник — Петросян болгарские ребята из города Толбухина провели олимпиаду в честь этого соревнования. Юные шахматисты сражались в турнирах, решали задачи, отвечали на вопросы из истории борьбы за мировое первенство. Победители в олимпиаде: **Петранка Николова** и **Желю Кынчев**. Награждаю их грамотами.

Радостно, что всюду растут новые таланты, выдвигаются яркие дарования. Великий немецкий по-

Чехословакия. Юные шахматисты.

эт Гёте говорил, что «шахматы — испытание ума». Пусть больше будет таких «испытаний».

Дружбе не страшны расстояния. Недавно с большим успехом прошел заочный турнир юных шахматистов пяти столиц: Москвы, Праги, Будапешта, Бухареста и Берлина. Игра велась по телеграфу. Победили москвичи. А сейчас много волнений вызывает матч по переписке между шахматистами Московского Дворца пионеров и ребятами из города Готвальдов (Чехословакия).

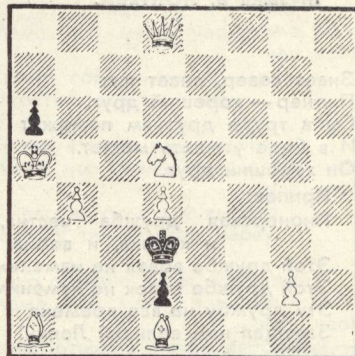
В Ленинграде недавно побывали юные шведские шахматисты. Они встретились в матче со школьниками Российской Федерации.

Крепнет верная спортивная дружба ребят. Этой дружбе посвятили свои шахматные задачи школьники из Минского Дворца пионеров.

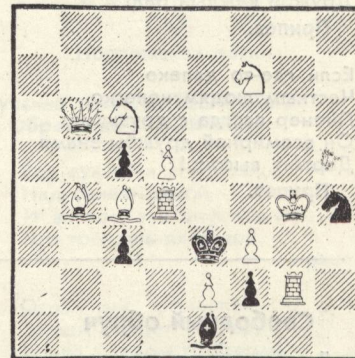
Это задача ученика 21-й школы

ВСТРЕЧИ ПО ИНТЕРЕСАМ

Сережи Бегуна. Найдите, как белые дают мат в два хода черному королю.

А теперь посмотрите задачу Александра Ключа из 61-й минской школы.

И здесь мат достигается в два хода.

Обе эти задачи мы включаем в наш конкурс дружбы. Победителей этого конкурса и ребят, которые правильно разберут помещенные в этом номере окончания партий, мы наградим грамотами «Ферзя и ладьи».

Члены ленинградского клуба «Серебряный олень» — участники заочного матча с Будапештом.

ПЕСНЯ О ПИОНЕРСКОЙ ДРУЖБЕ

В темпе марша

Слова О. ВЫСОТСКОЙ.

Музыка В. ЛОКТЕВА.

Знает север, знает юг:
Пионер — хороший друг.
Он в труде друзьям поможет
И в беде утешить может.
Он хороший друг.

Припев:

Пионерская дружба честна,
и крепка, и верна,
Этой дружбе вовек не изменим!
Этой дружбе вовек не изменим!
Эту дружбу на все времена
Завещал нам великий Ленин!

Этой дружбе нет преград,
Пионер — всем детям брат!
Белокожим, смуглолицым
Надо крепко подружиться,
Дружбе каждый рад!

Припев.

Если где-то далеко
Честным людям нелегко,
Пионер всегда с друзьями:
Он всемирной дружбы знамя
Держит высоко!

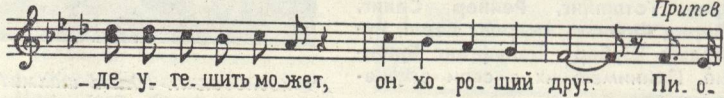
Припев.

1. Зна-ет се-вер, зна-ет юг, пи-о-

-нер - хо-ро-ший друг Он в труде друзьям по-может и в бе-

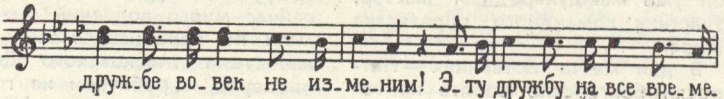
-де у-те-шить мо-жет, он хо-ро-ший друг. Припев

-нер ска-я друж-ба чест-на и креп-ка и вер-

-на, Э-той друж-бе во-век не из-ме-ним! Э-той

друж-бе во-век не из-ме-ним! Э-ту дружбу на все вре-мя.

-на за-ве-щал нам ве-ли-кий Ле-нин!

Свободный обруч

Дети становятся в круг,
берутся за руки, потом опу-
скают руки, берут обручи,
и каждый надевает обруч
через голову и кладет его
на пол. Теперь каждый
мальчик и девочка стоят в
центре обруча. Один об-
руч на линии круга остае-
тся пустым. В центре кру-

— Тише... Папа занят!

га, образованного ребята-
ми, стоит кто-нибудь из
играющих. Он пытается
прыгнуть в свободный об-
руч, но все играющие пе-
репрыгивают по движению
часовой стрелки по кругу,
из обруча в обруч, пыта-
ясь помешать попасть в
обруч тому, кто стоит в
центре. Когда же ему уда-
ется прыгнуть в свободный
обруч, на его место в центр
круга становится тот, кто
остался без обруча.

Болотце

На земле рисуется такая
фигура, как на рисунке
справа. Игра начинается
так: первый играющий на
одной ноге впрыгивает в
1-ю клетку и далее до 14-й,
а из 14-й надо снова вер-
нуться в 1-ю, но прыгая
спиной вперед. Добрав-
шись до 1-й клетки,
играющий снова прыгает

до 14-й и обратно (спиной
вперед), но уже на двух
ногах. Во время игры не
разрешается наступать на
линии или попадать ногой
в середину: середина —
это болотце, в нем водятся
крокодилы, которые съеда-
ют каждого, кто неосто-
рожно ступил ногой в бо-
лотце. Такой игрок выбыва-
ет из игры.

12	13	14	1
11	Болотце		2
10			3
9			4
8	7	6	5

Напевно, не спеша

Солит

муз.

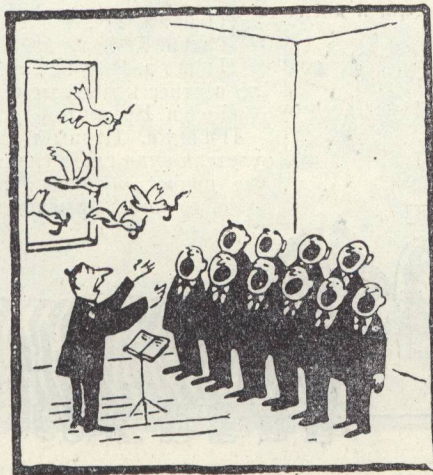
1. Я про-снул-ся се-год-ня ра-но, ма-ма,
чао, ма-ма, чао, ма-ма, чао, чао! Я про-снул-ся се-год-ня
ра-но в на-шем ла-ге-ре в ле-су. Я про-снул-ся се-год-ня
в на-шем ла-ге-ре в ле-су. 2. Све-тит

Не спеша, напевно

1. Вот су-мер-ки сгу-сти-лись над
си-не-ю ре-кой, и звез-ды так спу-
сти-лись, что тро-нешь их ру-кой. И
звез-ды так спу-сти-лись, что тро-нешь их ру-кой.

Прислушайся!

Садятся в круг. Посреди-не сидит игрок с завязан-ными глазами. Рядом с ним, на расстоянии не более двадцати сантиметров, кладут маленький предмет (перочинный ножик, палочку, платок, пояс и т. п.). Игрок с завязанными глазами должен сторожить этот предмет, а остальные стараются украсть его. Если «сторож» будет прислушиваться очень внимательно, то похитить у него предмет трудно. Сторож должен ловить «вора»; если поймает, то тот садится на его место.

МАМА, ЧАО!

Песня итальянских пионеров

Я проснулся сегодня рано,
Мама, чао, мама, чао, чао, чао,
чао, чао!

Я проснулся сегодня рано
В нашем лагере в лесу.

Светит солнце, сияет жарко,
Мама, чао, мама, чао, мама, чао,
чао, чао!

Светит солнце, сияет жарко,
В гости к солнцу я иду.

Смело в горы иду высоко,
Мама, чао, мама, чао, мама, чао,
чао, чао!

Смело в горы иду высоко,
Горных там цветов нарву.

Шлю отчизне букет огромный,
Мама, чао, мама, чао, мама, чао,
чао, чао!

Шлю отчизне букет огромный —
Свою родину люблю.

СУМЕРКИ

Норвежская песня

Русский текст А. ТВЕРСКОГО.
Обработка В. ЛОКТЕВА.

Вот сумерки сгустились
Над синею рекой,
И звезды так спустились,
Что тронешь их рукой. 2 раза.

Огромный, языкастый,
Трещит, гудит костер,
И над холмом горбатым
Стал виден черный бор. 2 раза.

Наверно, вместе с нами
Ребята всей земли
Бушующее пламя
В вечерний час зажгли. 2 раза.

Друзьям на всей планете
Мы в песне шлем привет,
Пусть им ярко светит
Костров счастливый свет! 2 раза.

ЮМОР

ИЗ ДЕТСКИХ ЖУРНАЛОВ РАЗНЫХ СТРАН

Учитель: — Тони, я очень удивлен, прочитав твое домашнее сочинение о вашей собаке. Оно слово в слово повторяет прошлогоднее сочинение твоего брата на эту же тему!

— Конечно, господин учитель! Ведь собака-то осталась та же самая.

Николь вбежала в комнату и сказала матери:

— Мама, я опрокинула лестницу.

— Ах ты шалунья! Если бы папа узнал об этом, он наказал бы тебя.

— Я это знаю, мама, только папа не может наказать меня, потому что он сейчас висит на люстре.

— Мохаммед, — вызвал к доске ученика учитель. — Скажи мне, сколько будет шесть плюс четыре?

— Двенадцать, учитель.

— Нет, нет...

— Девять, учитель.

— Ну, что ты говоришь, Мохаммед, подумай хорошенько!

— Тринадцать?!

— Нет, нет, Мохаммед! Почему ты ни разу не сказал, что будет десять?!

— Десять, господин учитель? Этого не может быть! Я отлично помню, что десять получится, если к пяти прибавить пять!

Случай на охоте.

Пожалуйста, дайте один билет на карнавал.

ХВАСТУНИШКИ

Янош ФЮЛЕКИ

Лали. Подумай, я самый знаменитый мастер по изготовлению пугал, меня во всем мире знают!

Пишта. Да что ты?!

Лали. Правду тебе говорю. На прошлой неделе я сделал пугало и отнес в мамин огород, на грядку с зеленым горошком.

Пишта. Ну и что?

Лали. И представь себе, что с тех пор в окрестностях не осталось ни одной птицы, все гнезда пустые.

Пишта. Ну, это еще ерунда!

Лали. Как ерунда? Попробуй сделать и ты так!

Пишта. Я лучше тебя умею! Я тоже сделал пугало и отнес к моей маме на грядку зеленого горошка.

Лали. Ну и что?

Пишта. Птицы так перепугались, что не только улетели куда глаза глядят, но один дикий голубок даже принес обратно горошину, которую утащил за день до того с маминной грядки.

ВСТРЕЧИ ПО ИНТЕРЕСАМ

ВНИМАНИЕ, КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ!

ЖЮРИ ПОДВОДИТ ИТОГИ КОНКУРСА

Несколько месяцев шли в «Пионер» письма и посылки с пометкой «Фестиваль». На наш конкурс ребята прислали множество коллекций марок, значков, открыток, спичечных этикеток. Жюри внимательно изучило все коллекции и решило премировать двенадцать самых лучших работ. Вот кто их прислал.

Борис Житков из города Кропоткина прислал хорошую коллекцию спичечных этикеток. На обложке журнала мы поместили две этикетки из его коллекции — «Еж» и «Моряк». Борис хорошо подобрал этикетки, правильно расположил их по темам, аккуратно наклеил и подписал.

Из чехословацкого города Усти над Орлицей тоже пришла посылка со спичечными этикетками. **Ярослав Рут** собрал небольшую, но очень интересную коллекцию. На обложке страничка из коллекции Ярослава.

В большой коллекции этикеток **Люды Кандарели** из города Гори Грузинской ССР много редких экземпляров. На нашей обложке — финская спичечная этикетка с веселым Микки Маусом из коллекции Люды.

Леня Слепак из Одессы собирает марки только спортивные и космические. Зато они показаны полно и интересно. А как красиво и аккуратно расположены марки в его альбоме! Посмотрите снимок на обложке.

Страничка из альбома Хелены Стейнберговой.

С огромным интересом рассматривали ребята коллекции, присланные в редакцию на фестиваль.

Значки из коллекции Сережи Демина.

Саша Чарыгин с Кашпир-рудника, Куйбышевской области, выделил в своей коллекции особую серию марок, посвященных В. И. Ленину. Эта серия у Саши еще не очень большая, но хорошо подобрана и аккуратно оформлена.

Ребята из клуба интернациональной дружбы Московского Дворца пионеров собирают марки, посвященные жизни пионеров — советских и стран

народной демократии. На нашем снимке — советская марка, выпущенная в 1929 г. в честь I Всесоюзного пионерского съезда.

Альбом открыток Хелены Стейнберговой из Чехословакии посвящен Ленинграду. Такая коллекция помогает узнать и полюбить далекий город друзей. Здесь на снимке — страничка из альбома Хелены.

Сереза Демин учится в 3-м классе и живет в поселке Комсомольск-Ставропольский. Это совсем рядом с Куйбышевской ГЭС имени В. И. Ленина. Великая стройка стала темой Серезиной коллекции. Он собирает все, что рассказывает о строительстве ГЭС, — марки, конверты, открытки, вырезки, фотографии. Альбом Серези украшают значки, выпущенные в честь пуска ГЭС.

Есть в болгарском городе Севлиево пионерский интернациональный клуб. Интересная коллекция сувениров, которую прислали ребята из Севлиево, рассказывает о работе клуба.

Света Алябьева из города Химки прислала два больших, красиво оформленных альбома с вырезками из художественных конвертов.

Ребята из школы № 82 города Донецка организовали клуб имени Фиделя Кастро и собирают все,

что рассказывает о пионерах Кубы. В посылке из Донецка — пионерские значки Кубы, галстуки и шапочки кубинских пионеров. Альбом пионерских сувениров прислало из Воронежа звено интернациональной дружбы 6-го класса школы № 28.

Жюри благодарит всех ребят, приславших свои коллекции на конкурс.

Марка из коллекции клуба Минского Дворца пионеров. На марке чешские куклы — Гурвинек и Шнейбл.

Содержание

Открываем фестиваль разноцветных галстуков . . .	1
Приветствия фестивалю. — С. Маршак, Манолис Глезос, Войцех Жукровский, Павел Попович, Борис Майоров . . .	2
Парад разноцветных галстуков . . .	4
Большой костер фестиваля . . .	8
Что тревожит наших мам . . .	16
Клуб клубов . . .	18
Почта . . .	24
Встречи по интересам	
Юные космонавты . . .	28
Читаем свои стихи и рассказы . . .	30
Для тех, кто любит спорт. — В. Колосков . . .	67
В стране шаха, владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович . . .	74
Песни и игры . . .	76
Юмор . . .	78
Внимание, коллекционеры! . . .	79
День рождения Мамаду. — Рассказ В. Крючкова . . .	32
Тысяча лир. — Рассказ А. Сахарова. Рисунки Г. Филипповского . . .	33
Сохраним верность нашей дружбе. Закрытие фестиваля . . .	38
Котлован в лесу. — Рассказ М. Барышева. Рисунки Е. Медведева . . .	40
Их было семнадцать. — С. Голицын . . .	48
Фабрика ветров . . .	49
На ударном фронте. — Фотоочерк Д. Ухтомского . . .	50
Девочка с красками. — Повесть Лазаря Карелина (продолжение). Рисунки О. Коровина . . .	52
Особенные двери. — Стихи Владимира Орлова . . .	66
На наклейках	
На привале. Фото И. Тункеля и В. Тюккеля . . .	
Мы любим рисовать. Рисунки ребят из разных стран . . .	
Собираем значки. Рисунок Г. Алимова . . .	
На обложке	
Хоровод дружбы. Рисунок Е. Мониной . . .	

Редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Художественный редактор П. Кузьмичев.

Редакционная коллегия: Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28, комната 11.

Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор В. Пархоменко.

А 00108.

Подписано к печати 19/VI 1963 г.

Тираж 600 000 экз.

Изд. № 1094.

Заказ № 1345.

Форм. бум. 84×108/16.

Бум. листов 2,62.

Печ. листов 8,61.

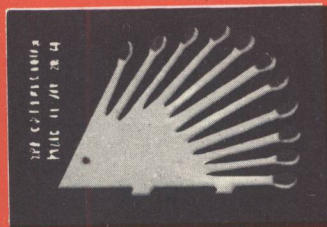
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Страничка из коллекции спортивных марок Лени Слепака (СССР, г. Одесса).

Две советские спичечные этикетки из коллекции Бориса Жукова (СССР, г. Кропоткин).

ИЗ КОЛЛЕКЦИЙ, ПРИСЛАННЫХ НА ФЕСТИВАЛЬ

Финская спичечная этикетка из коллекции Люды Кандарели (СССР, г. Гори).

Страничка из коллекции Ярослава Рута (ЧССР, г. Усти над Орлицей), спичечные этикетки на тему «Живая красота Чехословакии».

СССР
г. Усти над Орлицей III
ул. Крымская - 102
Ярослав Рута

Цена 25 коп.

Индекс 70694

Марки разных стран
рассказывают о детях.